

18+ МИХАИЛ АПОСТОЛ

ПЕПЕЛ ВМЕСТО ИМЕНИ

РОМАН / МРАЧНЫЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Михаил Апостол

Пепел вместо имени

«Издательские решения»

Апостол М.

Пепел вместо имени / М. Апостол — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Первая книга серии «Когда твой город горький на вкус». Он вернулся в город, который не помнит. Десять лет вырезаны из памяти аварией, но тени прошлого не прощают. Бывший криминальный лидер, шифр погибшего друга, предательство «брата» — всё тянет его обратно на дно. Чтобы спасти племянника и искупить грехи, ему придётся вспомнить всё. Даже то, что он сам хотел забыть навсегда. Мрачный индустриальный нуар о цене возвращённой памяти в мире, где правда пахнет ржавчиной и кровью. Книга содержит нецензурную брань.

© Апостол М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Город, который не прощает	6
Глава 2: Дом, где тебя ждет долг	9
Глава 3: Волчонок на поводке	12
Глава 4: Взрослые игры для щенков	16
Глава 5: Хищник в шелковом галстуке	19
Глава 6: Механик и мертвецы	22
Глава 7: Цена холодных пальцев	26
Глава 8: Кабинет с запахом страха	29
Глава 9: Учитель и его тени	32
Глава 10: Голос, который нельзя забыть	36
Глава 11: Парта, где вырезана правда	40
Глава 12: Карта минного поля	43
Глава 13: Ужин с дьяволом	46
Глава 14: Бюджет, замешанный на крови	49
Глава 15: Закон кастета	52
Глава 16: Сестра в кредит	55
Глава 17: Судья с лопатой и известью	58
Глава 18: Архив, который не сгорел	61
Глава 19: Исповедь палача	65
Глава 20: Сделка с пулей	67
Глава 21: Подвал с секретами	70
Глава 22: Голос на старой кассете	73
Глава 23: Привокзальный реквием	76
Глава 24: Завод, где время умерло	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Пепел вместо имени

Михаил Апостол

© Михаил Апостол, 2026

ISBN 978-5-0070-1624-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Город, который не прощает

Поезд выдохнул серое, вонючее облако пара, которое тут же смешалось с местным туманом, плотным, как кисель. Зареченск не встречал фанфарами. Он встречал знакомой с детства вокзальной тошнотой: смесью пережаренного на сто раз масла из чебуречной, дешевого дизеля и сырой пыли, которая за десять лет, кажется, только глубже въелась в шербатый бетон перрона.

Артем Волков стоял в тамбуре, вцепившись в поручень. Металл был ледяным и липким. Пальцы ныли. Старая травма — костяшки, выбитые еще в те времена, когда слово «район» писалось в голове с большой буквы, — предательски пульсировала на холоде. Он не спешил выходить. За спиной ворчал сонный дембель, толкаясь огромным баулом, но Артем не шевелился. Он разглядывал надпись на стене пакгауза напротив: «Мир принадлежит нам». Краска облупилась, буквы осыпались, словно город сам пытался выплюнуть это наглое утверждение.

Он наконец шагнул вниз. Подошва тяжелых ботинок глухо ударилась о перрон. Этот звук отозвался где-то в основании черепа. Десять лет. Срок, за который люди успевают родиться, вырасти и испортиться. Артем поправил ляжку сумки — в ней была вся его нынешняя жизнь: пара смен белья, поношенная куртка и бритвенный станок. Вес прошлого, однако, давил сильнее, чем любая кладь.

Вокзал выглядел как декорация к фильму про зомби-апокалипсис, который забыли снять. Фонари горели через один, испуская больной желтушный свет. В этом свете кружились крупные хлопья не то снега, не то пепла из котельной. Артем пошел к выходу, стараясь не смотреть по сторонам, но взгляд сам выхватывал детали. Вот здесь стоял ларек, где они с пацанами покупали первую «Балтику-девятку» на общаковые деньги. Теперь там куча битого кирпича, заваленная мусором. А вон там, у входа в туннель, Громов когда-то клялся ему в вечной верности. Вечность в Зареченске обычно длится до первого серьезного зашквара.

— Артемка? Волчара, ты что ли?

Голос был скрипучим, как несмазанная петля. Артем остановился. Возле столба, окутанная сизым дымом «Примы», стояла женщина. В этой бесформенной груди тряпья и пуховике цвета запекшейся крови трудно было узнать Ирину Михайловну. Десять лет назад она была «Иркой из буфета» — статной бабой с тяжелой косой, к которой Артем заходил за эклерами и свежими сплетнями. Сейчас перед ним стояла тень. Лицо, изрытое морщинами, как пашня, и глаза — тусклые, выгоревшие, в которых не осталось ничего, кроме усталости.

— Здравствуй, Михайловна, — Артем подошел ближе. Пахнуло перегаром и чем-то кислым.

— Принесло всё-таки... — она сплюнула под ноги. — А говорили, ты в Москве в гору пошел. Или в земле лежишь. Разное говорили.

— Как видишь, не дождалась, — Артем попытался улыбнуться, но лицо задеревенело. — Ты всё здесь?

— А куда я денусь? Мое кафе вон, за углом. Если это еще можно кафе называть. Заходи, Волков. Погрейся. Пока тебя Громовские не срисовали.

Внутри кафе «Встреча» было темно и пахло застарелым жиром. На стенах висели выцветшие плакаты с рекламой колы, которую здесь не видели с прошлого десятилетия. На единственном чистом столе стояла пепельница в виде хрустальной лодочки, до краев забитая окурками. Ирина Михайловна молча налила в граненый стакан мутную жидкость.

— Самогон. Чистый, — буркнула она. — Громов теперь город держит. Крепко держит, Артем. Раньше хоть понятия были, а сейчас — одни деньги. Наркота везде. Пацаны мрут как мухи по весне. Твой Данилка...

Артем замер, не донеся стакан до губ.

— Что с Даниилом?

— Влез куда не надо. Связался с Громовскими шестерками. Думает, там романтика. А там — кровь и грязь. Он у них на побегушках, долг какой-то отрабатывает. Сергей его специально держит. Ждет, когда ты объявишься.

Артем выпил. Жидкость обожгла горло, проваливаясь внутрь огненным комом. Желудок отозвался спазмом. Это была реальность. Не та, которую он рисовал себе в чистой, пахнущей хлоркой столичной квартире, а эта. Настоящая. Где твой племянник — расходный материал в руках бывшего друга.

— Марина как? — спросил он, глядя в дно стакана.

— Сестра твоя совсем высохла. Работает на двух работах, а толку? Квартиру коллекторы обложили. Громовские структуры, чтоб им пусто было. Она не знает, что ты вернулся. Не говорила я ей. Думала — вдруг передумаешь. Сел бы на обратный, а? Уезжай, Артем. Тебя здесь не жизнь ждет. Тебя здесь ждет долг. А долги у нас отдают только кожей.

Артем молчал. Он смотрел в окно, где по пустому перрону ветер гонял обрывок газеты. Ему хотелось встать и уйти. Просто выйти, сесть в первый же автобус и исчезнуть. Но за ребрами что-то тянуло. Какое-то корявое, злое чувство справедливости, которое не выдержишь никаким «цивилизованным миром».

— Громов знает? — коротко спросил он.

— Крылов, подполковник этот новый... он Сергею в рот заглядывает. Все привокзальные под ним. Камеры везде. Думаешь, ты просто так прошел? Тебя уже ведут. Кабан со своими парнями, наверное, уже прогревает тачку.

Ирина Михайловна вдруг схватила его за руку. Её пальцы были жесткими, как когти птицы.

— Артем, они блокнот ищут. Того, твоего... Лехи. Помнишь? Леха перед смертью что-то спрятал. Громов из-за этого блокнота тогда на дыбы встал. Весь город перевернули. Данилка твой тоже про него знает что-то. Громов думает, что ты за ним приехал.

Артем медленно убрал руку. В голове всплыло лицо Алексея. Кровь на асфальте. Хрип. И последние слова, которые он тогда не понял. Блокнот. Шифровки. Глупости юности, которые теперь превратились в смертный приговор.

— Мне пора, Михайловна. Спасибо за прием.

— Куда ты? К Марине? Там засада может быть.

— Разберемся.

Он вышел на улицу. Воздух стал еще холоднее. На стоянке у вокзала стояла черная «девятка» с тонированными в ноль стеклами. Мотор работал на холостых, из выхлопной трубы валил густой дым. Артем почувствовал, как затылок обдало жаром. Прямое наблюдение. Громов не терял времени.

Он пошел не к остановке, а вглубь кварталов, срезая путь через проходные дворы. Здесь Зареченск показывал свое истинное нутро: облупившаяся штукатурка, ржавые детские площадки, похожие на орудия пыток, и звенящая тишина. В одном из дворов он остановился. Из тени подъезда вышли двое. Молодые, в спортивках, лица скрыты капюшонами. Типичные «пехотинцы» нового времени. В руках у одного — обрез трубы, завернутый в газету.

— Слышь, дядя, — сказал тот, что повыше. Голос ломающийся, пацанский. — Закурить не найдется? А то мы люди неместные, заблудились.

Артем не стал ждать. Он знал этот сценарий наизусть. Первая фраза — это просто проверка на страх. Он бросил сумку на грязный снег и шагнул навстречу. Внутри него проснулось что-то старое, звериное. То, что он пытался похоронить десять лет.

Первый удар пришелся парню прямо в кадык. Хрип, судорожный вздох. Труба звякнула об асфальт. Второй кинулся было вперед, но Артем перехватил его руку, вывернул локоть до хруста и приложил головой о кирпичную кладку. Всё заняло не больше пяти секунд. Грязно. Быстро. Эффективно.

Артем стоял над ними, тяжело дыша. Его кулаки были в крови, смешанной с какой-то слизью. Он посмотрел на свои руки — они не дрожали. Это пугало больше всего. Город принял его. Город узнал своего сына.

— Передайте Громову, — выдохнул он в лицо стонущему пацану. — Волков вернулся. И я пришел за своим.

Он поднял сумку и пошел дальше, не оборачиваясь. За спиной, где-то в лабиринте панельных домов, взывала сирена. Где-то там, в центре города, в теплом офисе, Сергей Громов уже знал, что его спокойная жизнь закончилась. Камбэк начался не с красивых слов, а с хруста костей в грязном дворе. И это было единственно правильное начало для Зареченска.

Глава 2: Дом, где тебя ждет долг

Под ногами хрустело. Зареченск не убирали с девяностых, просто наслоили сверху свежий мусор, рекламные листовки и копать от проезжающих мимо фур. Артем шел через «Квартал» — так называли этот массив пятиэтажек, сгрудившихся, словно бездомные псы в мороз. Здесь воздух всегда имел вкус застоявшейся мочи и мокрого бетона.

Его дом. Панелька номер сорок два. Раньше она казалась крепостью, теперь — надгробием. На стене у входа кто-то старательно, размашистыми буквами вывел: «Громов — бог». Краска была свежей, ядовито-розовой, она стекала по серому бетону неопрятными каплями, похожими на сукровицу. Артем остановился, глядя на эту надпись. В груди, где-то под нижним ребром, заныло. Не сердце — там просто дергалась старая, заскорузлая мышца, привыкшая к ударам.

Кодовый замок на двери в подъезд был вырван с мясом. Дверь висела на одной петле, издавая при каждом порыве ветра звук, от которого зубы сводило — тонкий, металлический визг. Артем вошел внутрь. Запахло сразу всем: прокисшими щами, кошачьими метками и тем специфическим ароматом дешевой извёстки, которой пытались закрасить следы пожара на первом этаже. Лифт, разумеется, не работал. Его шахта зияла чернотой, оттуда тянуло могильным холодом.

Он начал подниматься. Ступеньки были выщерблены, из бетона торчали ржавые прутья арматуры, словно обломки скелета. На втором этаже на него уставилась облезлая кошка, в глазах которой не было страха — только бесконечное, тупое безразличие ко всему живому. Артем сжал кулаки. Сумка оттягивала плечо, ремень врезался в мясо, но он не перекладывал её. Ему нужна была эта боль, чтобы не провалиться в липкое марево воспоминаний. Вот здесь, на этой площадке, он впервые ударил человека кастетом. Кровь тогда была теплой и пахла железом. Сейчас здесь пахло только тленом.

Четвертый этаж. Квартира номер пятьдесят восемь. Артем замер перед дверью. Раньше она была оббита дерматином, добротно, с медными гвоздиками. Теперь дерматин свисал лохмотьями, обнажая дешевую фанеру. Но главное было не это. Прямо по центру, черным маркером, было выведено: «СУКА ВЕРНИ БАБЛО». Ниже — ряд цифр, сумма, от которой у обычного человека перехватывает дыхание. И следы от сапог. Дверь пинали долго и со вкусом. Замок был заменен — вместо старого, надежного «Эльбора», теперь стояла какая-то китайская жестянка, перекошенная и хлипкая.

Артем коснулся пальцами глубокой царапины на дереве. Кто-то работал ножом. Зло, методично. Он почувствовал, как во рту скапливается горькая слюна. Это была не просто угроза. Это была метка. Город пометил его сестру, как большую скотину, которую скоро поведают на убой.

Он не стал стучать. Достал из кармана связку ключей, которую Ирина Михайловна сунула ему в кафе вместе с самогоном. Ключ вошел в скважину с трудом, механизм заскрежетал, сопротивляясь. Внутри было тихо. Слишком тихо для дома, где живет подросток и работающая женщина.

— Марина? — голос Артема прозвучал чужой, надтреснутый.

В глубине коридора шевельнулась тень. Запахло дешевым табаком и чем-то приторно-сладким, аптечным. Из кухни вышла женщина. Артем не сразу понял, что это его сестра. Десять лет назад Марина была яркой, смешливой девчонкой с густыми волосами. Теперь перед ним стояла сухая, как вобла, фигура в застиранном халате. Лицо — серая маска, обтянутая пергаментной кожей. Под глазами залегли такие глубокие тени, что казалось, будто она не спала все эти десять лет.

Она увидела его, и в её руке дрогнула чашка. Дешевый фаянс звякнул о блюдо. Марина не бросилась ему на шею. Она просто прислонилась к косяку, и из её глаз, медленно, по одной, покатились слезы. Беззвучно. Это было страшнее любого крика.

— Приехал... — выдохнула она. — Всё-таки приехал.

— Приехал, Марин. Что тут у вас?

Он прошел на кухню. На столе стояла пепельница, полная окурков с помадой. Рядом — стопка неоплаченных квитанций. Сверху лежал листок, вырванный из тетради в клетку: «Марина Сергеевна, в следующий раз мы вывезем не телевизор, а сына. Подумайте». Почерк был аккуратным, почти школьным. От этой аккуратности Артема передернуло.

— Даня где? — спросил он, присаживаясь на табурет. Ножка под ним жалобно скрипнула.

Марина дернулась, словно от удара.

— Не знаю. Он... он дома почти не бывает. Уходит утром, возвращается под утро. Весь в синяках, глаза стеклянные. Говорит — работаю. Артем, они его заберут. Они уже всё забрали. Холодильник, стиралку... Вчера приходили трое. Кабан ими командовал. Сказал, если к пятнице не будет половины суммы, они квартиру перепишут. А нас — в общагу на промзоне.

Она зашлась в сухом, лающем кашле. Артем смотрел на её тонкие запястья, на которых виднелись синяки в форме пальцев. Кто-то держал её. Крепко держал, пока другие выносили вещи.

— Сколько? — коротко спросил он.

— Три миллиона, Артем. Откуда такие деньги? Игоря ведь убили... ну, мужа моего. Он влез в долги к Громову, думал бизнес поднять. Автосервис хотел. А потом... авария. Только это не авария была, я знаю. Его просто убрали, а долг на меня повесили. С процентами. Громов сказал: «Понятия понятиями, а деньги врозь».

Артем встал и подошел к окну. Стекло было треснувшим, заклеенным скотчем. Сквозь него двор выглядел искаженным, разбитым на осколки. Внизу, у песочницы, сидели те самые пацаны в капюшонах, которых он встретил у вокзала. Они не ушли. Они ждали.

Он посмотрел на свои ладони. Грязь под ногтями, свежие ссадины на костяшках. Десять лет он пытался стать другим. Читал книги в библиотеке колонии, потом работал на стройках в Подмосковье, не пил, не ввязывался в драки. Думал — отмылся. Но Зареченск сожрал его чистоту за один вечер. Город требовал старого Волкова. Злого, беспощадного, готового грызть плотки.

На полке над столом стояла фотография в рамке. Артем, Алексей и Громов. Молодые, наглые, в кожанках. Громов на фото улыбался, обнимая их за плечи. У него всегда были такие глаза — светлые, почти прозрачные, в которых никогда не отражалось сочувствие. Алексей смотрел серьезно. Он тогда уже вел свой блокнот. Записывал туда всё: кто, кому, сколько и за какой зашквар. «Архив района», — смеялись они тогда. Теперь этот архив стал кладбищем.

Артем взял рамку. Стекло под его пальцами хрустнуло и лопнуло, разрезав кожу на большом пальце. Капля густой, темной крови упала прямо на лицо улыбающегося Громова.

— Артем, не надо, — Марина вцепилась ему в рукав. — Уезжай. Забирай нас и уезжай. Они тебя убьют. Сергей — он теперь не человек. Он машина. У него полиция, администрация... у него все под ногтем.

— Бегать поздно, Марин, — он обернулся к ней, и она отпрянула, увидев его глаза. В них больше не было усталости путника. В них горел холодный, расчетливый огонь. — Десять лет бегал. Хватит.

Он вытащил из кармана пачку помятых купюр — всё, что удалось скопить. Положил на стол поверх угроз.

— Сходи в магазин. Купи нормальной еды. И запишись. Кому бы ни звонили, что бы ни кричали за дверь — не открывай. Я найду Даню.

— Где ты его найдешь? — всхлипнула она.

— Там, где всегда собирается падаль. У Громова в «Олимпе».

Артем вышел из квартиры. Тяжелые ботинки гулко ухали по ступеням, выбивая из них бетонную пыль. С каждым шагом вниз он чувствовал, как с него спадает шелуха десятилетней правильной жизни. Мышцы наливались тяжестью, дыхание становилось ровным и скупым.

На выходе из подъезда его ждали. Та самая черная «девятка» подкатила к крыльцу, обдав его облаком вонючего дыма. Стекло медленно поползло вниз. Из темноты салона на Артема смотрело лицо, которое он узнал бы из тысячи. Кабан. Виктор Кабанов. Бывший боксер-тяжеловес, у которого вместо мозгов был кусок свинца.

— О, Волчара, — Кабан осклабился, обнажая золотую коронку. — А мы думали, ты через окно сиганешь. Пойдем, Артемка. Серый заждался. Скучает, говорит — старый друг вернулся, а проставиться забыл.

Артем не ответил. Он подошел к машине, открыл заднюю дверь и сел в прокуренный салон. От Кабана пахло «Шипром» и страхом. Хотя нет, Кабан не боялся. Он предвкушал.

— Поехали, — сказал Артем, глядя прямо перед собой. — Посмотрим, как твой хозяин за эти годы заматерел.

Машина рванула с места, подпрыгивая на ухабах. Артем смотрел в окно на мелькающие мимо серые дома, на облезлые вывески, на людей, вжимающих головы в плечи при виде черной тонированной тачки. Это был его город. Его клетка. И сегодня он собирался вырвать прутья этой клетки, даже если придется вырвать их вместе с собственным мясом.

В голове пульсировала только одна мысль: блокнот. Если Даниил действительно нашел записи Алексея, значит, у Громова есть повод не просто убить Волкова, а стереть его в порошок. И времени на раздумья у Артема оставалось ровно столько, сколько нужно «девятке», чтобы пересечь мост через замерзшую, мертвую реку Заречную.

Глава 3: Волчонок на поводке

Ветер в Зареченске не дул — он вгрызался. Он облизывал углы серых панелек, высасывал тепло из щелей и приносил с промзоны мелкую, едкую взвесь, от которой во рту становилось горько, как от разжеванной таблетки анальгина. Артем стоял в тени облезлого козырька закрытого игрового клуба «Вулкан». Вывеска давно погасла, но буквы всё ещё скалились пыльным неонам, напоминая о временах, когда здесь проигрывали последние алименты.

Он следил. Зрение, обострившееся за годы вынужденной тишины, выхватывало из толпы ритм. Ритм города был сбивчивым, болезненным. Люди шли, втянув головы в плечи, пряча подбородки в воротники дешевых пуховиков. И среди этой серой, текучей массы он увидел его.

Даниил. Племянник.

Пацан был тонким, как веточка вербы, и таким же гибким. На нем была нелепая, слишком легкая для такого ноября куртка с капюшоном, отороченным облезлым мехом чебурашки. Он двигался иначе, чем остальные. Не плыл по течению, а лавировал, притормаживал, замирал у витрин, в которых отражались только его собственные лихорадочно блестящие глаза. Артем чувствовал, как внутри него ворочается старое, тяжелое знание. Он узнал этот почерк. Так двигается хищник, который сам до смерти боится своей добычи.

Целью была грузная женщина с тяжелыми сумками. Она стояла у остановки, пытаясь достать из глубокого кармана пальто зазвонивший телефон. Сумки тянули её к земле, пальто распахнулось, обнажая край потрепанного кожаного кошелька, торчащего из сумки-шопера. Классика. Легкая мишень. Слишком легкая, чтобы быть правдой.

Артем видел, как Даня сделал шаг. Плавный, почти балетный. Его пальцы, длинные и бледные, уже предвкушали прикосновение к чужой собственности. В этот момент Артем не чувствовал праведного гнева. Только тошноту. Липкую, густую тошноту от осознания того, что генетика — это не про цвет глаз, а про то, как твои руки сами тянутся к чужому, когда в животе пусто, а в голове — только звон пустых обещаний.

Даня поравнялся с женщиной. Время растянулось, превратившись в густой клейстер. Артем видел каждую микро-деталь: как дрогнула ноздря пацана, как он задержал дыхание, как его кисть, похожая на лапу испуганного зверька, скользнула в чужую сумку. Два пальца — указательный и средний — коснулись холодной кожи кошелька.

Артем сорвался с места прежде, чем сам успел это осознать.

Он не кричал. Он просто оказался рядом, словно соткался из этого вонючего тумана. Его ладонь легла на запястье Даниила в тот момент, когда кошелек уже наполовину покинул сумку. Хватка была стальной. Кости пацана хрустнули под пальцами Артема, и Даня вскрикнул — не от боли, а от запредельного, животного ужаса.

Женщина обернулась. Её лицо, обветренное, со следами вечной усталости, исказилось.

— Вы чего? Ох! Грабят! — закричала она, вцепляясь в свою сумку.

— Тихо, мать. Свой это, — Артем не смотрел на неё. Он смотрел на Даню. — Обознался парень. Помочь хотел.

Он сунул кошелек обратно в её сумку, почти силой заталкивая его внутрь. Его взгляд был таким, что женщина подавилась следующим криком. Она подхватила свои баулы и, мелко крестясь, почти побежала прочь, втискиваясь в подошедший ПАЗик, который пахнул соляровкой и безнадёгой.

Артем не отпускал руку племянника. Даня дергался, как окунь на кукане. Его лицо, бледное, в красных пятнах юношеских прыщей, исказилось в гримасе ярости.

— Пусти, дядя! Ты чё, бессмертный? Пусти, сука, руку ломаешь!

— Сломаю, — спокойно подтвердил Артем. — Если не замолчишь прямо сейчас, вырву и в жопу вставлю. Понял меня?

Он потащил его за угол, в простенок между двумя гаражами. Здесь пахло ржавым железом и старой листвой. Артем толкнул пацана к стене. Даня ударился лопатками о кирпич, охнул, но тут же попытался выпрямиться, напуская на себя напускную бодрость.

— Ты кто такой вообще? — Даня сплюнул под ноги. Слюна была вязкой. — Решил в Робин Гуда поиграть? В этом городе за такие игры быстро башку отрубают. Ты знаешь, на кого я работаю? Громов тебя в бетон закатает, если я пальцем щелкну.

Артем смотрел на него. Внутри него что-то умирало. Маленький мальчик с деревянным автоматом, которого он катал на плечах десять лет назад, исчез. Перед ним был выкидыш улыбки, обтянутый кожей и самомнением.

— Громов, значит? — Артем шагнул ближе, вторгаясь в личное пространство пацана так грубо, что тот невольно вжал голову в плечи. — Сергей, значит, теперь твой папа родной? Он тебя научил по карманам у баб шарить? Или это твоя личная инициатива, Данилка?

Парень замер. Его зрачки расширились, заняв почти всю радужку.

— Дядя... Артем? — голос Дани дрогнул, сорвался на петушинный крик. — Ты... ты ж в Москве должен быть. Или в тюрьме. Мать сказала...

— Мать много чего говорит, чтобы не сойти с ума, пока ты по помойкам дерибанишь, — Артем схватил его за ворот куртки, приподнимая. Ноги пацана едва касались земли. — Ты чё творишь, щегол? Ты зачем в это дерьмо полез?

— А чё мне, на заводе за копейки пахать? — Даня вдруг перестал сопротивляться. Его тело обмякло, стало тяжелым. — Ты видел, как мать живет? Она же извёстку со стен скоро жрать начнет. А Громов... он дает шанс. Он говорит, что город наш. Что мы — волки, а не овцы.

— Волки, — Артем горько усмехнулся. — Волкидохнут от чумки в одиночестве, Даня. А Сергей просто собирает коллекцию шкур. Ты для него — не волк. Ты — промокашка. Тобой вытрут кровь после серьезного дела и выкинут в мусорный бак.

Он отпустил его. Даня сполз по стене, сел на корточки, закрыв лицо руками. Его пальцы дрожали. Артем прислонился к холодному гаражу напротив. Тишина между ними была такой плотной, что казалось, её можно резать ножом. В этой тишине Артем слышал странный звук — шорох бумаги. Даня что-то судорожно сжимал в кармане.

— Покажи, — приказал Артем.

— Чё показать? Нету ничего.

— Даня, я не шучу. Доставай, что у тебя там. Или я сам достану вместе с карманом.

Пацан медленно, нехотя, вытащил из внутреннего кармана предмет, завернутый в грязный полиэтилен. Когда Артем развернул упаковку, его сердце пропустило удар.

Это был блокнот. Старый, с обтрепанными углами, в кожаном переплете, который когда-то был бордовым, а теперь стал цвета запекшейся крови. На обложке сохранилось тиснение — маленькая буква «А».

Леха. Это был блокнот Алексея.

Артем коснулся кожи. Она была холодной и шершавой. В голове вспыхнули кадры той ночи. Дождь, слепящие фары, крик Лехи и звук удара. Леха всегда что-то писал. Они смеялись над ним, называли «летописцем района». А он просто фиксировал реальность. Реальность, которая в итоге его и сожрала.

— Откуда это у тебя? — голос Артема стал тихим, почти шепотом.

— Нашел... — буркнул Даня, не поднимая глаз. — В старом гараже, ну, где Леха жил. Там всё перерыто было, Громовские искали что-то. А я... я залез под пол. Там ниша была, в масле вся. Я думал — заначка, деньги. А там только эта херня.

— Ты читал?

— Пробовал. Там бред какой-то. Цифры, фамилии, стрелочки. И шифр. Я ничего не понял. Хотел Громову отдать, думал, он денег даст... Но потом побоялся. Чуйка сработала. Если они это десять лет ищут, значит, за это убивают.

Артем открыл первую страницу. Бумага пожелтела, пахла плесенью и старым табаком. Почерк Алексея — бисерный, аккуратный, с резкими наклонами.

«12.04. Зареченск не меняется. Он просто линяет. Старая кожа сползает, обнажая гнилое мясо. С. опять встречался с К. в порту. Я видел деньги. Слишком много денег для честной сделки».

С. — это Сергей. Громов. К. — Артем лихорадочно соображал. Кто мог быть К. десять лет назад? Крылов? Тогда он еще был простым опером.

— Слушай меня внимательно, Даниил, — Артем захлопнул блокнот и спрятал его во внутренний карман своей куртки. — С этого момента ты забудь, что видел эту вещь. Забудь, что она вообще существовала. Если Громов узнает, что блокнот у тебя — тебя не спасет даже то, что ты его «волчонок». Он тебя на ремни порежет.

— А чё там такого, дядя? — в глазах Дани вспыхнуло любопытство, то самое, губительное, которое всегда губит молодых. — Это компромат, да? Мы можем его прижать? Можем заставить его долг списать?

Артем схватил его за плечо и встряхнул так, что у пацана зубы клацнули.

— Прижать? Ты хочешь прижать асфальтовый каток голыми руками? В этом блокноте — приговор. Всему городу. И нам в первую очередь. Ты понимаешь, что если мы совершим ошибку, Марина останется одна? У неё никого не будет, Даня. Ни брата, ни сына. Только эта пустая квартира и коллекторы. Ты этого хочешь?

Пацан сжался. Весь его напускной пацанский гонор осыпался, как сухая штукатурка. Перед Артемом снова был испуганный ребенок, который заигрался в опасные игры.

— Я... я просто хотел помочь. Честно. Громов обещал...

— Громов обещает только одно — место на кладбище с хорошим видом, — Артем выдохнул. Гнев ушел, оставив после себя выжженную пустыню усталости. — Иди домой. Мать ждет. Я дал ей денег, пусть накормит тебя. И не смей, слышишь, не смей больше подходить к чужим сумкам.

— А ты?

— А я пойду проверю, насколько глубоко эта гниль проела наш город. Иди.

Даня поднялся, отряхнул штаны. Он выглядел потерянным. Его мир, построенный на дешевых понтах и «пацанском слове», только что дал трещину.

— Дядя Артем... — позвал он, когда уже дошел до угла. — Ты правда вернулся? Или завтра опять исчезнешь?

Артем посмотрел на свои руки. Они всё еще пахли тем самогоном из вокзального кафе и старым блокнотом.

— Теперь я никуда не уйду, Даня. Пока не закончу то, что мы начали десять лет назад.

Пацан кивнул и исчез в тумане. Артем остался один. Он вытащил блокнот, снова посмотрел на него. Вещь казалась тяжелой, словно была сделана из свинца. Он знал, что делает. Он только что нарисовал на себе мишень размером во весь Зареченск.

Он пошел к выходу из дворов. Мысли путались. Нужно было найти место, где можно спокойно изучить записи. К Марине нельзя — там могут быть камеры или «жучки». Козлов? Старый механик верен, но его гараж — первое место, куда придут Громовские.

Вдруг его внимание привлекло отражение в луже. Красная точка. Тонкий, почти невидимый луч лазера плясал на его груди, прямо над сердцем.

Артем не дернулся. Он замер, медленно поднимая руки. Профессионально.

Из тени недостроенного торгового центра вышел человек. Он был одет в камуфляж без опознавательных знаков, лицо скрыто маской. В руках — винтовка с глушителем.

— Волков? — голос был искажен модулятором.

— Смотря кто спрашивает, — Артем старался говорить ровно, хотя в горле пересохло.

— Тот, кто ценит антиквариат. Блокнот. Медленно, двумя пальцами. Доставай.

Артем почувствовал, как по спине пополз холодный пот. Это был не Кабан. И не Громовские шестерки. Это были профи. «Московские», — мелькнуло в голове. Значит, дело Лехи вышло за рамки провинциальных разборок. Значит, блокнот — это не просто записи о коррупции. Это ключ к чему-то гораздо более крупному.

— У меня его нет, — соврал Артем, чувствуя, как блокнот жжет кожу сквозь ткань куртки. — Пацан убежал с ним. Ищите его.

— Не ври мне, Волков. Мы видели, как ты его взял. Последний шанс. Или ты ляжешь здесь, и мы найдем его в твоих кишках.

Артем прикинул расстояние. Пять метров. Слишком много для броска. Но за его спиной был мусорный бак, а справа — грудa битого кирпича. Он знал этот двор. Он здесь вырос.

В этот момент где-то вдалеке взвыла сирена, и на мгновение луч лазера дрогнул, соскользнув с его груди на стену.

Этого мгновения Артему хватило.

Он не побежал. Он рухнул на землю, перекатываясь за мусорный бак. Раздался негромкий «хлопок» — пуля ушла в металл, выбив сноп искр. Артем нащупал под рукой тяжелый осколок кирпича.

— Ты совершаешь ошибку, Артем! — крикнул незнакомец. — Громов — это пыль. Ты даже не представляешь, чьи имена там записаны!

Артем молчал. Он чувствовал, как в нем просыпается та самая ярость, которая десять лет назад заставила его взять на себя вину за всех.

Зареченск не просто линиял. Он собирался сбросить старую кожу вместе с живым мясом тех, кто посмел узнать правду.

Он сжал блокнот крепче. Теперь это была не просто память о друге. Это было его единственное оружие в войне, которая только что перестала быть личной. Он должен был расшифровать записи. И он знал человека, который может в этом помочь. Но для этого ему нужно было выбраться из этого двора живым.

Второй хлопок. Пуля чиркнула по краю бака, осыпав Артема ржавчиной.

— Ну давай, попробуй, — прошептал он сам себе, нащупывая в кармане старый складной нож. — Посмотрим, как вы умеете воевать на моей земле.

В этот вечер Артем Волков окончательно понял: возвращение домой — это не путь к миру. Это путь к эпицентру взрыва, который он сам же и подготовил десять лет назад. И запал уже горел, шипя и разбрасывая искры в холодном тумане города, который никогда не прощал долгов.

Глава 4: Взрослые игры для щенков

Северный район Зареченска не строили — его выблеывали. Панельные девятиэтажки стояли здесь в шахматном порядке, создавая идеальные коридоры для ветра, который был в бетонных гортанях дворов, как брошенный пес. Здесь свет всегда был скудным, словно отфильтрованным через грязную марлю. Артем шел мимо облезлых коробок теплоузлов, мимо скелетов детских площадок, где качели вмерзли в землю, застыв в нелепых, мучительных позах. Под подошвами хрустел не снег, а смесь извести, битого стекла и угольной пыли.

Он чувствовал их раньше, чем увидел. Запах дешевого табака, жженой резины и того специфического подросткового пота, который пахнет не трудом, а страхом и дешевой газировкой. За бойлерной, где из дырявых труб валил густой, зловонный пар, образовался стихийный тупик. Гнилое место. Идеальное для того, чтобы кто-то один перестал чувствовать себя человеком, а остальные — начали чувствовать себя стаей.

Даниил стоял прижатым к склизкой, покрытой лишайником ржавчины стене. Его куртка была распахнута, мех на капюшоне свалился, превратившись в нечто, напоминающеедохлую кошку. Напротив него, лениво переминаясь с ноги на ногу, стояли четверо. В центре — Дмитрий Жуков, которого в этих краях звали просто Жук. Лидер «Северных».

Жук не был крупным. Он был жилистым, сухим, с лицом, которое в двадцать два года выглядело на все сорок из-за глубоких борозд вокруг рта и постоянно прищуренных, слезящихся от ветра глаз. На нем была кожанка, лоснящаяся от жира на локтях, и кепка, надвинутая почти до переносицы. В руках он вертел «бабочку». Нож порхал между его пальцев со скоростью испуганного насекомого. Клик-клак. Клик-клак. Ритм расправы.

— Ты че, Данилка, берега попутал? — голос Жука был тихим, скребущим, как наждак по жести. — Тебе Сергей Павлович че сказал? Груз довезти. А ты че сделал? Ты его профукал. А теперь еще и крысить вздумал? В карманах у тебя пусто, в голове — сквозняк. Че с тобой делать, а? На запчасти тебя сдать, что ли?

Даня молчал. Его подбородок дрожал, но он пытался держать спину. В глазах племянника Артем увидел то самое отчаяние, которое делает людей либо героями, либо трупами. Чаще — вторым.

— Я... я всё верну, Жук, — выдавил Даня. — Дай неделю. Я найду.

— Неделю? — Жук коротко, лающе рассмеялся, и его шакалы подхватили этот смех. Один из них, здоровяк с лицом, похожим на недопеченный блин, шагнул вперед и ткнул Даню кулаком в плечо. Несильно, издевательски. — Через неделю ты уже зацветешь в коллекторе, Данилка. Нам блокнот нужен. Тот самый, бордовый. Мы знаем, что ты его в гаражах поднял. Отдавай по-хорошему, и, может, Кабан тебе только пару пальцев отнимет. Для профилактики.

Артем вышел из тумана медленно. Он не пытался скрываться. Его шаги по битому кирпичу звучали тяжело, весомо. Жук замер, нож застыл в его руке, лезвие блеснуло тусклым серебром в свете единственного работающего фонаря. Группировка синхронно развернулась. В их позах было что-то звериное — плечи приподняты, подбородки вжаты. Они привыкли к жертвам, но не к охотникам.

— Слышь, отец, — Жук сплюнул под ноги Артему густую, темную слюну. — Иди мимо. Здесь взрослые дела трут. Заблудился — спроси дорогу у наряда, они тут часто за углом дежурят, мусор собирают.

Артем не остановился. Он подошел почти вплотную к кругу, чувствуя, как внутри него сворачивается тугая, тяжелая пружина. Во рту появился металлический привкус. Старая школа. Когда слова — это просто шум, а реальность — это траектория удара.

— Дела, говоришь? — Артем посмотрел на Жука сверху вниз. Он был выше лидера «Северных» на голову, и эта разница в массе сейчас работала как психологический пресс. — У взрослых дела в офисах или на кладбище. А вы тут в песочнице возитесь. Мальчика обижают?

— Мальчик нам должен, — здоровяк-Блин попытался зайти Артему за спину, но тот, не оборачиваясь, сместился вправо, перекрывая сектор атаки. — И ты, походу, тоже задолжать хочешь. Ты кто такой вообще?

— Я — тот, кто вас сейчас научит вежливости, — Артем засунул руки в карманы куртки. Это был жест высшей наглости. Он показывал, что не боится их ножей. — Жуков, я твоего дядю знал. Он был приличным вором, а не гопником. А ты... ты просто грязь под ногтями у Громова.

Жук побелел. Его пальцы на рукояти ножа побелели.

— Ты че сказал, старик? Повтори.

— Я сказал: брысь под лавку, — Артем сделал еще один шаг. — Даня идет со мной. Блокнота у него нет. А если Сергею что-то нужно — пусть присылает кого-то посерьезнее, чем стайка облезлых щенков.

Тишина стала вязкой, как мазут. Слышно было, как капает вода из проржавевшего желоба. Жук дернулся первым. Это было предсказуемо. Он хотел ударить снизу, в печень, классический прием подворотни. Артем не стал блокировать. Он просто встретил его. Левая рука перехватила кисть с ножом, выворачивая её в неестественном угле, а правая, сжатая в кулак, похожий на чугунную болванку, врезалась Жуку прямо в переносицу.

Раздался хруст — сухой, сочный, как будто раздавили спелый арбуз. Жук вскрикнул, нож выпал из ослабевших пальцев, звякнув о бетон. Блин и остальные рванулись было вперед, но Артем, не отпуская лидера, притянул его к себе, используя как живой щит.

— Еще шаг — и я ему шею в узел завяжу, — выдохнул Артем. В его голосе не было злости. Только ледяная, хирургическая решимость. — Хотите проверить, сколько стоит жизнь вашего вожака?

Блин замер. В его тупых глазах отразилась несложная арифметическая задача, решение которой ему явно не нравилось. Жук хрипел, заливая свою модную кожанку кровью, которая в полумраке казалась черной.

— Уходим... — просипел Жук, пытаясь оттолкнуть руку Артема. — Мы... мы тебя запомнили, падла. Кабан тебя из-под земли достанет.

— Пусть достает, — Артем толкнул Жука в сторону его парней. Тот повалился на Блина, пачкая его куртку. — А теперь — пошли вон. Пока я не передумал и не начал раздавать сувениры на память.

Они отступали пятками назад, скалясь и бросая проклятия, но в их движениях больше не было ритма стаи. Это были просто испуганные дети, столкнувшиеся с чем-то, что не вписывалось в их мир легких побед. Когда они скрылись в тумане за бойлерной, Артем обернулся к Даниилу.

Племянник всё еще стоял у стены, сползая по ней. Его трясло. Крупная, неуправляемая дрожь била его тело. Он смотрел на Артема так, словно увидел привидение.

— Ты... ты его ударил. Жука... Ты понимаешь, что теперь будет? — прошептал Даня. — Они же не простят. Теперь всё. Нам конец.

— Конец был тогда, когда ты решил, что можешь играть в эти игры, — Артем подошел к нему и рывком поднял за шиворот. — Вставай. Сопли вытри. Мы идем к Козлову.

— К механику? Зачем?

— Затем, что нам нужно место, где нас не будут искать первые пару часов. И затем, что мне нужно понять, за что именно твой Жук готов был тебя освежевать.

Они шли через дворы, выбирая самые темные маршруты. Артем чувствовал, как в нем закипает глухая, тупая ярость. Не на Жука, не на Громова. На этот город, который перема-

львает детей в фарш, на эти стены, которые впитывают кровь и требуют еще. Он чувствовал тяжесть блокнота во внутреннем кармане. Леха, Леха... какую же бомбу ты оставил после себя?

Зареченск засыпал, но это был не мирный сон. Это был анабиоз больного организма. Где-то выла сигнализация, где-то истошно кричала кошка. В окнах пятиэтажек горел тусклый, желтушный свет. Люди за занавесками старались не смотреть на улицу. Правило выживания номер один: не видишь ты — не видят тебя.

Они подошли к гаражному кооперативу «Спутник». Ржавые ворота встретили их надсадным скрипом. Здесь, в лабиринте из железа и бетона, время окончательно остановилось. Артем нашел нужный бокс. Из щелей в воротах пробивался свет переноски, пахло отработкой и дешевой сваркой.

Он постучал. Три раза, пауза, еще два. Старый код.

Внутри послышалась возня, тяжелые шаги. Засов отошел с неохотой. В проеме появился Алексей Николаевич Козлов — человек, который, казалось, состоял из морщин и мазута. Он посмотрел на Артема, потом на Даниила, и его лицо не выразило ничего, кроме усталой мудрости.

— Пришел всё-таки, Волков, — прохрипел Козлов, вытирая руки ветошью. — Проходи. Чай пить не будем. Времени нет. Я уже слышал по рации — Жука кто-то в «Северном» в асфальт закатал. Подумал сразу на тебя. Кто еще в этом городе такой дурак?

— Здравствуй, Николаич, — Артем вошел внутрь, затаскивая Даню. — У нас проблемы.

— У тебя они начались десять лет назад, Артем, — Козлов закрыл ворота на все засовы. — А сейчас это просто финал. Ну, показывай, что там у тебя. Из-за чего весь этот цирк с конями?

Артем вытащил блокнот и положил его на верстак, рядом с разобранным карбюратором. В свете лампы бордовая кожа выглядела как открытая рана. Козлов прищурился, потянулся за очками.

В этот момент Артем понял, что обратного пути нет. Мост за спиной не просто сгорел — он рухнул в бездну, и теперь единственное, что имело значение — это правда, зашифрованная бисерным почерком мертвеца.

— Даня, сядь в углу и помалкивай, — бросил Артем племяннику. — Начинается взрослая жизнь. Тебе она не понравится.

Глава 5: Хищник в шелковом галстуке

Сергей Павлович Громов ненавидел запах дешёвого пластика. А в Зареченске им пахло всё: от отделки в новых торговых центрах до стаканчиков, в которые секретарша разливала кофе. Этот сладковатый, удушливый дух химического разложения напоминал ему о том, как глубоко он завяз в этом болоте, которое он сам же и называл своей империей.

Громов стоял у панорамного окна своего кабинета на верхнем этаже «Олимпа». Стекло было холодным, оно вибрировало от ветра, бьющего в фасад здания. Город внизу напоминал старую, облезлую собаку, которая свернулась калачиком в грязи. Жёлтые пятна уличных фонарей, редкие огни фар, ползущие по разбитым артериям улиц. Всё это принадлежало ему. Каждая копейка, каждый вздох, каждый страх.

Он посмотрел на свои пальцы. Маникюр был безупречен, но под кожей всё равно чудилась та самая мазутная чернота из юности, которую не вытравить никаким парфюмом от Tom Ford. Он привык контролировать ритм этого города. Зареченск дышал так, как он ему приказывал. Но сегодня ритм сбился. В воздухе появилась аритмия.

Дверь за спиной открылась без стука. Только тяжелый шелест подошв и запах сырой кожи. Кабан.

Громов не обернулся. Он продолжал разглядывать своё отражение в стекле, которое накладывалось на панораму промзоны.

— Вернулся, значит? — голос Громова прозвучал сухо, почти бесцветно. Как звук перелистываемой сухой страницы.

— Вернулся, Серёж, — Кабан остановился в паре метров, не решаясь подойти ближе к столу из цельного массива дуба. — На вокзале его видели. Весь такой правильный, в дешёвой куртке. На Петрову наткнулся, перетёрли о чём-то.

Громов почувствовал, как в затылке кольнуло. Тонкая, острая игла старой обиды, которую он считал давно похороненной под слоями золота и власти. Артём. Тёма. Волчара. Человек, который всегда умел молчать так, что Громову становилось неуютно. Десять лет. Десять лет тишины, и вот — камбэк.

— Что он сделал первым делом? — Громов наконец повернулся.

В кабинете было полутемно. Единственная лампа на столе отбрасывала длинную, уродливую тень Кабана на стену, оклеенную шёлковыми обоями.

— К сестре пошёл. К Марине. Там наши пацаны из коллекторских заглядывали, так он их... вежливо попросил выйти. По-своему, по-волковски. У одного челюсть в трёх местах, у второго — сотряс. — Кабан замялся, переминаясь с ноги на ногу. — А потом в Северный пошёл. Даньку вытаскивал. Жука приложил так, что тот до сих пор кровью сыт.

Громов медленно подошел к столу, взял тяжёлый хрустальный стакан. Виски был янтарным, лед в нем уже подтаял, превратившись в неровные, острые осколки. Он не пил. Он просто слушал, как лёд бьётся о стенки хрусталя.

— Даниил, — произнёс Громов. — Мальчишка. Глупый, жадный. Весь в отца, которого так и не узнал. Артём решил поиграть в спасателя? Решил, что можно просто так зайти в мой дом и начать переставлять мебель?

— Он ищет что-то, Серёж. Пацаны говорят, он с Козловым трётся. О чём-то шепчутся в гаражах. Жук орал, что Данька какой-то блокнот в старом депо поднял. Блокнот Лёхи.

Стакан в руке Громова замер. Ледяная вода коснулась пальцев, но он не почувствовал холода. Блокнот. Тот самый «архив», который они искали годами. Вещь, способная превратить его «Олимп» в кучу битого кирпича, а его самого — в мишень для федералов.

— Ты понимаешь, что это значит, Виктор? — Громов посмотрел Кабану прямо в глаза. Глаза Громова были прозрачными, лишёнными человеческого тепла, как замерзшая лужа на парковке.

— Понимаю, Серёж. Нужно его... — Кабан сделал характерный жест ребром ладони по горлу.

— Нет, — оборвал его Громов. Голос стал резким, как удар плети. — Убить его сейчас — значит признать, что мы боимся. И признать, что блокнот существует. Артём — не шестёрка с района. Он знает правила. Он не отдаст блокнот полиции, иначе сам загремит на пожизненное. Он будет торговаться. Или ждать.

Громов сел в кресло. Кожа скрипнула под его весом. Он вспомнил их последнюю встречу перед судом. Артём тогда смотрел на него из-за решётки — спокойно, почти с жалостью. Это бесило тогда, это бесило и сейчас. Десять лет в клетке не сломали его, они его высушили, сделали жёстче.

— Слушай мой приказ, — Громов подался вперед. Свет лампы выхватил его лицо — хищное, с тонкими губами и острым носом. — Никакой мокрухи. Пока. Собери всех, кто умеет ходить тихо. Мне нужно знать, сколько раз в день он дышит. Где ест, с кем говорит, какую марку сигарет курит. Каждый его шаг. Каждое слово.

— Сколько людей выделить? — Кабан уже доставал блокнот.

— Десять. Лучших. Пусть сменяются каждые четыре часа. Машины только неприметные. Гранты, старые иномарки. Чтобы он чувствовал присутствие, но не видел лиц. Я хочу, чтобы он начал параноить. Чтобы он знал: город смотрит на него моими глазами.

— Сделаем. А с пацаном что? Данькой?

— Мальчишку не трогать. Он приманка. Пока Артём думает, что спасает его, он уязвим. И Лёну... — Громов замолчал, подбирая слова. — Лёну Воронцову тоже пасти. Она — его слабое место. Женщины всегда губили Волкова.

Кабан кивнул и вышел. Громов остался один. Он подошел к сейфу, скрытому за картиной с изображением унылого подмосковного пейзажа, и достал оттуда старую фотографию. На ней они были втроём. Молодые, потные после тренировки, смеющиеся. Артём обнимал его за плечи.

Громов провёл пальцем по лицу Волкова. Он почувствовал странную смесь ярости и чего-то похожего на тоску. В те времена всё было проще. Был враг, был друг, было пацанское слово. Теперь были только интересы и страх. Артём вернулся как призрак из прошлого, чтобы напомнить ему о том, кем он был на самом деле. Обычным пацаном с окраины, который предал всех, чтобы сесть в это кресло.

Он подошёл к окну и прижал лоб к холодному стеклу. Внизу, в темноте улиц, уже начали разворачиваться его «глаза». Тени в машинах, люди в капюшонах, камеры видеонаблюдения, передающие картинку на мониторы охраны. Зареченск превращался в огромную ловушку.

— Ну давай, Волчара, — прошептал Громов, и его дыхание оставило на стекле мутное пятно. — Попробуй выжить в моём городе.

Его пульс был ровным. Он снова вошел в состояние охоты. Это было приятное чувство — азарт, смешанный с осознанием собственного превосходства. Он знал каждый закоулок этого города, каждую крысу в подвале администрации. Артём думал, что вернулся домой, но он вернулся на разделочную доску.

Громов выключил лампу. Кабинет погрузился во мрак. Только неоновая вывеска «Олимпа» снаружи окрашивала комнату в тревожный, кроваво-красный цвет. В этом свете лицо Громова казалось маской, вырезанной из кости.

Он закрыл глаза и представил себе шахматную доску. Артём — ладья, тяжелая, прямая, прущая напролом. Сам Громов — ферзь, мобильный, вездесущий. Он уже видел финал этой партии. Видел Артёма, стоящего на коленях в грязи заброшенного завода.

Он не просто хотел вернуть блокнот. Он хотел сломать Волкова. Уничтожить саму идею о том, что можно остаться честным, пройдя через ад. Громов не верил в искупление. Он верил только в силу и в то, что у каждого есть своя цена. Если Артём не продастся — он сгорит.

За окном начал накрапывать мелкий, холодный дождь. Он смывал пыль с тротуаров, превращая город в сплошное серое марево. Громов стоял в темноте и слушал, как город затихает, готовясь к большой крови. Он знал: эта ночь будет долгой. А завтрашний день принесет первые отчеты. Первые трещины в броне его старого друга.

Он улыбнулся. Это была не добрая улыбка. Так скалится зверь, почуявший запах старой раны, которая начала кровоточить. Игра началась. И в этой игре Громов не собирался отдавать ни одной клетки.

Глава 6: Механик и мертвецы

Зареченск за пределами центральной площади всегда пах одинаково: гарью, застоявшейся водой из ливневок и чем-то неуловимо кислым, как забытые в подвале овощи. В гаражном кооперативе «Спутник» к этому букету добавлялся запах «отработки» — старого машинного масла, которое пропитало здесь каждый кирпич, каждую щель в бетоне.

Артем сидел на перевернутом пластиковом ящике из-под пива. В гараже у Козлова свет был желтым, болезненным, он исходил от единственной лампы-переноски, подвешенной на крюк под потолком. Лампа раскачивалась от сквозняка, и тени в углах бокса жили своей жизнью: то сжимались, то прыгали на стены, превращая груды запчастей в бесформенных чудовищ. Козлов молчал. Он копался в нутре старой «Волги», и звук его ключей — глухое клацанье металла о металл — был единственным ритмом этой ночи.

Артем положил блокнот на колено. Кожа переплета была холодной. Он коснулся обложки пальцами, чувствуя каждую выбоину, каждую царапину. Это была не просто вещь. Это была улика, вырванная из пасти времени. Леха всегда был таким — аккуратным до тошноты. Даже в их полукриминальной юности он вел записи так, словно готовил отчет для небесной канцелярии.

— Ты понимаешь, Николаич, что он здесь накорябал? — Артем не оборачивался, но слышал, как Козлов замер.

— Я старый механик, Тема, — голос Козлова был хриплым, прокуренным насквозь. — Я понимаю, как выставить зажигание и как заварить дыру в днище так, чтобы она не отвалилась на первой кочке. А записи мертвецов... это не по моей части. Убери эту херню. От нее бедой несет за версту.

Артем открыл страницу, помеченную датой за два дня до гибели Лехи. Почерк здесь стал рваным, буквы налезали друг на друга, словно рука писавшего дрожала от холода или страха.

«Пристань №4. Склады „Авангарда“. Под четвертым настилом. Они не просто возят товар. Они возят историю. К. знает, но молчит. С. боится, что я найду оригинал».

— Кто такой К.? — прошептал Артем, глядя на бисерные строчки. — Козлов, ты же знал всех. Кто был «К» в девяностых, кроме мелкой сошки?

— Крылов, — Козлов выпрямился, вытирая руки о ветошь, которая когда-то была футболкой. — Олег тогда еще лейтенантом бегал, гонор выше крыши, а в карманах — вошь на аркане. Громов его прикармливал. Сначала по мелочи, потом плотно посадил на зарплату. Если Леха видел их вместе в порту, значит, Крылов тогда уже не просто глаза закрывал. Он ворота открывал.

Артем закрыл глаза. Перед внутренним взором всплыла та ночь. Грязь под ногтями, вкус собственной крови во рту и Громов, стоящий под дождем. Сергей тогда выглядел потеряннным, но теперь Артем понимал: это была отличная актерская игра. Сергей никогда не терялся. Он просто выбирал наиболее выгодную маску.

— Порт, — Артем поднялся. Колени хрустнули. — Нам нужно проверить четвертую пристань. Если Леха что-то спрятал под настилом, оно может там лежать до сих пор. В Зареченске десятилетиями ничего не меняется, только ржавчина становится толще.

— Ты с ума сошел? — Козлов подошел к нему, обдав запахом махорки и чеснока. — Четвертая пристань — это сейчас частная территория «Громов-Логистик». Там заборы с колючкой под током и собаки, которые людей жрут быстрее, чем колбасу. Ты туда не зайдешь. Тебя срежут на подходе.

Артем хотел ответить, но звук снаружи заставил его замолчать. Это был не случайный шум спящего города. Тяжелый, уверенный гул мощного двигателя. Шины хрустнули по гравию

прямо перед воротами гаража. Свет фар ударил в щели между створками, разрезая полумрак бокса на ровные световые полосы.

Козлов моментально выключил переноску. Тьма стала абсолютной, тяжелой, как ватное одеяло.

— Гости, — выдохнул механик, нащупывая в углу тяжелую монтировку. — Быстро они тебя вычислили, Тема.

Артем не двигался. Он чувствовал, как внутри него просыпается старый, хорошо знакомый холод. Это не был страх. Это была предельная концентрация, когда мир сужается до точки, а время начинает течь медленно, как патока. Он спрятал блокнот под куртку, прижав его к телу.

Снаружи хлопнула дверь машины. Одна, потом вторая.

— Николаич! — голос Виктора Кабанова, прозванного Кабаном, был похож на хриплое рычание. — Открывай, старый. Мы знаем, что ты там не один. Не заставляй нас портить твоё имущество. У нас сегодня настроение... творческое.

Козлов посмотрел на Артема. В темноте блеснули его глаза. Артем едва заметно качнул головой. «Не открывай».

— Пошел к черту, Кабан! — крикнул Козлов. — У меня закрыто! Приходи завтра в рабочее время, если тачка заглохла!

Снаружи воцарилась тишина. Она длилась секунд десять, а потом раздался скрежет металла. Они не стали ломать замок. Они просто зацепили трос за ручки ворот и дали газу.

Створки гаража выгнулись с жалобным стоном. Болты, державшие петли в старой кирпичной кладке, начали вылетать с сухим треском, как пробки из бутылок. Еще рывок — и левая створка с грохотом рухнула на бетонный пол, подняв облако многолетней пыли.

В образовавшийся проем хлынул свет фар припаркованного джипа. В этом слепящем ореоле стоял Кабан. Огромный, квадратный, в кожаном плаще, который делал его похожим на монумент самому себе. За его спиной маячили еще двое — молодые, «отмороженные», с бейсбольными битами в руках.

— Тесновато у тебя тут, Николаич, — Кабан шагнул внутрь, брезгливо обходя лужу масла. — Вентиляция плохая. Мозги киснут.

Артем вышел из тени. Он стоял прямо перед Кабаном, не пытаясь принять защитную позу. Руки опущены, плечи расслаблены. Он знал: Кабан — это мышцы, а не мозг. Его нужно не бить, его нужно ломать изнутри.

— Виктор, — Артем произнес имя тихо, но оно перекрыло гул работающего двигателя снаружи. — Ты всё еще на побегушках? Я думал, за десять лет ты хоть до зама дорос. А ты всё так же — двери выносишь.

Кабан осклабился. Его лицо, изрезанное шрамами и оспой, превратилось в маску злобы.

— Волков. А ты всё такой же борзый. Громов просил передать, что Зареченск — город маленький. Здесь все всё видят. И блокнотик, который твой племянш притырил... он Сергею Павловичу очень дорог. Как память. Отдай по-хорошему.

— Память — это хорошо, — Артем сделал полшага вперед. — Только память у Сергея избирательная. Он забыл, как мы втроем на этом самом пустыре клятвы давали. Забыл, кто его из петли вытаскивал, когда он в карты проигрался.

— Лирика — это для девок в парке, — Кабан сплюнул на пол. — Короче, план такой. Ты отдаешь книжку, берешь племянника, сестру и валишь из города на первом же автобусе. Если до утра вас тут не будет — я за себя не ручаюсь. Громов добрый, он дает шанс. Я — не добрый.

Кабан кивнул своим парням. Те начали действовать методично и страшно. Один из них подошел к верстаку Козлова и одним ударом биты снес тиски. Инструменты посыпались на пол со звоном, похожим на крик раненого зверя. Второй замахнулся на «Волгу», которую Козлов восстанавливал последние три года. Удар пришелся по лобовому стеклу. Оно пошло «паутиной», жалобно хрустнув.

— Перестаньте! — крикнул Козлов, бросаясь к машине, но один из парней толкнул старика в грудь. Механик упал на колени, тяжело дыша.

Артем почувствовал, как в груди закипает черная, густая ярость. Это было то самое чувство, которое он пытался похоронить в себе все годы отсидки. Оно было похоже на раскаленный свинец, текущий по венам. Он посмотрел на Кабана. Тот стоял, довольно ухмыляясь, наблюдая за погромом.

— Тебе блокнот нужен, Витя? — Артем медленно вытащил вещь из-под куртки. — Подойди и возьми. Только помни: Лёха его не для тебя писал. И не для Громова.

Кабан сделал шаг, протягивая руку. Его пальцы, толстые и короткие, задрожали от жадности. В этот момент Артем не стал бить кулаком. Он ударил локтем — коротко, вразрез, прямо в переносицу Кабана.

Звук был такой, словно сломали сухую ветку. Кабан взвыл, отшатнувшись. Кровь брызнула на его кожаный плащ, мгновенно став темной в свете фар.

Парни с битами замерли на секунду, не веря, что кто-то посмел тронуть «хозяина района». Этой секунды Артему хватило. Он подхватил с пола тяжелый газовый ключ и швырнул его в ближайшего. Инструмент попал парню в колено. Раздался крик, полный боли, и боевик рухнул, выронив биту.

— Мочи его! — прохрипел Кабан, зажимая лицо руками. Из-под его пальцев хлестала кровь.

Второй парень замахнулся битой, целясь Артему в голову. Артем нырнул под удар, чувствуя, как дерево свистнуло в миллиметре от затылка. Он захватил руку нападавшего, провернул ее и с силой впечатал парня лицом в острый угол верстака.

Гараж наполнился звуками борьбы: тяжелым дыханием, матом, ударами. Козлов, придя в себя, подхватил монтировку и встал рядом с Артемом. Старик тяжело дышал, но его глаза горели молодым, злым огнем.

— Уходите, — Артем тяжело дышал, глядя на поверженных врагов. — Пока я вам кости в муку не перетер. Передай Громову, Витя... передай своему хозяину, что я приду за ним. И блокнот будет моим пропуском в его кабинет.

Кабан поднялся, пошатываясь. Его лицо было залито кровью, превратившись в месиво. Он смотрел на Артема с ненавистью, в которой читался первобытный страх.

— Ты труп, Волков, — выдавил он через силу. — Ты и вся твоя семейка. Громов этого не простит. Ты вырыл себе могилу прямо здесь, в этом мазуте.

Они отступили к машине. Задний ход, рев мотора, визг шин. Джип сорвался с места, скрываясь в тумане промзоны. В гараже снова стало тихо, если не считать звука капающей воды из пробитого радиатора «Волги».

Артем подошел к Козлову. Помог старику подняться. Тот выглядел осунувшимся, постаревшим на десять лет за одну ночь. Он посмотрел на свою разрушенную мастерскую, на изувеченную машину, которая была его единственной отдушиной.

— Извини, Николаич, — Артем опустил голову. — Я не хотел, чтобы так вышло.

— Не извиняйся, — Козлов сплюнул кровь. — Я знал, на что шел, когда открывал тебе дверь. Громов всё равно бы пришел. Раньше или позже. Он не терпит тех, кто помнит его нищим.

Артем поднял с пола блокнот. Он был испачкан в пыли, но цел. Он открыл последнюю страницу, которую не успел дочитать. Там, в самом углу, была приписка, сделанная карандашом, почти неразличимая:

«Если читаешь это, Тема — значит, меня уже нет. Не ищи виноватых среди чужих. Ищи среди своих. Ключ не в порту. Ключ у того, кто держит твою сестру за горло».

Холод в груди Артема сменился ледяным спокойствием. Он понял. Блокнот не был компроматом. Он был картой. И первая точка на этой карте вела не в порт, а в самое сердце его собственной семьи.

— Николаич, у тебя есть где спрятаться? — спросил Артем, глядя в темноту за воротами.

— У брата в деревне отсижусь. А ты? Что ты будешь делать?

— Я пойду до конца, — Артем сжал блокнот в кулаке. — Зареченск долго ждал этого камбэка. Пора начинать шоу.

Он вышел из гаража в холодную ночь. Над городом висел туман, густой и липкий. Где-то вдали завyla собака. Артем шел по пустой дороге, и каждый его шаг отдавался эхом в пустых переулках. Он знал: охота началась. И теперь он был не только добычей, но и загонщиком.

Глава 7: Цена холодных пальцев

Администрация Зареченска пахла одинаково последние сорок лет: смесью дешевого хлора, лежалой бумаги и амбиций, которые сгнили еще на подлете к кабинетам. Артём стоял в холле, разглядывая свои ботинки. На правом носке запеклась капля крови Кабана — крошечный бурый остров в море серой пыли. Он попытался оттереть её подошвой о подошву, но только размазал. Получился грязный штрих, похожий на запятую в предложении, которое он никак не мог закончить.

Турникет лязгал с методичностью гильотины. Охранник, чье лицо напоминало пересушенную воблу, лениво листал какой-то сканворд. Артём чувствовал себя здесь не просто чужим. Он был костью, застрявшей в горле этой вылизанной, муниципальной реальности. Его куртка, пахнувшая гарью гаражей и дешевым табаком, казалась здесь вызывающим жестом, почти преступлением.

Лестница была широкой, помпезной, с претензией на имперский размах. Артём поднимался медленно, чувствуя каждый шаг как физическое усилие. Стены были выкрашены в цвет «увядающей мяты» — тошнотворный оттенок, от которого во рту появлялся привкус мела. На третьем этаже тишина стала ватной. Здесь не бегали, здесь не кричали. Здесь душили медленно, через бесконечные согласования и подписи.

Он нашел кабинет 312. На табличке значилось: «Воронцова Елена Алексеевна. Комитет по управлению имуществом». Золотые буквы на черном пластике. Артём замер перед дверью. Его рука, всё еще сохранившая тяжесть газового ключа, на мгновение дрогнула. Он вспомнил её пальцы — тогда, десять лет назад. Они пахли яблоками и морозом. Сейчас за этой дверью была другая женщина. Та, что выжила.

Он вошел без стука.

Елена сидела за столом, заваленным папками. Свет из окна падал ей на плечи, высвечивая мелкие пылинки, танцующие в воздухе. Она не подняла головы. Её пальцы быстро бегали по клавиатуре — сухой, стрекочущий звук, похожий на стрекот саранчи.

— Я же просила, зайдите через пятнадцать минут, — голос её был ровным, отполированным годами службы. — У нас регламент.

— Регламенты меняются, Лена. А люди — нет.

Стрекот прекратился. В кабинете стало так тихо, что Артём услышал гудение холодильника в углу. Елена медленно подняла голову. Её глаза — когда-то живые, искрящиеся — теперь напоминали два куска дымчатого кварца. Холодных. Непроницаемых. Морщинка между бровями стала глубже, а губы были сжаты в тонкую, едва заметную линию.

— Артём? — она произнесла это имя так, словно проверяла на вкус давно просроченный продукт. — Ты... ты не должен был приходить сюда.

— Я много чего не должен был делать за последние десять лет, — он прошел вглубь кабинета и сел на стул для посетителей. Стул был жестким, неудобным, словно специально сконструированным для того, чтобы человек чувствовал свою ничтожность перед государственным аппаратом. — Но город — штука круглая. Куда ни пойдешь, всё равно выйдешь к тем, кого оставил.

Елена откинулась на спинку кресла. Её рука непроизвольно потянулась к воротнику блузки, поправляя несуществующую складку. Жест испуганной птицы. Артём заметил, как дрогнули её пальцы. Тонкие, с идеальным нюдовым маникюром. Никаких яблок. Только запах дорогого парфюма с нотками металла.

— Зачем ты пришел? — она попыталась вернуть голосу твердость. — У меня работа. У меня проверка из области. Если нас увидят вместе...

— Нас уже видят, Лена. Камеры в коридоре, охранник внизу. Громов знает, что я здесь, еще до того, как я открыл эту дверь. Не обманывай себя. Ты ведь тоже в его списке, верно? В графе «имущество».

Она побледнела. Пятна румянца на щеках стали казаться нарисованными, чужими на этой восковой коже.

— Ты ничего не понимаешь, — прошептала она, наклоняясь вперед. — Сергей... он держит город. Все тендеры, все закупки. Если я не буду подписывать то, что нужно, завтра здесь будет сидеть другой человек. А я окажусь на улице. У меня дочь, Артём. Ей скоро в школу.

— Я видел его «работу» сегодня ночью, — Артём подался вперед, сокращая дистанцию. — Он не держит город, он его жрет. И тебя он тоже съест, когда ты перестанешь быть полезной.

Он протянул руку и на мгновение коснулся её ладони, лежащей на столе. Контакт был коротким, как электрический разряд. Кожа Елены была ледяной. На секунду в её глазах мелькнуло что-то прежнее — отблеск той девчонки, которая ждала его у подъезда в старой хрущевке. Искры, которые не успели затушить годы страха.

— Уходи, — она отдернула руку, словно обжегшись. — Пожалуйста. Ты всё портишь. Я только начала... я только смогла всё выстроить.

— Выстроить что? Клетку подороже? — Артём встал. — Громов контролирует тендеры, говоришь? Дай мне факты. Номера контрактов, фирмы-прокладки. Всё, на чём стоит его подпись.

— Ты с ума сошел, — она смотрела на него с ужасом. — Это самоубийство. Он узнает. Крылов из полиции — его личный пес. Он выпотрошит меня за одну лишнюю распечатку.

— Крылов уже точит на меня зубы. Одним поводом больше, одним меньше.

Артём подошел к окну. С третьего этажа площадь казалась театральной декорацией. Черный «Мерседес» Громова, припаркованный у входа, выглядел как жирный, сытый жук. Артём чувствовал спиной взгляд Елены. Он знал, что она борется с собой. С одной стороны — привычное болото безопасности, с другой — этот рваный, злой человек из прошлого, принесший с собой запах свободы и крови.

— В среду, — вдруг тихо произнесла она. — В среду будет заседание комиссии по участку в порту. Четвертая пристань. Громов хочет забрать её под свой терминал. Там документы... они липовые. Экологическая экспертиза подделана.

Артём замер. Четвертая пристань. Блокнот Лехи. Совпадение? В этом городе их не бывало.

— Дай мне эти документы, — он обернулся.

— Я не могу вынести их из здания. Копии отслеживаются. Каждая страница имеет водяной знак, привязанный к моему логину. Если они всплывут — это конец.

Она встала и подошла к нему. Теперь их разделяло всего несколько сантиметров. Артём чувствовал тепло её тела, пробивающееся сквозь офисный лоск. Старое чувство — тяжелое, вязкое, как патока — ударило в голову. Он вспомнил вкус её поцелуев на заднем сиденье «девятки». Тогда мир казался огромным, а сейчас он сжался до размеров этого душного кабинета.

— Ты всё еще тот же, — она коснулась его щеки. Пальцы были уже не такими холодными. — Глупый. Упрямый. И такой... настоящий. Здесь всё ненастоящее, Тём. Стены, люди, слова. Всё пластик.

— Я не пластик, Лена. Я — ржавчина. А ржавчина умеет разрушать даже самый крепкий металл.

Он прижал её к себе — резко, почти грубо. В этом не было нежности, только отчаяние двух утопающих, которые вцепились друг в друга в мутной воде. Она не оттолкнула. Наоборот, её руки сомкнулись у него на шее с неожиданной силой. Это был не поцелуй, а попытка выдохнуть друг в друга всю ту боль, что накопилась за десять лет.

Внезапно в коридоре слышались тяжелые шаги. Ритмичные. Властные. Елена отпрянула, судорожно поправляя волосы. Глаза её снова стали кварцевыми, лицо — маской.

— Иди, — прошипела она. — Через черный ход. Быстро!

Артём не успел. Дверь распахнулась без предупреждения. На пороге стоял подполковник Крылов. Его форма сидела на нем идеально, словно вторая кожа. Лицо — чисто выбритое, с запахом дорогого лосьона, но глаза... глаза были глазами могильщика, который точно знает глубину ямы.

— Елена Алексеевна, — Крылов улыбнулся, но улыбка не затронула его скул. — Надеюсь, я не помешал важному совещанию?

Он медленно перевел взгляд на Артёма. В этом взгляде не было удивления. Только холодное удовлетворение охотника, обнаружившего зверя в капкане.

— Волков Артём Владимирович, — Крылов чуть склонил голову набок. — Какая встреча. А я как раз собирался отправить за вами машину. У нас в отделе возникли вопросы по поводу... инцидента в гаражном кооперативе. Похоже, вы решили отметить свое возвращение фейерверком?

— Я всегда любил праздники, подполковник, — Артём шагнул вперед, закрывая собой Елену. — А вы, я вижу, всё так же на подхвате. Работаете на выезде?

Крылов зашел в кабинет, вальяжно облокотившись на косяк.

— В этом городе я — закон, Волков. А ты — мусор, который забыли вывезти десять лет назад. Ошибка системы. И я здесь, чтобы эту ошибку исправить. Елена Алексеевна, выйдите, пожалуйста. Нам с вашим гостем нужно обсудить вопросы правопорядка.

Елена бросила на Артёма быстрый, полный ужаса взгляд и выскользнула из кабинета. Дверь захлопнулась.

Артём остался один на один с человеком, который десять лет назад подложил в его машину пакет с «белым» и затянул наручники так, что суставы ныли до сих пор. В воздухе пахло озоном — так пахнет перед грозой, когда молния уже готова ударить в землю.

— Ну что, Артёмка, — Крылов медленно расстегнул верхнюю пуговицу кителя. — Поговорим о блокноте? Или сразу перейдем к процедуре «сопротивления при задержании»?

Артём сжал кулаки. Он чувствовал, как внутри него просыпается Волк — тот самый, который выживал в одиночке, который не умеет прощать.

— Процедуры — это по вашей части, Крылов. А я здесь по делу. И поверь, тебе не понравится то, что я нашел в четвертой пристани.

Крылов перестал улыбаться. Его лицо стало серым, как бетон. В этот момент Артём понял: он попал в самую цель. Блокнот был не просто уликой. Он был смертным приговором для всех в этом здании. И охота только что перешла в фазу «на уничтожение».

Глава 8: Кабинет с запахом страха

Здание РОВД Зареченска встречало запахом казенного вранья, пережаренного лука из столовой и невымытых тел, которые годами впитывались в эти стены. Артём стоял у входа, глядя на облупившуюся синюю краску, которой здесь красили всё — от плинтусов до сознания. Этот цвет он помнил слишком хорошо. Цвет безнадёги. Цвет тупого, методичного насилия, упакованного в форму с погонями.

Турникет лязгнул, пропуская его внутрь. Дежурный, парень с лицом, похожим на сырое тесто, даже не поднял глаз от телефона. Здесь всё было пропитано скукой, которая опаснее любой ярости. Скука порождает безразличие, а безразличие позволяет ломать судьбы, не отвлекаясь от обеденного перерыва.

Артём шёл по коридору. Шаги отдавались гулким, пустым эхом. На стенах висели стенды «Ими гордятся» и «Ориентировки». Лица на тех и других были пугающе похожи — одинаково стёртые, лишённые жизни, застывшие в ожидании приговора или премии. Он чувствовал, как кожа на загривке начинает зудеть. Старый инстинкт. В этом здании ты либо хищник, либо добыча. Третьего не дано, а он давно вышел из пищевой цепочки.

Кабинет Крылова находился в самом конце коридора, за тяжелой дубовой дверью, которая смотрелась здесь как инородное тело — слишком дорогая, слишком претенциозная для этого храма дешёвого правосудия.

Артём толкнул дверь без стука.

Крылов сидел за столом, заваленным бумагами. Над его головой висел портрет, чей взгляд казался единственным живым местом в этой комнате. Подполковник не пошевелился. Он методично, с какой-то извращённой аккуратностью, выправлял скрепку. Металл жалобно скрипел в его пальцах.

— Присядь, Артём Владимирович, — Крылов наконец поднял глаза. — В ногах правды нет. Хотя в твоём случае её вообще нигде нет.

Артём сел на стул. Стул скрипнул, словно разделяя общее неудовольствие. Воздух в кабинете был спёртым, пахнувшим дорогим лосьоном Крылова и старым пеплом. Подполковник выглядел идеально: выглаженная сорочка, подстриженные ногти, ровный загар — вероятно, результат недавнего отпуска в местах, которые Артём видел только по телевизору в тюремном бараке.

— Поговорим о гаражах? — Крылов отложил истерзанную скрепку. — Кабан написал заявление. Побои, порча имущества, угроза убийством. Знаешь, сколько это тянет? С твоим-то послужным списком это билет в один конец. Обратно в теплую компанию.

— Кабан — сказочник, — Артём откинулся на спинку стула, чувствуя, как внутри ворохается глухая, тяжелая злоба. — Он сам пришел. С друзьями. С битами. Козлова чуть не угробили, машину разбили. Я просто защищался.

— Защита — это когда ты звонишь по номеру 02, — Крылов усмехнулся, и эта усмешка обнажила его зубы — слишком белые, слишком ровные. — А то, что сделал ты — это беспредел. Ты вернулся в город и сразу начал качать права. Зачем, Тём? Жил бы тихо, копался бы в мазуте. Глядишь, и дожил бы до пенсии.

Крылов встал и подошел к окну. Он смотрел на площадь, где стоял черный джип Кабана, словно проверяя, на месте ли его верный пес.

— Город изменился, — продолжал подполковник, не оборачиваясь. — Здесь теперь порядок. Вертикаль. Каждый сверчок знает свой шесток. Сергей Павлович много сделал для того, чтобы бизнес стал... цивилизованным. А ты пришел со своими понятиями из девяностых. Ты здесь лишний. Как аппендицит. Знаешь, что делают с аппендицитом, когда он начинает болеть?

— Отрезают, — Артём посмотрел на затылок Крылова. — Только смотри, Олег, как бы скальпель не затупился. Или рука не дрогнула.

Крылов резко обернулся. Спокойствие с него слетело, как шелуха. Глаза сузились, превратившись в две колющие щели. Он подошел к столу и оперся на него руками, нависая над Артёмом.

— Слушай меня внимательно, Волков. У тебя есть двадцать четыре часа. Ты забираешь свою сестру, своего щенка-племянника и исчезаешь. Мне плевать куда. Хоть в тайгу, хоть в петлю. Если завтра в это время я увижу твою рожу в городе — я тебя закрою. И на этот раз ты оттуда не выйдешь. Я лично прослежу, чтобы у тебя в камере случился несчастный случай. Или передоз. Или сердце прихватило. Выбор за тобой.

— Ты забываешь одну вещь, Олег, — Артём не отвел взгляда. — Я уже был там. Десять лет. Меня пугать — это как пугать покойника моргом. У меня ничего нет, кроме этого города и воспоминаний о том, как ты сосал у Громова под столом, когда мы с Лехой решали дела.

Удар был быстрым. Крылов не выдержал, сорвался на простой, мужской мордобой. Кулак подполковника врезался Артёму в скулу. Голову мотнуло, во рту появился солоноватый привкус крови. Артём даже не поднял рук. Он просто смотрел на Крылова — тяжело, исподлобья.

— Всё? — Артём сплюнул кровь на ковер. — Теперь тебе легче?

Крылов тяжело дышал. Его лицо стало пятнистым. Он судорожно поправлял манжеты, пытаясь вернуть себе маску достоинства.

— Пошел вон, — выдавил он. — Время пошло, Волков. Двадцать четыре часа.

Артём встал. Скула ныла, но это была правильная, честная боль. Она напоминала ему, что он еще жив. Что он еще может чувствовать.

— Блокнот Лехи у меня, — бросил он уже у двери.

Крылов замер. Тишина в кабинете стала такой плотной, что её можно было резать ножом. Подполковник медленно повернулся. Его лицо в один миг стало серым.

— Что ты сказал? — голос Крылова превратился в шепот.

— Блокнот. Тот самый. С датами, фамилиями и суммами. Там и твоя фамилия есть, Олег. На каждой второй странице. Начиная с тех времен, когда ты еще в сержантах ходил.

— Ты лжешь, — Крылов сделал шаг к нему, но рука его непроизвольно потянулась к кобуре. — Его сожгли. Десять лет назад.

— Плохо жгли, — Артём улыбнулся разбитыми губами. — Видимо, кто-то пожалел огонька. Или решил оставить себе страховку. Теперь эта страховка у меня. И если со мной что-то случится... или с моей семьей... этот блокнот окажется там, где его прочитают очень внимательные люди из Москвы. Ты ведь знаешь, как они любят «оборотней», верно?

Крылов не ответил. Он просто стоял, глядя на Артёма так, словно видел перед собой привидение. Его мир, его выстроенная за десятилетия крепость из лжи и коррупции, только что дала трещину. Глубокую. Смертельную.

Артём вышел из кабинета, не дожидаясь ответа.

Коридор казался бесконечным. Мимо него проходили люди в форме, несли бумаги, смеялись, обсуждали планы на вечер. Они еще не знали, что земля под их ногами начала дрожать.

На выходе из здания его снова встретил дежурный. Теперь он смотрел на Артёма с любопытством, смешанным с опаской. Слухи в этом здании распространялись быстрее, чем инфекция.

Артём вышел на крыльцо. Воздух был холодным, кусачим. Небо над Зареченском затянуло серыми, тяжелыми тучами, которые цеплялись за крыши панельных пятиэтажек. Город казался огромным зверем, который затаился перед прыжком.

Он достал сигарету и попытался прикурить, но пальцы слегка дрожали. Не от страха — от переизбытка адреналина. Он только что перешел черту. Теперь пути назад не было. Либо он сломает Громова и Крылова, либо они раздавят его.

Мимо проехала патрульная машина. Водитель притормозил, долго смотрел на Артёма через стекло, а потом медленно поехал дальше. Слежка началась. Теперь каждый его шаг будет под прицелом. Каждое слово будет записано.

Он пошел прочь от здания РОВД, чувствуя на спине десятки взглядов. Зареченск не прощал возвращений. Зареченск любил мертвых героев больше, чем живых свидетелей. Артём знал это как никто другой. Но сейчас ему было плевать. У него была цель. И у него была правда, которая жгла карман сильнее, чем любая пуля.

Где-то на окраине города Даниил, наверное, снова лез в неприятности. Марина плакала над счетами. Громов пил дорогое вино в своем «Олимпе». А Леха... Леха лежал в сырой земле и ждал правосудия.

Артём затянулся горьким дымом и ускорил шаг. Время пошло. Но не его время. Время тех, кто считал этот город своей собственностью.

Глава 9: Учитель и его тени

Воздух в Зареченске в этот вечер был особенно тяжёлым, словно его пропустили через фильтр старого дизельного двигателя. Артём шёл по улице Советской, чувствуя, как затылок сверлит чужой взгляд. Это не была паранойя — это был опыт, вьёвшийся под кожу за годы, когда тишина означала лишь затишье перед ударом заточки. Хруст гравия под подошвами казался слишком громким. Город вымирал рано, прячась за зашторенными окнами и железными дверями, за которыми люди пытались убедить себя, что их это не касается.

Скула, куда приложился Крылов, ныла тупой, пульсирующей болью. Хорошая боль. Она отрезвляла, не давала провалиться в липкую рефлексию. Артём свернул в подворотню, где пахло кошачьей мочой и сырым бетоном. Здесь, за гаражами, время застыло в 1994-м. Те же надписи на стенах, только слоёв краски стало больше, и они отваливались пластами, обнажая кирпичную кладку, похожую на гнилые зубы.

Спортзал «Удар» располагался в подвале бывшего Дома культуры. Вывеска давно потеряла половину букв, и теперь там значилось просто «У... ар». Артём остановился перед тяжёлой стальной дверью. Он не был здесь десять лет, но руки сами вспомнили специфический ритм стука: три коротких, пауза, один тяжёлый.

Дверь открылась не сразу. Сначала послышался скрежет засова — звук металла по металлу, от которого сводило челюсти. В проёме показался Николай Иванович Сидоров. В народе — Иваныч, для своих — Старый. Время не просто поработало над ним, оно его вытесало. Лицо Иваныча напоминало корягу, вытащенную из болота: глубокие борозды морщин, перебитый нос и глаза, сохранившие ясность, которая пугала больше, чем любая агрессия.

— Явился, — Иваныч не спросил, он констатировал факт. Голос его звучал как треск ломающегося льда.

— Здравствуй, Иваныч.

Старик отступил в сторону, пропуская Артёма в царство пота и магнезии. Запах ударил в нос мгновенно. Это был запах его юности — смесь кожаных мешков, старых матов и дешёвого хлора. В зале было полутемно. Единственная лампа под потолком раскачивалась, отбрасывая длинные, уродливые тени на стены, увешанные пожелтевшими плакатами с боксёрами, чьи имена давно стёрлись из памяти.

— Слышал, ты Крылову рожу в администрации замарал, — Иваныч закрыл дверь и задвинул засов. — Глупо. Олег не прощает, когда ему портят костюм.

— Он первый начал, — Артём прошёл к рингу. Канаты провисли, обмотка местами лопнула, обнажая стальной трос. — Мне нужно место, Иваныч. Просто пару часов тишины. И мешок, который не даст сдачи.

— Мешки здесь только такие, — старик кивнул на тяжёлую «грушу» в углу, латаную-перелатанную скотчем. — Садись. Чай будешь? Или сразу в петлю?

— Чай. Если он не из веника.

Они прошли в тренерскую — крошечную каморку, забитую кубками, которые давно потеряли блеск. Иваныч возился с плиткой, а Артём разглядывал старую фотографию под стеклом на столе. На ней были трое. Он сам — молодой, с дерзким взглядом и разбитыми костяшками. Сергей Громов, улыбающийся так, словно весь мир уже принадлежал ему. И Лёха. Лёха стоял посередине, положив руки им на плечи. Он всегда был связующим звеном. Тем, кто гасил их конфликты и верил, что «пацанское слово» — это не просто звук.

— Фотографию убери, — голос Иваныча вырвал его из оцепенения. — Мертвецам не нравятся, когда на них пялятся. А живым — тем более.

Старик поставил перед ним гранёный стакан в подстаканнике. Чай был чёрным как дёготь и горьким.

— Зачем вернулся, Артём? Десять лет — срок приличный. Мог бы зацепиться где-нибудь на севере. Вахты, деньги, бабы новые. Зачем тебе этот гнилой угол?

— Долги пришёл отдавать, Иваныч. Те, что не деньгами меряются.

— Громов тебя сожрёт. Он теперь не тот Серёга, который в этом зале сопли размазывал после каждого спарринга. У него теперь зубы из вольфрама. Он город под себя подмял, полицию купил, судей прикормил. Ты для него — заноза. Неприятно, но вытаскивается одним движением пинцета.

Артём достал блокнот Лёхи и положил его на стол. Иваныч взглянул на обложку, и его рука, державшая чайник, заметно дрогнула.

— Откуда это у тебя? — шепнул старик.

— Даниил притырил. Думал, ценность какая. Оказалось — карта минного поля. Иваныч, ты ведь знал, что Лёха что-то копал под Громова перед смертью?

Старик долго молчал. Слышно было, как в углу капает вода из крана — мерно, раздражающе.

— Лёха был слишком честным для этого времени, — наконец произнёс Иваныч. — Он думал, что если выведет Громова на чистую воду, всё вернётся на круги своя. Что вы снова станете братьями. Наивный дурак. Он не понимал, что Серёжа уже тогда продал душу за первый миллион.

— В блокноте упоминается четвертая пристань. И какая-то «сделка с тишиной». Ты что-нибудь об этом знаешь?

Иваныч встал, подошёл к окну, покрашенному серой краской, и процарапал ногтем небольшую щель.

— В порту тогда творились дела, о которых в газетах не пишут. Контрабанда была лишь верхушкой. Громов через пристань вывозил то, что не должно было покидать страну. А Лёха... он случайно увидел список «пассажиров». Тех, кого Громов прятал в контейнерах. Это были не люди, Артём. Это были... — старик запнулся. — В общем, не лезь туда. Это выше Громова. Намного выше.

Артём почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не от страха, а от осознания масштаба ямы, в которую он прыгнул.

— Мне нужно тренироваться, Иваныч. Мышцы забыли, что такое тяжесть. Реакция стала как у сонного кота. Если я завтра встречу с Кабаном снова, я хочу быть уверен, что его челюсть разлетится вдребезги.

— Мешок в твоём распоряжении, — Иваныч кивнул на зал. — Бинты возьми в шкафу. Мои старые. Они ещё помнят вкус побед.

Артём вышел в зал. Он снял куртку, оставшись в серой майке, которая подчеркивала его худобу — жилистую, сухую тюремную форму. Он начал бинтовать руки. Медленно. Виток за витком. Ткань ложилась на кожу, стягивая кисти, превращая их в инструменты. Каждый оборот бинта — как молитва. За Лёху. За сестру. За погубленные годы.

Он подошел к мешку. Первый удар был пробным, легким. Мешок едва качнулся, ответив глухим, пыльным звуком. Артём закрыл глаза. Он представил перед собой Громова. Его холеную морду, его снисходительный взгляд. Второй удар был резче. Третий — серией.

Левый хук, правый прямой, уход. Снова. Быстрее. Пот мгновенно выступил на лбу. Воздуха стало не хватать, легкие горели, словно в них плеснули кислоты. Но он не останавливался. В каждом ударе была накопленная за десять лет ярость. Он бил не мешок — он бил свою судьбу. Он бил несправедливость, одиночество, предательство.

Иваныч стоял в дверях тренерской, скрестив руки на груди. Он смотрел на Артёма и видел в нём того самого волка, которого когда-то приметил в стае дворовых пацанов. Только теперь этот волк был ранен, но оттого стал в сто крат опаснее.

— Ноги! — крикнул старик. — Ногами работай, а не только кулаками! Ты стоишь как столб! Громов тебя расстреляет с дистанции, если не будешь двигаться!

Артём начал перемещаться. Рваный ритм. Прыжок, уклон, контратака. Пол под ногами был скользким от пота и пыли, но он чувствовал опору. Зал словно подпитывал его. Стены, впитавшие крики и стоны тысяч парней, теперь отдавали эту энергию ему.

Он бил до тех пор, пока костяшки не начали гореть сквозь бинты. Когда он остановился, мешок бешено раскачивался, а сам Артём тяжело дышал, опершись руками на колени. Перед глазами плыли красные круги.

— Неплохо для пенсионера, — Иваныч подошел и протянул ему полотенце. Оно было жестким, как наждачная бумага. — Но ты слишком заиклен на мести. Месть — это плохой бензин. На нем далеко не уедешь, мотор заглохнет в самый неподходящий момент.

— А на чем ехать, Иваныч? На прощении?

— На холоде, Артём. Внутри должен быть лед. Когда ты бьешь, ты не должен ненавидеть. Ты должен просто выполнять работу. Как хирург. Или как палач.

Они снова вернулись в тренерскую. Артём сел, чувствуя, как мышцы начинают приятно ныть. Это была живая усталость.

— Иваныч, ты сказал про список в порту. Что это были за «пассажиры»?

Старик сел напротив и тяжело вздохнул. Его руки, лежавшие на столе, заметно подрагивали. Старая травма или просто возраст — Артём не знал.

— Это были дети, Артём. Дети из детдомов, беспризорники, те, кого никто не искал. Громов организовал канал. Их вывозили за границу. Куда — я не знаю. Но Лёха нашел документы. Он хотел идти в прокуратуру. Не к Крылову, а выше. Но не успел. В ту ночь, когда его нашли... он должен был встретиться с посредником.

Артём сжал кулаки. Ярость, которую он только что выплеснул на мешок, вернулась с новой силой, еще более темная и густая.

— Кто был посредником?

— Человек из церкви, — тихо произнес Иваныч. — Андрей Соловьев. Помнишь его? Он тогда только начинал свою службу.

— Андрей? — Артём нахмурился. — Он же был тихим, вечно с книжками.

— Тихие омуты самые глубокие, — Иваныч посмотрел на Артёма в упор. — Сходи к нему. Он теперь в храме на окраине. Но будь осторожен. Андрей умеет слушать, но ещё лучше он умеет молчать.

Артём встал. Усталость как рукой сняло. Информация жгла его изнутри.

— Спасибо, Иваныч. За чай и за правду.

— Правду нельзя съесть, Артём. Ею можно только подавиться. Ты это... если что, приходи. Ключ у меня всегда в одном и том же месте, за пожарным щитом.

Артём вышел из подвала. Ночь стала ещё холоднее. Город спал, но этот сон был беспокойным. Где-то выла сирена, в окнах мелькали тени. Он шел по улице, и его тень, длинная и рваная, следовала за ним по пятам.

Он чувствовал, что круг сужается. Блокнот, четвертая пристань, пропавшие дети, священник... Громов выстроил свою империю на костях тех, кто не мог защититься. И Артём теперь был единственным, кто мог этот фундамент разрушить.

Он вспомнил лицо Лёхи на фотографии. Теперь он понимал, почему друг был так напуган в свой последний вечер. Он не просто ввязался в криминальные разборки — он коснулся абсолютного зла. И это зло теперь смотрело на Артёма глазами фонарей Зареченска.

Дойдя до угла дома, Артём резко остановился. Инстинкт. За спиной, метрах в двадцати, хлопнула дверь машины. Обычный звук, но в этой тишине он прозвучал как выстрел. Он не стал оборачиваться. Он просто свернул во двор, нырнув в лабиринт детских площадок и сушилок для белья.

Слежка стала открытой. Громов больше не играл в прятки. Ему нужно было либо сломать Артёма, либо уничтожить его.

Артём прошел сквозь узкий лаз в заборе и оказался на пустыре. Здесь когда-то планировали построить торговый центр, но деньги разворовали, и остался только бетонный скелет, обросший бурьяном. Он замер в тени одной из опор.

Из темноты вышли двое. Не Кабан и не его шестерки. Эти были другими. Подтянутые, в темных куртках, с одинаковыми короткими стрижками. Профессионалы. Такие не бьют битами — они работают быстро и чисто.

— Волков, не усложняй, — голос одного из них был лишен эмоций. — Отдай блокнот, и мы разойдемся. Нам не нужны лишние трупы в этом районе.

— Всем чего-то нужно от этого блокнота, — Артём медленно вытащил вещь из кармана, придерживая её пальцами. — Только вот читать вы, похоже, не любите.

Он не стал ждать нападения. Он знал, что в бою с профессионалами секунда промедления равна смерти. Он рванулся вправо, за бетонную плиту, и тут же услышал сухой щелчок. Пуля выбила крошку из бетона в десяти сантиметрах от его головы.

Началась охота. Но на этот раз Артём знал территорию лучше. Он вырос в этих руинах. Он знал каждый провал в полу и каждую торчащую арматуру.

— Ну, давайте, — прошептал он, чувствуя, как внутри разливается холодный, расчетливый покой. — Посмотрим, чему вас учили в ваших конторах.

Он нырнул в темноту подвального уровня недостроя. Впереди была долгая ночь. Но теперь у него была цель, превосходящая его собственную жизнь. Он должен был довести дело Лёхи до конца. Чего бы это ни стоило.

Глава 10: Голос, который нельзя забыть

Жёлтый свет одинокой лампочки под потолком кухни в квартире Марины не светил, а скорее пачкал пространство. Он выхватывал из полумрака жирные пятна на клеёнке стола, щербатые края старых чашек и спину Артёма, ссутуленную, застывшую в неподвижности тяжёлого зверя. В квартире пахло застарелым жиром, дешёвым стиральным порошком и тем специфическим ароматом человеческой усталости, который не выветривается десятилетиями.

Артём смотрел на рюкзак Даниила. Обшарпанный чёрный нейлон с оторванной лямкой, валявшийся на табуретке, выглядел как улика, которую страшно трогать. В этом рюкзаке — вся нехитрая жизнь пацана, который решил, что он взрослее, чем есть на самом деле. Энергетики, засаленные тетрадки, липкие крошки от чипсов. И что-то ещё. Что-то, что заставило Даниила врать в глаза, прятать взгляд и уходить в ночь.

Артём протянул руку. Пальцы, всё ещё пахнувшие оружейным маслом и дешёвым табаком, коснулись молнии. Собачка застряла. Он дернул — резко, с тем надрывным звуком, который издаёт рвущаяся ткань. Внутри, среди хлама, лежал он. Небольшой блокнот в переплёте из искусственной кожи, когда-то чёрном, а теперь стёртом до неприятного серого цвета, напоминающего кожу утопленника.

У Артёма перехватило дыхание. Не от страха — от узнавания. Этот блокнот он видел сотни раз. Лёха всегда таскал его во внутреннем кармане куртки. Лёха, который записывал туда всё: от телефонов девчонок до графиков отгрузки в порту. Лёха, которого не стало десять лет назад, а его почерк, его секреты — вот они, лежат на засаленной клеёнке, прикрытые обёрткой от «Сникерса».

Он открыл первую страницу. На него пахнуло старой бумагой и чем-то неуловимым, похожим на запах Лёхиной «девятки» — смесью бензина и дешёвого одеколона. Почерк был нервным, косым, с буквами, которые то взлетали вверх, то падали в пропасть полей. Но это был не просто дневник.

— Ты же обещал, что всё сожжёшь, — прошептал Артём в пустоту кухни.

Холодильник «Бирюса» в углу зашёлся в истерическом припадке вибрации, словно подкаивая. Артём перелистнул страницу. Цифры. Колонки цифр. Аббревиатуры, которые для постороннего были шумом, но для него — кодом доступа в ад. «С.П. — 50.000 (транш 4)», «О.К. — 15.000 (крыша)».

С.П. — Сергей Павлович Громов.

О.К. — Олег Крылов.

Сделка десятилетней давности. Союз, скреплённый не кровью, а чем-то более липким — общим грехом. Громов давал деньги, Крылов обеспечивал тишину. Машина правосудия, смазанная баблом, катилась по телам таких, как Волков, не замечая препятствий.

Артём чувствовал, как внутри него начинает ворочаться тяжёлая, вязкая ярость. Она не была горячей. Она была ледяной, как вода в проруби, и такой же глубокой. Он вспомнил те допросы. Крылов, тогда ещё молодой капитан с жадными глазами, бил его под дых аккуратно, чтобы не оставить следов на коже, но чтобы выбить душу. А за стеной, в «Мерседесе», сидел Громов и ждал, когда Артёма упакуют в автозак.

Но цифры были лишь началом. Дальше шёл шифр. Лёха всегда был помешан на конспирации, начитавшись старых детективных романов. Они в детстве придумали свой код — «решётку». Нужно было наложить трафарет на текст, чтобы прочитать истинный смысл. Трафарета не было, но Артём помнил принцип. Каждое третье слово второй строки. Каждое пятое — третьей.

Он взял огрызок карандаша, лежавший на подоконнике, и начал выписывать слова на полях газеты «Зареченский рабочий».

«Порт... четвёртая... бетон... под... фундаментом...».

Сердце ударило в рёбра. Тяжёлый, глухой удар. Четвёртая пристань. Место, где десять лет назад нашли машину Лёхи. Пустую, с открытыми дверями. Следствие тогда сказало — несчастный случай, не справился с управлением, тело унесло течением. Только вот Лёха водил как бог, а течение в том месте — как в стоячем болоте.

Артём вчитывался в записи, и перед ним разворачивалась картина, от которой тошнило. Громов не просто строил терминал. Он закапывал там концы. Всё, что могло связать его с делом о пропавших контейнерах, всё, что могло вывести на заказчиков из Москвы — всё ушло под бетон четвёртой пристани. И Крылов лично подписывал акты приёмки, зная, что под слоем раствора лежат не только ворованные трубы, но и жизни.

— Так вот почему ты так засуетился, Олег, — Артём сжал карандаш так, что грифель хрустнул и отлетел в сторону. — Блокнот не сторел. И Даниил его нашёл. Где? В гараже? В старом тайнике Лёхи?

Он представил своего племянника. Глупый малый, возомнивший себя наследником криминальной славы. Даниил нашёл этот блокнот и, вместо того чтобы сжечь его или отдать матери, решил поиграть в шантаж. Попытался продать Громову его собственную смерть.

А Громов... Громов таких не покупает. Громов таких закатывает в тот же бетон.

Артём встал и подошёл к окну. Стекло было холодным и грязным. Сквозь него двор казался вытравленным кислотой — серые тени, чёрные остовы деревьев, оранжевый глаз фонаря, мигающий в агонии. Где-то там, в этом лабиринте панелек, сейчас бегал Даниил, прижимая к груди мнимое сокровище, которое уже превратилось в мишень на его спине.

Внезапно дверь в прихожей скрипнула. Артём замер. Он не слышал шагов в подъезде — значит, вошедший умел двигаться тихо. Или у него были ключи.

Марина? Нет, она на смене в больнице, вернётся только утром.

Даниил? Маловероятно, пацан сейчас забился в какую-нибудь щель.

Артём бесшумно взял со стола тяжёлую чугунную сковородку. Глупое оружие, но в ближнем бою — надёжное. Он прижался к стене у дверного проёма кухни, замерев и почти перестав дышать. В воздухе пахло сыростью прихожей и чем-то ещё... резким, химическим. Лосьон после бритья. Дорогой. Знакомый.

Тень легла на линолеум коридора. Длинная, ломаная. Человек вошёл в кухню уверенно, не таясь.

— Брось посуду, Волков. Ты не в комедии снимаешься.

Голос Крылова ударил по ушам, как хлопок бича. Подполковник стоял посреди кухни, засунув руки в карманы безупречного пальто. На его лице играла та самая улыбка, которую Артём ненавидел больше, чем его кулаки — снисходительная, хозяйская.

— Как вошёл? — Артём не опустил сковороду, но из тени вышел.

— У этого дома нет дверей, которые бы я не открыл, — Крылов кивнул на рюкзак на столе. — Вижу, ты уже причастился к наследию покойного Алексея. Ностальгия — штука опасная. От неё глаза слезятся, а в нашем деле нужно смотреть в оба.

Крылов медленно подошёл к столу, отодвинул ногой табуретку и сел. Он выглядел здесь чужеродно, как антикварная ваза в мусорном баке.

— Отдай блокнот, Артём. По-хорошему прошу. В последний раз. Ты ведь понимаешь, что это не просто бумага. Это детонатор. Если он сработает, накроет всех. И тебя, и твою сестру, и этого дегенерата Даниила.

— Ты пришёл сюда угрожать? — Артём сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию. — В доме моей сестры? Ты совсем берега попутал, подполковник. Ты здесь не в кабинете. Здесь стены могут и не выдержать.

— Остынь, — Крылов даже не шелохнулся. — Я пришёл договариваться. Громов хочет крови. Ему блокнот нужен только для того, чтобы убедиться, что все концы обрублены. А

мне... мне нужно, чтобы ты исчез. Навсегда. Я дам тебе денег. Столько, сколько ты не заработаешь за десять жизней. Уедешь в Таиланд, заведёшь себе домик у моря, будешь пить ром и трахать местных шлюх. Только блокнот дай мне.

Артём смотрел в глаза Крылова. Кварцевые, пустые. В них не было правды, только расчёт. Крылов хотел кинуть Громова. Он хотел получить компромат в свои руки, чтобы самому диктовать условия «хозяину города». Старая игра: крыса пытается перегрызть горло волку, пока тот спит.

— Знаешь, что Лёха написал про тебя в конце? — тихо спросил Артём. — Он написал: «Олег — это пустота. У него нет дна».

Улыбка Крылова дрогнула. На мгновение за маской лощёного офицера показалось нечто иное — испуганное, злое ничтожество, которое всю жизнь дрожало за свою шкуру.

— Лёха был трупом уже тогда, когда взял ручку в руки, — прошипел подполковник. — И ты сейчас повторяешь его маршрут. Ты думаешь, ты герой? Ты думаешь, ты кого-то спасёшь? Ты просто мусор, Артём. Старый, ржавый хлам, который мешает нормальным людям жить.

— Нормальным — это тебе? — Артём поставил сковороду на стол. Звук был тяжёлым, окончательным. — Который торгует жизнями пацанов? Который закатывает правду в бетон четвертой пристани?

Крылов замер. Его глаза расширились. Он не ожидал, что Артём уже дошёл до шифра. Тишина в кухне стала невыносимой. Слышно было, как на лестничной клетке хлопнула дверь лифта, как где-то за стеной надрывно кашляет старик.

— Откуда ты... — начал Крылов, но осекся.

Он быстро полез во внутренний карман пальто. Артём среагировал мгновенно — годы на зоне научили его, что движение за пазуху никогда не заканчивается предложением закурить. Он бросился вперёд, опрокидывая стол. Чашки полетели на пол, разбиваясь вдребезги.

Крылов успел выхватить пистолет, но Артём уже вцепился в его руку. Они рухнули на линолеум, тяжело, с хрустом ломаемой мебели. Подполковник оказался неожиданно сильным, жилистым. Он бил Артёма локтем в лицо, пытаясь высвободить ствол. Артём чувствовал вкус крови во рту, слышал собственный хрип, но хватку не ослаблял.

— Не отдашь... — рычал Крылов, багровея. — Сдохнешь... как пёс...

Артём ударил его головой в переносицу. Раздался противный хруст. Крылов взвыл, его хватка ослабла на долю секунды. Этого хватило. Артём вывернул его руку, послышался щелчок сустава. Пистолет отлетел под холодильник.

Они катались по полу среди осколков и остатков ужина. Артём навалился сверху, прижимая предплечье к горлу подполковника. Крылов хрипел, его глаза закатывались, пальцы судорожно скребли по линолеуму, пытаясь нащупать хоть что-то.

В этот момент в прихожей снова послышался шум. Резкий, быстрый. Дверь распахнулась от удара ноги.

— Всем стоять! Носом в пол!

В кухню ворвались двое в масках, с укороченными автоматами. Лазерные целеуказатели заматались по стенам, по лицам, застыв красными точками на лбу Артёма.

Это был не ОМОН. У тех нет таких татуировок на фалангах пальцев. Громов прислал зачистку.

— Встали! — рявкнул один из налётчиков. — Где книга?

Крылов, хрипя и отплёвываясь кровью, попытался что-то сказать, но получил прикладом в висок. Он обмяк, растекаясь по полу бесформенной кучей дорогой ткани.

Артём стоял на коленях, подняв руки. Блокнот лежал на табуретке, в десяти сантиметрах от него. Весь мир сжался до этого маленького куса козжама.

— Забирай, — Артём кивнул на блокнот. — Там всё. И про порт, и про Громова. Только пацана не трогайте. Он здесь ни при чём.

Налётчик подошёл, грубо схватил блокнот. Он быстро пролистал страницы под светом фонарика. Его глаза за прорезями маски блеснули.

— Громов передавал привет, — сказал он, поднимая автомат. — Сказал, что в четвёртой пристани ещё осталось место для одного слоя.

Артём закрыл глаза. Он ждал выстрела. Короткого, сухого звука, который оборвёт всё.

Но вместо выстрела раздался звон разбитого стекла. Окно кухни разлетелось в пыль, и внутрь влетела световая граната. Ослепительная вспышка стёрла реальность. Мир взорвался белым шумом и болью в барабанных перепонках.

Когда Артём, ослепший и оглохший, попытался подняться, на кухне уже никого не было. Ни налётчиков, ни блокнота. Только Крылов, стонавший на полу, и запах гари.

На подоконнике, среди осколков стекла, лежала фотография. Та самая, из блокнота, которую налётчики обронили в суматохе. На ней был изображён Даниил. Он стоял на фоне четвёртой пристани, а рядом с ним, положив руку ему на плечо, стоял человек, лица которого не было видно. Но на руке человека сверкал перстень с печаткой. Такой же, какой Артём видел сегодня у...

Глава 11: Парта, где вырезана правда

Белый шум в ушах не уходил. Он вибрировал где-то на уровне зубов, заставляя челюсть непроизвольно сжиматься до хруста. Артём сидел на полу кухни, прислонившись затылком к холодному боку холодильника. Вибрация старого компрессора сливалась с гулом в черепе в одну монотонную, изматывающую ноту. Зрение возвращалось пятнами: сначала выплыли из серого тумана перевёрнутые ножки табуретки, потом — лужа крови под головой Крылова.

Подполковник был жив. Он дышал — тяжело, со свистом, выталкивая из разбитых лёгких пузыри розовой пены. Его лицо превратилось в бесформенный кусок сырого мяса. Вспышка и ударная волна сделали то, что не успел сделать Артём: они вытравили из этого помещения саму жизнь, оставив только ошмётки декораций.

Артём нащупал фотографию. Она лежала среди стеклянной крошки, которая впивалась в подушечки пальцев. Он смотрел на перстень. Массивная печатка с изображением двуглавого волка — старая работа, грубая, лагерная. Он видел этот перстень сотни раз. На руке Алексея Козлова. Лёхи-механика. Человека, который первым пожал ему руку на вокзале. Который обещал «всё наладить».

Внутри что-то оборвалось с сухим щелчком, похожим на звук ломающейся кости. Если механик в деле, значит, в Зареченске нет ни одного чистого квадратного метра. Значит, Даниил — не просто заигравшийся дурак, а инструмент в руках тех, кто умеет ждать десятилетиями.

Он поднялся, шатаясь. Ноги были ватными, чужими. Нужно было уходить до того, как сюда нагрянет «настоящая» полиция — те, кого Крылов не успел прикормить, или те, кто приедет доедать его остатки. Блокнот исчез. Вместе с налётчиками, вместе с надеждой на быстрый финал. Теперь осталась только охота вслепую.

Артём вышел из дома через чёрный ход, минуя мусоропровод, от которого несло гнилой капустой и хлоркой. Воздух на улице показался ему слишком разреженным. Он жадно хватал его ртом, чувствуя, как лёгкие расправляются с болью. На часах было начало девятого. Время, когда город просыпается в своём худшем обличье — сером, невыспавшемся, злом.

Школа №12 стояла в кольце облезлых тополей. Здание из силикатного кирпича, похожее на тюрьму строгого режима, только с более яркими шторами в окнах. Артём шёл по коридору, и его тяжёлые ботинки оставляли на свежeweымытом линолеуме грязные, уродливые следы. Мимо пробегали дети — мелкие, шумные, не знающие, что в паре километров отсюда их сверстников закатывают в бетон. Их смех резал уши, как лезвие бритвы.

Светлана Юрьевна Белова ждала его в кабинете литературы. В комнате пахло старыми книгами и дешёвым парфюмом — чем-то ландышевым, приторно-сладким, вызывающим тошноту. Сама Светлана Юрьевна выглядела так, словно её вырезали из картона: прямая спина, тугой пучок на затылке и очки в тонкой оправе, за которыми прятались глаза, полные выцветшего, усталого беспокойства.

— Вы — дядя Даниила? — голос её был сухим, как осенний лист. Она не предложила ему сесть.

— Артём. Да. Что случилось?

Светлана Юрьевна подошла к окну. Её пальцы, длинные и тонкие, нервно теребили край занавески.

— Даниил не появляется в школе четвертый день, Артём Владимирович. Но дело не только в пропусках. Вчера я видела его у ворот. Он был не один.

— С кем? — Артём почувствовал, как в животе снова завязывается ледяной узел.

— С Дмитрием Жуковым. Вы ведь знаете, кто это? Главарь этих... «Северных». Они стояли у чёрной машины. Даниил выглядел... напуганным. Или возбуждённым. Знаете, этот

нездоровый блеск в глазах, когда мальчишки думают, что прикоснулись к чему-то великому, а на самом деле просто лезут в навозную яму.

Она обернулась. На её лице не было сочувствия. Только профессиональная деформация — привычка фиксировать крах чужих жизней.

— Я пыталась с ним поговорить. Он нахамил мне. Сказал, что скоро «весь город будет лежать под ними». У него был свёрток под курткой. Квадратный, в тёмной обложке. Он прижимал его к себе так, словно там было его сердце.

Блокнот. Даниил таскал его с собой до последнего, пока его не вырвали налётчики Громова. Или Козлова? Теперь это уже не имело значения.

— Где они живут? Эти «Северные»? — Артём сделал шаг к столу, нависая над учительницей.

— В старых гаражах за хлебозаводом. Там у них что-то вроде базы. Артём Владимирович, — она замялась, её голос дрогнул. — Вы ведь понимаете, что Даниил уже не просто прогульщик? Он ищет смерти. Такое ощущение, что он специально лезет на рожон, словно пытается кому-то что-то доказать.

— Себе он пытается доказать, — Артём развернулся к выходу. — Что он не такой, как его отец. И не такой, как я.

— Но он в точности как вы, — бросила она ему в спину. — В нём та же тихая ярость, которая выжигает всё вокруг. Посмотрите на его парту.

Артём остановился. Последний ряд, у окна. Третья парта слева. Он подошёл к ней. На сером пластике было выцарапано лезвием: «ВОЛКИ НЕ КРИЧАТ». И ниже — мелкими буквами, почти нечитаемыми — дата смерти Лёхи.

Даниил знал всё. Он жил этим прошлым, которое Артём пытался похоронить. Пацан не просто украл блокнот, он искал повода закончить войну, которую его дядя проиграл десять лет назад.

— Светлана Юрьевна, если он появится... — Артём замолчал. Нет, он не появится. Не здесь.

— Я вызову полицию, — жёстко закончила она. — Это мой долг.

— Полиция здесь не поможет, — Артём вышел в коридор.

Он шёл мимо расписаний, стенгазет с улыбающимися отличниками и плакатов о вреде курения. Всё это казалось декорациями к фильму, который снимали на кладбище. Зареченск не менялся. Он просто менял поколения жертв, оставляя тех же палачей в новых креслах.

На крыльце школы он столкнулся с Мариной. Она бежала к дверям, её лицо было белым, как мел, глаза покраснели от слёз. На ней была форменная куртка медсестры, наспех наброшенная на домашний халат.

— Артём! Мне позвонили... сказали, что Даня... что его видели в порту!

Она вцепилась в его рукав, и Артём почувствовал, как она дрожит — мелкой, противной дрожью, которая передалась и ему.

— Кто звонил, Марина? Успокойся. Дыши.

— Не знаю! Голос был... какой-то странный. Сказали, что если я хочу увидеть сына живым, ты должен прийти один. На четвёртую пристань. К полуночи.

Артём смотрел на сестру и видел в ней не женщину, а измученную, загнанную тень. Десять лет она тянула всё на себе, пока он гнил в камере. А теперь её сына используют как приманку для недобитого зверя.

— Иди домой, Марина. Закрой двери. Никому не открывай. Даже если я приду — спрашивай пароль. Наше детское слово. Помнишь?

— «Слюда»... — шепнула она, всхлипывая. — Артём, не бросай его. Пожалуйста. Он ведь дурак... он просто хочет, чтобы его любили.

— Я его не брошу, — соврал Артём, глядя в сторону промзоны, где над горизонтом поднимались дымы заводов. — Иди.

Он проводил её взглядом до такси и остался стоять на школьном дворе. Ветер усилился. Он приносил запах гари и гнилой воды из реки. Зареченск затягивал петлю. Теперь всё сходилось в одной точке. Четвёртая пристань. Место, где время остановилось десять лет назад, и где оно должно было пойти снова — или остановиться навсегда.

В кармане завибрировал телефон. Незнакомый номер.

— Да.

— Ты видел фото, Тёма? — Голос Козлова был спокойным, почти отеческим. — Даниил у меня. Мы просто разговариваем. О жизни, о преемственности. Он способный парень. Жаль будет, если он закончит как Лёха.

— Я убью тебя, Лёша. Медленно. Сначала вырву твой язык с этим фальшивым говором.

— Приходи и попробуй. Пристань номер четыре. Не забудь блокнот. Если он у тебя.

— Он у налётчиков Громова.

— Ошибаешься, Тёма. Налётчики Громова сейчас лежат в кювете под трассой. Блокнот у меня. И я знаю, что ты его расшифровал. Теперь ты — единственный свидетель, который понимает, что там написано. Жду.

Связь оборвалась. Артём сжал телефон так, что пластик хрустнул. Вакуум. Вокруг него образовался абсолютный вакуум, в котором не было ни друзей, ни закона, ни надежды. Только он, ржавый нож в кармане и город, который жаждал его крови.

Он пошёл в сторону гаражей. У него было несколько часов, чтобы подготовиться к финальному раунду. И в этом раунде он не собирался играть по правилам. Потому что волки не кричат. Они просто рвут горло.

Глава 12: Карта минного поля

Снег в Зареченске никогда не был чистым. Он падал на город как приговор, впитывая в себя копоть металлургического комбината и выхлопы старых «пазиков», превращаясь в серую, липкую кашу, которая разъедала подошвы ботинок и человеческое достоинство. Артём шёл к гаражному кооперативу «Северный-2», чувствуя, как этот холод пробирается под куртку, липнет к рёбрам. Город вокруг него задышался в собственном безмолвии. Панельки смотрели на него пустыми глазницами выбитых окон, а редкие прохожие втягивали головы в плечи, словно ожидая удара в затылок.

Гараж Алексея Николаевича Козлова стоял на самой окраине, притиснутый к ржавому забору заброшенной ТЭЦ. Здесь время не просто остановилось — оно сгнило. Железные ворота, выкрашенные когда-то в радикально синий, облупились, обнажая рыжую, похожую на запекшуюся кровь ржавчину. Артём остановился перед калиткой. Внутри что-то глухо стучало. Ритмично. Металл о металл. Словно сердце старого, умирающего зверя.

Он толкнул дверь. Тяжёлый запах отработки, дешёвого табака и застарелого страха ударил в лицо. Внутри было теплее лишь на пару градусов. Единственным источником света служила голая лампочка, висевшая на оголённом проводе над верстаком. Она раскачивалась от сквозняка, и тени в гараже танцевали какой-то безумный, ломаный танец.

Козлов лежал под старой «Волгой», его ноги в грязных валенках торчали из-под днища машины, как конечности манекена. Стук прекратился.

— Тёма? — Голос механика прозвучал глухо, из-под металла. — Заходи. Не заперто, как видишь. Кому тут грабить? Одни долги да гаечные ключи.

Козлов выкатился на засаленной доске. Его лицо, изрезанное морщинами, как старая топографическая карта, было перепачкано мазутом. Он вытер руки о ветошь, которая сама давно нуждалась в стирке, и посмотрел на Артёма. В глазах старого механика плескалось что-то, чего Артём раньше не замечал. Усталость? Или знание, которое тянет ко дну?

— Ты как привидение, — Козлов кряхтя поднялся, суставы его хрустнули, как сухие ветки. — Тихий. Плохой знак, Тёма. Когда человек ходит так тихо, у него в голове либо пустота, либо пуля.

— Мне нужно, чтобы ты посмотрел кое-что, Николаич, — Артём не стал тратить время на светские беседы. В этом городе слова имели цену только тогда, когда они подкреплялись действием.

Он вытащил блокнот Лёхи. Положил его на верстак, прямо в лужицу пролитого масла. Чёрная обложка под светом лампочки заблестела, как чешуя змеи. Козлов замер. Его пальцы, привыкшие к грубому железу, вдруг мелко задрожали. Он не спешил прикасаться к блокноту.

— Откуда он у тебя? — голос механика стал сиплым.

— Даниил нашёл. Племянник. В твоём гараже, Николаич. Под досками, в смотровой яме. Ты ведь знал, что он там, верно?

Козлов молчал. Он подошёл к печке-буржуйке, стоявшей в углу, и бросил туда горсть щепок. Огонь загудел, выбрасывая в помещение едкий дым.

— Лёха... он ведь не просто так его спрятал, — наконец произнёс старик, не оборачиваясь. — Он понимал, что это его страховой полис. Только страховка не сработала. Громов тогда всё перерыл. А я... я не знал, Тёма. Честное слово. Я думал, он его с собой унёс в ту ночь.

— Тут шифр, Николаич. Лёха использовал портовые коды. Те, что вы внедряли в девяностых, когда обходили таможеню. Ты ведь был мозгом всей этой схемы. Ты настраивал рации, ты делал накладные. Помоги мне прочитать первые страницы. Там что-то важное про «четвёртую пристань».

Козлов медленно подошёл к верстаку. Он надел очки — старые, с одной дужкой, перемотанной изолентой. Осторожно, словно боясь обжечься, он открыл первую страницу. Его губы беззвучно шевелились, повторяя записанные цифры.

— Это не просто коды, Тёма, — прошептал он. — Это частоты. Радиочастоты, на которых работали частные охранные предприятия Громова. Но смотри сюда... видишь эти пометки на полях? «300-15-2». Это координаты секторов на складах.

Артём подошёл ближе. Запах Козлова — смесь лука, перегара и машинного масла — стал невыносимо острым. Он смотрел, как старик водит пальцем по бумаге. Каждое движение казалось вечностью. Время в гараже стало вязким, как застывающий гудрон.

— Вот оно, — Козлов ткнул пальцем в обрывок фразы, написанной почти неразборчиво. — «Бетон марки 500. Заливка вне графика». Тёма, это дата. Четырнадцатое ноября. Десять лет назад. Ночь, когда Лёха пропал.

— Что это значит? — Артём почувствовал, как в затылке начинает пульсировать тупая боль.

— Это значит, что бетон лили не под фундамент терминала. Там вписан номер накладной. Я помню этот груз. Три машины. И приказ от Громова: «Принять без досмотра, водителей отпустить». Крылов тогда лично ворота открывал.

Козлов вдруг замолчал и резко обернулся к двери. Там, снаружи, послышался хруст снега. Артём мгновенно погасил лампу. Тишина в гараже стала абсолютной, если не считать бешеного стука его собственного сердца.

Они стояли в темноте. Артём чувствовал, как Козлов тяжело и прерывисто дышит рядом. В щели ворот пробивался свет фар — кто-то медленно проезжал мимо, сканируя гаражи. Свет скользнул по стенам, выхватив на мгновение блеск гаечных ключей и бледное, перепуганное лицо механика. Машина проехала дальше, звук мотора растворился в ночной тишине Зареченска.

— Нас пасут, — выдохнул Козлов. — Громов знает, что ты здесь. Он всё знает в этом городе. У него уши даже в стенах сортиров.

— Продолжай, Николаич. Что в конце страницы?

Козлов снова включил лампу, но прикрыл её куском жести, направляя свет только на блокнот.

— Тут имена. Но они зашифрованы через таблицу замен. Дай-ка мне лист бумаги...

Старик начал писать. Его рука двигалась рывками. Буквы ложились на бумагу, кривые и уродливые.

«Фролова Г. П. — Архив школы».

«Петрова И. М. — Транзит 4».

«Соловьев А. Б. — Связь».

— Фролова? Наша завуч? — Артём нахмурился. — При чём тут она?

— Она вела учёт всех детей из неблагополучных семей, Тёма. Тех, кто исчезал. Громову нужны были «чистые» документы. Фролова подчищала архивы, чтобы по бумагам человек числился живым ещё пару лет после того, как его... — Козлов не договорил. Он сглотнул, и кадык его дёрнулся под грязной кожей шеи.

— А Соловьев? Андрей? Он же священник сейчас.

— Тогда он был просто Андрюхой. Тихим парнем с радиофака. Он настраивал систему связи между портом и администрацией. Невидимый канал. Лёха догадался об этом первым. Он понял, что система Громова — это не просто бандитизм. Это государство внутри государства. Своя полиция, своя церковь, свои архивы.

Артём смотрел на список. Он чувствовал, как мир вокруг него рассыпается, как старая штукатурка. Люди, которых он знал с детства, люди, которых он считал частью своего дома, оказались винтиками в мясорубке, которая сожрала его лучшего друга.

— Николаич, почему ты молчал? Десять лет. Ты видел, как меня сажали. Ты видел, как Марина сходила с ума.

Козлов опустил голову. Его плечи поникли.

— А что бы я сделал, Тёма? — его голос сорвался на шепот. — Я механик. Я гайки кручу. У меня дочка в Питере, внуки. Громов один раз пришёл сюда. Сел на тот табурет, где ты сейчас стоишь. Достал нож и начал чистить яблоко. А потом сказал: «Николаич, ты ведь хочешь, чтобы твои внуки выросли?». И всё. И я замолчал. На десять лет.

Артём почувствовал не злость, а какую-то опустошающую жалость. Этот старик был такой же жертвой, как и все остальные. Страх — лучший клей для империи Громова. Он держит людей крепче любого цемента.

— Мне нужны остальные страницы, — Артём потянулся к блокноту.

— Нет, подожди. Тут есть ещё одна запись. Самая последняя на этой странице. «Ключ под седьмым коленом».

— Что это значит?

— Это технический термин. Семь колен — это старая система отопления в подвале архива администрации. Лёха там что-то спрятал. Не блокнот, что-то другое. Видимо, то, что подтверждает все эти цифры.

Артём собрал блокнот. Его пальцы теперь тоже пахли мазутом и старой тайной.

— Уходи из города, Николаич. Прямо сейчас. Бери машину, ту, что на ходу, и гони к дочке. Громов не простит тебе этот разговор.

Козлов горько усмехнулся.

— Куда я поеду, Тёма? Мои корни здесь, в этой мазутной земле. Я нигде больше не приживусь. Да и не отпустят они меня. Я слишком много слышал, как стучит мотор этой системы.

Артём вышел из гаража. Ветер ударил в лицо с новой силой, принося запах гари. Он шёл вдоль ржавого забора, и в его голове складывался план. Теперь это не было просто возвращением. Это была эксгумация правды.

Он понимал, что каждая секунда теперь на счету. Громов узнает о визите к Козлову через десять минут. Крылов — через пятнадцать. К полуночи за ним будет охотиться весь город. Но теперь у него была карта этого ада.

Он вспомнил лицо Даниила. Племянник, запутавшийся в сетях «Северных», искал тот же путь, что и Лёха когда-то. Путь правды, который ведёт прямо в бетон.

— Не в этот раз, — прошептал Артём, сжимая кулак. — В этот раз бетон будет трещать.

Он ускорил шаг, растворяясь в серой мгле Зареченска. Впереди был архив администрации. Место, где под «седьмым коленом» билось сердце тайны, способной сжечь этот город дотла.

Глава 13: Ужин с дьяволом

Зареченск выдыхал смог, перемешанный с ледяной крупой. Город не жил, он функционировал в режиме медленного гниения, и ресторан «Олимп» был золотым венцом на этом разлагающемся трупe. Три этажа помпезности из девяностых: зеркальные стекла, в которых отражалась серая безнадега промзоны, и швейцар в ливрее, пахнущей кислым потом и дешевым табаком.

Артём стоял у входа, чувствуя, как саднит челюсть после стычки с Крыловым. Во рту стоял медный привкус. Он не выплевывал кровь — берег её как напоминание. Снег таял на воротнике, затекал за шиворот, щекотал кожу холодной, противной струйкой. Он знал, что Громов ждёт. Сергей всегда любил пунктуальность, считая её признаком власти, хотя на деле это была просто ещё одна форма его паранойи.

Лестница была застелена ковром цвета запекшейся крови. Слишком мягко. Ноги утопали в ворсе, скрадывая шаги, и Артёму казалось, что он идет по болоту, которое вот-вот сомкнется над головой. На втором этаже его встретил Кабан. Виктор Степанович Кабанов выглядел нелепо в сером костюме, который трещал на его бычьих плечах. Глаза-щелочки, заплывшие жиром и злобой, сканировали Артёма с профессиональной безразличностью.

— Руки, — коротко бросил Кабан.

Артём поднял ладони. Пальцы Кабана, толстые и холодные, заскользили по его бокам. Он обыскивал тщательно, с нажимом, словно пытался выдавить из Артёма остатки гордости. Металлоискатель пискнул у пояса. Кабан вытащил складной нож, посмотрел на него, усмехнулся и небрежно бросил в вазу на столике у входа.

— Серый ждёт. Проходи, «возвращенец».

Зал был пуст. Громов выкупил вечер, чтобы никто не мешал ему наслаждаться своим величием. Сергей сидел у окна, за массивным столом из темного дуба. Перед ним дымилась утиная грудка в ягодном соусе — красные потеки на фарфоре выглядели пугающе натурально. Громов не изменился. Всё та же хищная посадка головы, те же идеально уложенные волосы, только седины на висках стало больше, и кожа на лице натянулась так, словно под ней спрятали череп чуть большего размера.

— Садись, Тёма, — Громов не поднял глаз. Он аккуратно отрезал кусок мяса, вилка звякнула о тарелку. Звук был резким, как выстрел в тишине. — Утка сегодня удалась. Соус из брусники, немного горечи, как раз под наше настроение.

Артём сел напротив. Стул был жестким, неудобным. В зале пахло ванилью и жареным мясом, но для Артёма этот запах мешался с вонью заброшенного арматурного завода. Он смотрел на руки Громова. Маникюр, чистота. А ведь этими руками они когда-то вместе вытаскивали Лёху из драки в «Северных».

— Ты звал не за рецептами, Сереж, — Артём не прикоснулся к меню, которое официант пододвинул ему с грацией похоронного распорядителя. — Давай сразу к делу. Блокнот у тебя?

Громов наконец поднял глаза. В них не было злобы. Хуже — там было искреннее, глубокое разочарование, какое испытывает хозяин, когда породистый пёс вдруг нагадил на ковер. Он отложил приборы и вытер губы салфеткой. Жест был медленным, нарочитым.

— Ты всегда был слишком прямолинейным, — вздохнул Громов. — Это тебя и сгубило десять лет назад. Ты думал, что правда — это щит. А правда, Тёма, это просто лишний вес. С ней неудобно бегать, с ней невозможно договариваться.

Он наклонился вперед. От него пахло дорогим парфюмом — чем-то древесным и холодным, что забивало естественные запахи живого человека.

— Блокнот... — Громов усмехнулся. — Лёха был романтиком. Писать мемуары в нашем городе — это всё равно что подписывать себе смертный приговор и просить, чтобы его испол-

нили в замедленной съемке. Ты ведь понимаешь, что в этих записях нет ничего, что я не мог бы купить или уничтожить за час?

— Тогда зачем весь этот цирк? — Артём сжал кулаки под столом. Кожа на костяшках натянулась, заныли старые шрамы. — Зачем Крылов лез ко мне в квартиру? Зачем твои шестерки жгли кафе?

— Чтобы ты понял правила, — голос Громова стал жестким, как бетонная плита. — Зареченск — это мой дом. Не твой. Ты вернулся из небытия, отсидел свой срок и должен был тихо забиться в щель, работать в гараже, пить водку и ждать старости. Но ты полез в архивы. Ты потащил за собой Даниила. Мальчик способный, но глупый. У него твои гены, Тёма. Он не понимает, когда нужно остановиться.

Громов достал из внутреннего кармана пиджака предмет, обернутый в темную бархатную тряпицу. Он положил его на стол и медленно развернул. Внутри лежал перстень. Тот самый, с двуглавым волком, который Артём видел на фотографии в блокноте. Только теперь он был залит чем-то темным, засохшим.

— Козлов был старым дураком, — буднично сообщил Громов. — Он думал, что если он «мозг» схемы, то он незаменим. Но мозги имеют свойство вытекать, если череп слишком сжать.

Артём почувствовал, как в горле встал ком. Перед глазами поплыли красные круги. Козлов. Тихий старик с мазутными руками, который просто хотел дожить свой век.

— Ты... — Артём начал подниматься, но Громов жестом остановил его. Кабан у двери напрягся, рука его скользнула под пиджак.

— Сядь, — приказал Громов. — Это подарок. На память о том, что бывает с теми, кто не умеет хранить чужие секреты. Блокнот не спас Козлова. И тебя не спасет.

Громов пододвинул перстень к Артёму. Тот смотрел на металл, и ему казалось, что он слышит крик механика в ту ночь, когда за ним пришли. Зал ресторана вдруг стал слишком маленьким, душным. Зеркала на стенах словно начали сдвигаться, превращаясь в стены камеры.

— Даниил сейчас в безопасности, — Громов снова взял вилку. — Пока в безопасности. Он у моих людей. Мы проводим «воспитательную беседу». Я хочу, чтобы он понял: преданность — это единственная валюта, которая имеет значение. Ты отдашь мне оригинал блокнота. Весь. Без копий, без закладок. И уедешь из города сегодня же. Елена поедет с тобой, если ты так этого хочешь. Я дам вам денег на первое время. Считаю это выходным пособием за старую дружбу.

— Ты убил Лёху, — тихо сказал Артём. Это был не вопрос. Это была констатация факта, которая висела в воздухе все эти десять лет. — Ты залил его в бетон на четвертой пристани.

Громов замер с куском утки у рта. Его глаза сузились, превратившись в две ледяные точки. Медленно, очень медленно он опустил вилку.

— Лёха сам выбрал свой фундамент, — прошипел Громов. — Он хотел играть в героя. Но герои в Зареченске долго не живут. Они становятся частью инфраструктуры. Ты хочешь стать следующим слоем, Волков? Ты хочешь, чтобы Марина получила не брата, а похоронку?

Артём встал. На этот раз Кабан сделал шаг вперед, но Громов остановил его коротким взмахом руки. Артём взял перстень со стола. Холод металла обжег ладонь.

— У тебя нет блокнота, Серёж, — Артём усмехнулся, и эта усмешка была похожа на оскал. — Если бы он был у тебя, ты бы не кормил меня уткой. Ты бы уже давно закатал меня в тот самый бетон. Ты боишься. Боишься, что там написано то, что даже ты не сможешь купить. И правильно боишься.

Он развернулся и пошел к выходу. Ковер больше не казался болотом. Он казался тропой, ведущей на войну.

— Артём! — окликнул его Громов.

Волков остановился у самой двери, не оборачиваясь.

— У тебя есть время до рассвета. Потом я перестану быть добрым. И помни: в Зареченске нет места для двоих Волков. Один из вас точно уйдет под лед.

Артём вышел на улицу. Ледяной ветер хлестнул по лицу, вырывая из легких тепло ресторана. Он сжал перстень Козлова в кулаке так сильно, что края печатки впились в мясо. Город вокруг него замер в ожидании бури. Огни «Олимпа» отражались в грязных лужах, дрожа и ломаясь.

Он знал, что Громов не блефовал насчет Даниила. Но он также знал, что Громов совершил ошибку. Он показал свой страх. А страх — это единственное, что может разрушить бетон четвертой пристани.

Артём пошел прочь, вглубь темных дворов, где не горели фонари, и где тени были его единственными союзниками. В голове билась одна мысль: Громов упомянул «оригинал» блокнота. Значит, он думает, что Артём уже всё расшифровал. Значит, время дипломатии закончилось. Началось время большой крови.

Глава 14: Бюджет, замешанный на крови

Записка в кармане жгла кожу через плотную ткань куртки. Клочок бумаги, вырванный из официантского блокнота, пах тушеной уткой и предсмертным потом Козлова. «Елена в подвале». Артём не бежал. Бег привлекает внимание хищников, а Зареченск этой ночью превратился в одно сплошное ухо, прижатое к обледенелому асфальту. Он шел, чувствуя, как подошвы ботинок хрустят по серой корке, под которой пряталась жидкая, черная грязь.

Здание администрации возвышалось над площадью как бетонный надгробный камень. Окна нижних этажей были затянуты решетками, похожими на кривые зубы. Артём знал этот вход. Знал, где камеры слепо смотрят в сторону мусорных баков, и где охранник Валера, страдающий одышкой и любовью к кроссвордам, забывает запирать щеколду на двери черного хода.

Внутри пахло мастикой, старыми коврами и хлоркой. Воздух был тяжелым, спертым, словно его не меняли с середины восьмидесятых. Артём двигался вдоль стены, касаясь пальцами холодных панелей. В подвал вела узкая лестница, ступени которой были выбиты по краям. Тишина здесь не была пустой — она вибрировала гулом труб котельной, похожим на стон запертого под землей великана.

Он нашел её не в камере и не на цепи. Елена Алексеевна Воронцова сидела на корточках в архиве — тесном помещении, забитом стеллажами с папками. Единственная лампочка под потолком раскачивалась, бросая на её лицо резкие, рваные тени. Она не плакала. На коленях у неё лежал открытый ноутбук, а вокруг веером рассыпались листы бумаги с синими гербовыми печатями.

— Записка была от тебя? — Артём остановился в дверях, не убирая руку из кармана, где лежал кастет.

Елена вскинула голову. Её глаза, обычно ясные и спокойные, сейчас казались выжженными изнутри. Темные круги под нижними веками делали её похожей на покойницу, которую забыли закопать.

— От Зайцева, — голос её треснул, как пересохшая земля. — Он видел, как меня везли сюда. Громов не запирает меня, Артём. Он просто сказал: «Посмотри, чем живет этот город, Леночка. Посмотри, на чем стоят твои чистые тротуары». И оставил меня здесь. Одну. С этими цифрами.

Она протянула ему лист. Пальцы её дрожали, бумага мелко вибрировала, издавая сухой, противный шелест. Артём взял документ. Это был тендер на замену тепломагистралей в северном районе. Сумма с девятью нулями.

— Посмотри на победителя, — Елена ткнула пальцем в строку, испачканную чернилами. — ООО «Северный поток». Зарегистрировано на подставное лицо в Липецке. А теперь посмотри на субподрядчика.

— «Строй-Групп». Контора Кабана, — Артём почувствовал, как во рту снова появился вкус железа.

— Не только, — она начала лихорадочно перебирать папки, её движения были дергаными, почти механическими. — Они контролируют всё, Артём. До последнего кирпича. Школьное питание, вывоз мусора, ремонт дорог, поставку лекарств в городскую больницу. Громов не просто авторитет. Он — и есть этот город. Его кровеносная система. Если его убрать сейчас, Зареченск просто перестанет функционировать. У больниц закончатся бинты, у школ — отопление. Он вплеп себя в бюджет так глубоко, что стал неотделим от закона.

Артём подошел ближе, нависая над стеллажом. Он видел эти схемы раньше, в других городах, в других масштабах, но здесь, в масштабе его маленькой, умирающей родины, это выглядело как изощренная пытка. Громов не убивал город сразу. Он выкачивал из него соки каплю за каплей, заменяя живую ткань пластиковыми протезами своих фирм-однодневок.

— Поэтому Крылов так за него держится, — Артём провел рукой по корешкам папок. Кожа ощутила пыль, накопленную десятилетиями. — Это не коррупция. Это симбиоз. Громов дает им показатели, тишину на улицах и долю в каждом тендере, а они дают ему право лить бетон там, где ему хочется.

— Он знает, что ты ищешь, — Елена закрыла ноутбук, звук захлопывающейся крышки прозвучал как гильотина. — Блокнот Лёхи — это не просто компромат на старые убийства. В конце Лёха начал записывать номера счетов, через которые Громов выводил деньги из порта в эти самые тендеры. Это цепочка, которая ведет в Москву, Артём. К людям, чьи фамилии нельзя произносить вслух даже в этом подвале.

Она поднялась, поправляя сбившийся воротник блузки. Её кожа в свете лампы казалась прозрачной, сквозь неё синели тонкие вены на висках. Артём видел, как она борется со страхом — не тем острым, животным, который заставляет бежать, а вязким, трупным ужасом осознания собственного бессилия.

— Он прислал мне фотографию Даниила, — прошептала она, подходя к нему вплотную. От неё пахло бумажной пылью и отчаянием. — Мальчик сидит в какой-то комнате без окон. Перед ним тарелка с кашей. И записка: «Приятного аппетита, племянничек». Артём, он использует ребенка, чтобы заставить меня молчать. Чтобы я подписывала эти бумажки дальше.

Артём положил руку ей на плечо. Оно было твердым, как камень. Елена не прижалась к нему, не искала утешения. Она просто стояла, глядя в стену, за которой гудела канализация. Между ними было десять лет тишины, могильный холод камеры и запах дешевого табака.

— Я вытащу его, Лена. И Даниила, и город.

— Ты не сможешь, — она наконец посмотрела на него. В её взгляде была такая горькая мудрость, что Артёму захотелось ударить в стену, чтобы просто почувствовать физическую боль. — Ты борешься с тенью, а тень — это вся наша жизнь. Ты уничтожишь Громова, и на его место придет Филатов. Или кто-то еще хуже. Система самоисцеляется через новую кровь. Твою кровь.

Она вытащила из папки флешку — маленькую, поцарапанную, с наклейкой в виде детского смайлика.

— Здесь копии всех последних траншей. Если Зайцев успеет их опубликовать до того, как его найдут в канаве, у нас будет шанс привлечь федералов. Но Громов контролирует связь. Он знает, когда файлы начнут уходить в сеть.

Артём взял флешку. Она была теплой от её тела. Это было единственное оружие, которое у них осталось против бетонных заводов и подкупленных судей.

— Уходи отсюда. Сейчас, — он подтолкнул её к выходу. — Валера спит, но это недолго.

— Громов сказал, что если я уйду, он пришлет мне палец Даниила, — Елена остановилась у лестницы. Её лицо исказилось, маска спокойствия треснула. — Я должна остаться. Я должна делать вид, что я всё еще его верная служащая. Пока ты не сделаешь то, зачем вернулся.

Артём смотрел, как она уходит вглубь архива, растворяясь в тенях между стеллажами. Она была права: она была заложницей системы, которую сама же помогала строить, надеясь на «малые дела» и постепенные улучшения. Но в Зареченске не было места для постепенности. Только для резкого вскрытия нарыва.

Он вышел на улицу через тот же черный ход. Ветер стал злее, он швырял в глаза ледяную крошку, смешанную с угольной пылью. Артём сжал флешку в кулаке. Теперь у него было два артефакта прошлого: перстень мертвого механика и цифровой след живой женщины, которая уже почти сдалась.

Он шел к дому Марины, чувствуя, как за спиной просыпается город. В окнах пятиэтажек загорался тусклый, желтый свет. Люди собирались на работу — на те самые заводы Громова, чтобы заработать деньги, которые Громов же и заберет у них через тарифы ЖКХ и цены в подконтрольных магазинах. Это был идеальный круг. Замкнутая экосистема пепла.

У подъезда стояла черная «девятка» с заведенным мотором. Выхлопная труба выплевывала сизый дым, который лениво стелился по снегу. Артём замедлил шаг. Он знал эту машину. На таких ездили «Северные» — молодняк, который Громов держал в качестве цепных псов для грязной работы.

Стекло медленно опустилось. Из темноты салона на него смотрел Жуков. Его лицо, прыщавое и злое, было озарено светом мобильного телефона.

— Дядя Артём, — голос пацана был прокуреным, с претензией на басовитость. — А мы вас ждали. Сергей Павлович беспокоится. Спрашивает, не потеряли ли вы чего-нибудь в подвале?

Жуков сплюнул в снег. За его плечом Артём разглядел еще два силуэта — массивных, неподвижных.

— Скажи своему хозяину, что я нашел больше, чем он прятал, — Артём не останавливался, продолжая идти прямо на машину.

— Ой, зря вы так, — Жуков ослабил, обнажая неровные зубы. — Сергей Павлович велел передать: время до рассвета пошло. И Данечка просил передать, что каша сегодня была несоленая. Совсем как ваша жизнь.

Машина с ревом сорвалась с места, обдав Артёма вонючим дымом и грязным снегом. Он стоял посреди двора, глядя на удаляющиеся красные огни. Сердце в груди ворочалось тяжелым, холодным комом. Громов перешел к прямой демонстрации силы. Елена в заложниках у собственного страха, Даниил — в клетке, Козлов — в земле.

Артём поднял голову. Над Зареченском висело мутное, фиолетовое небо, сквозь которое не пробивалась ни одна звезда. Он чувствовал, как город сжимается вокруг него, превращаясь в одну огромную тишину, предвещающую бой.

У него было шесть часов до рассвета. Шесть часов, чтобы расшифровать последнюю часть блокнота и решить, готов ли он сжечь эту кровеносную систему вместе с самим собой. Он нащупал в кармане флешку. Смайлик на ней казался издевкой.

— Волки не кричат, — шепнул он, заходя в темный подъезд, где пахло кошачьей мочой и безнадеей. — Они просто делают свою работу.

Он знал, что эта ночь станет последней для Зареченска в его нынешнем виде. Или он вырвет это черное сердце, или оно поглотит его окончательно, оставив на память лишь запись в очередном тендере: «Утилизация биоотходов. Субподрядчик — Громов С. П.».

Глава 15: Закон кастета

Город не просто остывал — он замерзал заживо, превращаясь в монолитную глыбу из грязного льда и забытых богом обещаний. Артём шел сквозь проходные дворы, где свет фонарей едва пробивал плотный, маслянистый туман. Снег под ногами не хрустел, он хлюпал, сопротивляясь каждому шагу, словно пытался удержать его, не пустить дальше. Воздух казался слишком густым для легких; в нем отчетливо читались ноты дешевого мазута, прелого тряпья и той специфической сырости, что бывает только в домах, которые давно пора снести.

Блокнот во внутреннем кармане куртки ощущался как лишнее ребро. Он давил на грудную клетку, напоминая о Лёхе, о том, как тот умел улыбаться одними глазами, когда всё вокруг летело к чертям. Артём невольно коснулся пальцами обложки через ткань. Старая кожа была шершавой, как ладонь рабочего. В этом куске бумаги было сосредоточено слишком много смерти на квадратный сантиметр. Он чувствовал, как эта тяжесть меняет его походку, заставляет плечи сутулиться, а взгляд — постоянно рыскать по углам.

Переулок за старым хлебозаводом всегда был мертвой зоной. Здесь даже бродячие псы не задерживались. Стены зданий, изъеденные солью и копотью, сходились слишком близко, оставляя лишь узкую полоску неба, затянутую мутной пеленой. Тишина была неестественной, звонкой. Артём остановился. Звук его собственного дыхания показался ему оглушительным. Где-то наверху скрипнул ржавый флюгер, и этот звук прошелся по нервам, как тупая бритва.

Он почувствовал его раньше, чем увидел. Запах. Смесь едкого одеколona «Шипр», несвежего пота и дешевых сигарет «Максим». Так пахли раздевалки в старых спортзалах и дежурки в отделениях. Так пахла опасность, у которой есть имя и вес.

— Далеко собрался, Тёма? — голос Виктора Кабанова выплыл из темноты гаражного бокса слева.

Кабан вышел на свет единственной мигающей лампочки, свисавшей на оголенном проводе. Он казался огромным, бесформенным в своей кожаной куртке, которая лоснилась от времени. Его лицо, широкое и плоское, напоминало кусок сырого мяса, по которому долго били молотком. Маленькие глаза, утонувшие в складках век, смотрели на Артёма с ленивой уверенностью хищника, который знает, что жертве некуда бежать.

— Тебе Громов не говорил, что слежка — это искусство? — Артём не двигался. Он медленно расставил ноги, смещая центр тяжести. — Ты топаешь как слон в посудной лавке, Витя.

Кабан хмыкнул. Его пальцы, толстые, как сардельки, заиграли тяжелым кастетом. Металл тускло блеснул в желтоватом свете.

— Громов велел тебя не убивать. Пока что. Сказал, ты должен добровольно отдать тетрадку. Но он ничего не говорил про твои зубы или целые ребра. Я ведь по тебе скучал, Тёма. Десять лет — большой срок. Я всё думал, когда же ты вернешься, чтобы я мог закончить то, что мы начали в порту.

Артём почувствовал, как в затылке начинает пульсировать старая травма. Перед глазами на мгновение всплыла та ночь: крики Лёхи, шум прибоя и тяжелое дыхание Кабана за спиной. Тогда он не смог. Тогда он был связан понятиями, которые оказались пшиком. Сейчас у него не было ничего, кроме этого блокнота и желания выжить.

— Подойди и возьми, — тихо сказал Артём.

Кабан не заставил себя ждать. Он рванул вперед с неожиданной для своего веса резвостью. Первый удар кастетом просвистел в сантиметре от уха Артёма, врезавшись в кирпичную стену. Посыпалась крошка, в воздухе повисла пыль. Артём нырнул под руку великана, нанося короткий, хлесткий удар в печень. Кабан лишь крякнул, даже не замедлив движения.

Его физика была другой — это была гора мышц, защищенная слоем жира и многолетней привычкой к боли.

Они сцепились в тесном пространстве между гаражом и стеной завода. Кабан пытался задавить массой, прижать к бетону, сломать хребет. Артём чувствовал жар, исходящий от него, слышал свистящий хрип в его легких. Это не был бокс. Это была драка в телефонной будке, где побеждает тот, кто готов грызть глотку.

Кабан схватил Артёма за воротник и с силой впечатал в стену. Удар вышиб воздух из легких. В глазах потемнело, мир на секунду превратился в калейдоскоп из серых пятен.

— Тварь... — прохрипел Кабан, замахиваясь для решающего удара.

Артём успел выставить локоть. Кастет ударил в кость, боль обожгла руку до самого плеча, но это дало ему секунду. Он ударил Кабана лбом в переносицу. Раздался хруст — мокрый, неприятный звук ломающегося хряща. Кабан взревел, на мгновение ослабив хватку. Артём, не давая ему опомниться, вогнал пальцы в его глаза. Жестоко, без тени сомнения. Кабан отшатнулся, закрывая лицо руками, и из-под его ладоней потекло что-то темное.

— Мои глаза! Сука, я тебя загрызу! — голос великана превратился в животный вой.

Он начал махать руками вслепую, круша всё на своем пути. Артём откатился в сторону, тяжело дыша. Левая рука висела плетью, пальцы не слушались. Он чувствовал, как под курткой лопаются сосуды, превращаясь в один сплошной кровоподтек. Но адреналин работал как обезболивающее, заливая мозг холодным огнем.

Кабан врезался в мусорные баки, с грохотом перевернув их. На грязный снег вывалились объедки, пустые бутылки и какая-то ветошь. Великан упал на колени, пытаясь проморгаться. Его лицо было залито кровью, которая в свете лампы казалась черной мазутой.

Артём подошел сзади. Он не собирался ждать, пока тот придет в себя. В этом городе милосердие было формой самоубийства. Он схватил обрывок тяжелой цепи, валявшейся рядом с гаражами, и набросил её на шею Кабана.

Рывок.

Великан захрипел, его пальцы впились в железные звенья, пытаясь разорвать удавку. Жилы на его шее вздулись, став похожими на канаты. Кабан пытался встать, он тащил Артёма за собой, как буксир тащит старую баржу. Его мощные ноги скребли по льду, вырывая куски замерзшей земли.

— Где... Даниил? — Артём натягивал цепь всё сильнее, упираясь коленом в поясницу Кабана. Его собственные мышцы дрожали от напряжения, пот заливал глаза, щипля раны.

Кабан только хрипел, из его рта летела кровавая пена. Его сопротивление начало ослабевать. Глаза, налитые кровью, выкатились из орбит, глядя в никуда. В какой-то момент он обмяк, рухнув лицом в грязь. Громадина, державшая в страхе половину Зареченска, теперь выглядела как груда старого тряпья.

Артём отпустил цепь. Его руки тряслись так сильно, что он едва не выронил её. Он стоял над поверженным врагом, глядя на то, как пар поднимается от его массивного тела. Тишина вернулась в переулок, но теперь она была другой — тяжелой, сытой.

Он опустился на колени рядом с Кабаном и начал обшаривать его карманы. Пальцы натывались на мелочь, зажигалки, ключи. Наконец, во внутреннем кармане куртки он нашел то, что искал — бумажник из крокодиловой кожи. Внутри, помимо пачки крупных купюр, лежал сложенный вчетверо листок.

Артём развернул его. Это была выписка из старого архива порта. Дата — десятилетней давности. Но сверху красным маркером было написано свежее имя: «Фролова Г. П.». И адрес — не школы, а какого-то заброшенного склада на окраине.

Но самым странным был предмет, выпавший из бумажника в снег. Маленькая серебряная ладанка на тонкой цепочке. Артём поднял её. Он знал эту вещь. Она принадлежала Лёхе. Лёха никогда с ней не расставался, говорил, что это подарок матери.

Холод прошил Артёма до костей. Если ладанка была у Кабана, значит, он не просто участвовал в той ночи. Он хранил её как трофей. Или как напоминание.

— Витя... — Артём перевернул Кабана на спину. Тот был жив, но без сознания. Его грудь мерно вздымалась, выталкивая хриплые звуки.

Внезапно со стороны порта донесся длинный, тягучий гудок тепловоза. Звук прорезал ночь, заставляя Артёма вздрогнуть. Он посмотрел на ладанку, потом на выписку. Пазл, который он пытался собрать, начал обрастать деталями, от которых становилось тошно. Фролова, старая завуч, не просто «подчищала хвосты». Она была ключом к архиву, который Громов считал уничтоженным.

Артём поднялся. Тело болело так, словно его пропустили через бетономешалку. Каждое движение отдавалось вспышкой боли в ребрах. Он спрятал ладанку и выписку в карман, рядом с блокнотом. Теперь у него была цель яснее, чем когда-либо.

Он не стал добивать Кабана. Это было бы слишком просто. Пусть Громов видит своего лучшего бойца сломленным и униженным. Это будет его первым настоящим посланием.

Он поплелся прочь из переулка, придерживая раненую руку. Город вокруг него начал оживать — редкие машины прорезали темноту фарами, где-то залаяла собака. Зареченск готовился к утру, не подозревая, что его фундамент уже начал крошиться.

Дойдя до конца квартала, Артём обернулся. В свете мигающей лампочки тело Кабана казалось темным пятном на фоне белого снега. В этот момент Артём понял главное: блокнот Лёхи не был «страховкой». Он был картой минного поля, на котором они все стояли. И первая мина только что сработала.

Глава 16: Сестра в кредит

Подъезд встретил его привычным запахом: смесью кошачьей мочи, хлорки и застарелого табачного перегара, который, казалось, въелся в сами бетонные перекрытия. Лампочка на втором этаже нервно моргала, выхватывая из темноты облупленные надписи на стенах — летопись чужой, анонимной ненависти. Артём поднимался медленно. Каждое движение отзывалось в теле глухим, тягучим звоном. Ребро, треснувшее при встрече с Кабаном, при каждом вдохе кололо легкое острым, капризным шилом. Он чувствовал, как липкая кровь под курткой уже начала подсыхать, стягивая кожу, превращая футболку в подобие панциря.

Ключ в замке повернулся с трудом — замок заедал, словно сама квартира не хотела его впускать. Марина не спала. Она сидела на кухне в своем выцветшем халате, который когда-то был розовым, а теперь напоминал пожухлую газету. Перед ней стояла кружка с холодным чаем, на поверхности которого образовалась тонкая, радужная пленка. Свет дешевой люминесцентной лампы делал её лицо землистым, выпячивая каждую морщинку, каждый след десятилетней усталости, которую она копила, пока Артём «отсутствовал».

Она не вскрикнула, когда увидела его. Только пальцы, сжимавшие кружку, побелели еще сильнее, так что стали видны суставы — острые, как галька. Она смотрела на его разбитое лицо, на запекшуюся корку крови на губе, и в её глазах не было жалости. Только бесконечное, тупое онемение.

— Опять, — выдохнула она. Это не был вопрос. Это был приговор. — Ты вернулся, и всё началось сначала. Как будто этих десяти лет и не было. Как будто ты просто выходил за хлебом и вернулся с разбитой рожей.

— Даниил где? — Артём прошел к раковине, не снимая куртки. Ему нужно было смыть грязь с рук, прежде чем он коснется чего-то в этом доме. Вода пошла ржавая, теплая, она пахла железом и болотом.

— Спит? — Марина горько усмехнулась, качнув головой. — Ты серьезно, Артём? Он не дома. Его не было с обеда. И телефон отключен. Я звонила Громову.

Артём замер, не выключая воду. Капли разбивались о сталь раковины с ритмичным, раздражающим звуком.

— Зачем ты ему звонила?

— А кому мне еще звонить?! — Марина вдруг вскочила, кружка с глухим стуком опрокинулась, заливая клеенку коричневой жижей. — Полиции? Крылову? Они смеются мне в лицо! Сергей — единственный, кто отвечает на звонки. Единственный, кто делает вид, что ему не наплевать!

Артём медленно повернулся. Вода продолжала течь, наполняя кухню паром. Он видел, как у сестры дрожит подбородок. Это была не истерика, это был крах системы безопасности, которую она строила годами.

— Он не «делает вид», Марин. Он тебя жрет. Он всех нас жрет, — он подошел к ней, пытаясь положить руку на плечо, но она отшатнулась, словно от удара.

— Не трогай меня. От тебя воняет гарью и... и чем-то еще. Смертью от тебя воняет, Артём.

Он сел на табурет, чувствуя, как силы окончательно покидают его. Адреналин, державший его в переулке с Кабаном, выветрился, оставив после себя только серую, липкую пустоту. Из кармана он выудил ладанку Лёхи. Серебро под светом лампы выглядело тусклым, почти черным. Он положил её на стол, прямо в лужу разлитого чая.

— Знаешь, что это? — тихо спросил он.

Марина посмотрела на предмет. Её зрачки расширились. Она узнала. Она не могла не узнать — Лёха был частью их жизни, когда они еще верили, что Зареченск — это просто город, а не братская могила для амбиций.

— Откуда это у тебя? — голос её стал едва слышным шепотом.

— У Кабана забрал. Витя теперь не скоро будет носить чужие сувениры. Но дело не в этом. Кабан сказал... точнее, я нашел записку. Лёха жив, Марин. По крайней мере, он не там, где мы думали десять лет.

Марина вдруг начала смеяться. Это был сухой, лающий звук, от которого у Артёма мороз прошел по коже. Она смеялась, закрыв лицо руками, и плечи её ходили ходуном.

— Жив... — она всхлипнула, переходя на крик. — Какая разница, жив он или нет?! Ты посмотри вокруг! Посмотри на эту кухню! Посмотри на мои руки!

Она рванула ящик кухонного стола с такой силой, что он вылетел из пазов, рассыпав по линолеуму старые чеки, квитанции и пожелтевшие листки бумаги. Марина опустилась на пол, лихорадочно разгребая этот мусор.

— Вот! — она швырнула ему под ноги пачку документов, скрепленных ржавой скрепкой. — Читай! Читай, герой!

Артём поднял бумаги. Это были долговые расписки. Десятки. Напечатанные на плохой бумаге, с печатями каких-то микрофинансовых организаций, названия которых менялись от страницы к странице: «Заречье-Займ», «Вектор-Плюс», «Кредит-Гарант». Но подписи везде были одни и те же. И суммы... Суммы в совокупности составляли цифру, которую Марина не заработала бы и за три жизни.

— Что это? — Артём листал страницы, чувствуя, как холод в животе превращается в ледяную глыбу.

— Это цена Даниила, — Марина сидела на полу, привалившись спиной к холодильнику, который натужно гудел, словно сочувствуя. — Ему нужно было учиться. Ему нужны были куртки, кроссовки, учебники. Он хотел быть как все. А я... я не могла. Когда ты сел, Громов пришел и сказал, что поможет. Сказал, что ты бы так хотел. И я брала. По чуть-чуть. Сначала на операцию маме — помнишь? Ты тогда уже сидел полгода. Маму не спасли, а долг остался. Потом проценты. Потом проценты на проценты.

— Почему ты мне не сказала? В письмах... ты писала, что всё нормально.

— А что бы ты сделал?! — она сорвалась на визг. — Стены бы грыз в своей камере? Или Громову оттуда угрожал? Он платил за нас, Артём. Все эти десять лет он кормил твоего племянника и платил за мою квартиру. А теперь... теперь он хочет вернуть долг.

— Сколько? — Артём сжал бумаги так, что костяшки пальцев затрещали.

— Всё, — Марина подняла на него глаза, и в них была такая безнадежность, что он не выдержал и отвел взгляд. — Он сказал, что если ты не отдашь ему то, что он просит, он заберет квартиру. И Даниила. Сказал, что парень отработает. Ты понимаешь, как они «отрабатывают», Артём? На седьмом причале, в портах, в этих притонах, которые он держит по всей области.

Артём встал. Ребро снова напомнило о себе вспышкой боли, но сейчас это было кстати — боль помогала не сойти с ума. Он подошел к окну. За стеклом, в густой синеве предзакатного часа, спал Зареченск. Тихий, покорный, поделенный на доли. Громов не просто купил город. Он купил его семью, пока Артём считал дни до свободы. Каждое письмо от сестры, каждый привет от племянника — всё это было оплачено деньгами человека, который убил его лучшего друга.

— Он не заберет Даниила, — Артём говорил не ей, а самому себе, вглядываясь в отражение своего разбитого лица в темном стекле. — И квартиру не заберет.

— Как ты его остановишь? — Марина поднялась с пола, вытирая руки о халат. Она выглядела постаревшей еще на десять лет за эти полчаса. — У него всё. Полиция, суды, деньги. У

тебя — только этот блокнот и разбитые кулаки. Ты думаешь, ты в кино? Это жизнь, Тёма. Здесь плохие парни выигрывают, потому что они пишут правила.

— Я не собираюсь играть по правилам, Марин. Я их сожгу.

Он почувствовал в кармане флешку, которую дала ему Елена. Кровеносная система пепла. Теперь он понимал, почему Громов так спокоен. Он знал, что у Артёма нет выбора. Или блокнот, или сестра с племянником. Идеальная вилка.

Но Громов не учел одного. Артём уже потерял десять лет жизни. Ему больше нечего было ставить на кон, кроме самой этой жизни, которая и так казалась ему затянувшимся кошмаром.

Он повернулся к сестре.

— Собери вещи. Самое необходимое. Завтра утром ты уедешь к тетке в область. Тихенько, через автовокзал.

— Он найдет меня, Артём. Он везде.

— Не найдет. Ему будет не до тебя. Завтра в Зареченске станет очень жарко.

Артём подошел к столу и взял ладанку. Серебро холодом отозвалось в ладони. Если Лёха жив, если он действительно где-то там, под сваями седьмого причала, то это единственный шанс. Единственный свидетель, которого Громов не смог купить — потому что думал, что убил.

— Ложись спать, — бросил он Марине, направляясь к двери. — И закройся на все замки. Если придет Кабан... хотя нет, Кабан не придет. Если придут другие — не открывай. Я вернусь к рассвету.

— Артём! — окликнула она его уже в коридоре.

Он остановился, не оборачиваясь.

— Лёха... он ведь любил меня тогда. Ты знал?

Артём замер. В памяти всплыл какой-то вечер в гаражах, запах дешевого вина и смех Лёхи, когда тот рассказывал о какой-то девушке, которую он «никому не отдаст». Артём тогда не догадался.

— Знал, — соврал он. Голос прозвучал хрипло. — Он и сейчас любит. Где бы он ни был.

Он вышел в подъезд и запер дверь снаружи. Ветер в разбитом окне на лестничной клетке выл, как голодный пес. Артём спускался вниз, чувствуя, как внутри него что-то окончательно ломается, освобождая место для чистой, дистиллированной ярости. У него было несколько часов, чтобы найти седьмой причал и того, кто должен был быть мертв.

Глава 17: Судья с лопатой и известью

Воздух в подвале не просто пах сыростью — он имел вкус. Тяжелый, металлический привкус ржавых труб, смешанный со сладковатой вонью гниющей ветоши и едким, химическим щипком свежей краски. Надпись на стене «Даня ждет» еще не успела подсохнуть; красные капли лениво ползли вниз по шероховатому бетону, напоминая слезы или небрежно пущенную кровь. Артём стоял на нижней ступеньке, вслушиваясь в утробное гудение дома. Где-то наверху захлебывался в кашле старый лифт, а здесь, внизу, тишина имела плотность ваты.

Ребро отозвалось резкой, электрической болью, когда он попытался сделать глубокий вдох. Каждый сантиметр его тела протестовал против этого спуска. Куртка, пропитанная запахом гари и пота, казалась невыносимо тяжелой. Он нащупал в кармане фонарик — дешевый, китайский, с треснувшим стеклом. Тонкий луч разрезал темноту, выхватывая из небытия скелеты старых велосипедов, нагромождения ящиков и пыльные паутины, похожие на клочья грязной марли.

Он шел вглубь, стараясь не задевать плечом влажные стены. Подвал был лабиринтом, где время остановилось где-то в середине девяностых. Здесь догнивали артефакты ушедшей эпохи: поломанные санки, банки с мутными соленьями, которые давно превратились в биологическое оружие, и стопки газет, чьи заголовки кричали о реформах, которых никто не дождался. Артём знал, где искать. В самом конце коридора, за массивной дверью теплоузла, был закуток, который когда-то они с Лёхой использовали как тайник.

Дверь поддавалась с тоскливым, надрывным стоном. Внутри было жарко. Трубы отопления, обмотанные рваным стекловатом, шипели, выпуская тонкие струйки пара. Артём опустился на колченогую табуретку, которую кто-то бросил здесь вечность назад. Он вытащил блокнот Лёхи. Старая кожа обложки согрелась от его тела, став мягкой, почти живой.

Его пальцы, сбитые в кровь и распухшие, дрожали, когда он открывал сорок вторую страницу. Здесь почерк Лёхи менялся. Исчезала привычная размашистость, буквы становились мелкими, острыми, словно он колот ими бумагу, стараясь уместить как можно больше информации в узкие строчки. Это не был обычный шифр. Лёха использовал систему ассоциаций, понятную только им двоим — имена учителей, номера гаражей, клички дворовых собак.

— Давай, Лёх, шепни мне... — прохрипел Артём. Свой голос показался ему чужим, надтреснутым.

Он достал из кармана огрызок карандаша и начал выписывать на полях газеты разрозненные слова. «Завуч», «седьмой причал», «синий кит». В голове шелкнуло. «Завуч» — это не Фролова. Это был их старый позывной для Крылова. Десять лет назад Олег Петрович еще не был подполковником, он был молодым и жадным капитаном, который читал им нотации о законе, одновременно пересчитывая деньги в бардачке своей «Лады».

Артём вглядывался в цифры. Рядом с инициалами «О.П.К.» стояли даты. Десятое, пятнадцатое, двадцатое число каждого месяца. И суммы. Они были не слишком велики для Громова, но огромны для обычного мента. Но самое страшное было не в деньгах. Рядом с суммами стояли краткие пометки: «чистка», «транзит», «утилизация».

«Утилизация». Слово ударило Артёма под дых сильнее, чем кулак Кабана. Он вспомнил дело о пропавших свидетелях по первому крупному наезду Громова на местный рынок. Тогда все думали, что люди просто уехали, испугались. Блокнот говорил об обратном. Крылов не просто брал взятки. Он руководил процессом исчезновения людей. Он был тем, кто убирал за Громовым кровавые ошметки, легализуя его власть через протоколы и отказы в возбуждении дел.

Свет фонарика начал тускнеть, батарейки сдавали. Артём потряс его, и луч на мгновение вспыхнул ярче, освещая страницу, залитую старым пятном от кофе. Там, в самом низу, была запись, датированная ночью их последнего дела.

«Крылов взял ключи от склада №4. Сказал, что это для „инвентаризации“. Громов смеялся. Я видел в багажнике Крылова пакеты с известью. Господи, Артём, если ты это читаешь, значит, я не успел».

Артём почувствовал, как к горлу подкатывает кислая тошнота. Десять лет он сидел, считая Крылова просто исполнительным винтиком, который «честно» выполнял свою работу. А на самом деле он был соавтором этого кошмара. Человек в погонах, который должен был защищать Даниила, Марину, весь этот проклятый город, самолично возил известь, чтобы растворять в ней их будущее.

Он вспомнил лицо Крылова на допросе. Одутловатое, с вечно влажными губами и фальшивой заботой в голосе. «Ты пойми, Волков, закон — он как дышло. Ты парень крепкий, отсидишь, выйдешь человеком». Артём сжал кулаки так, что ногти вонзились в ладони. Гнев был холодным, как лед на дне колодца. Это была не та ярость, что заставляет крушить всё вокруг. Это была ярость хирурга, который нашел опухоль и теперь знает точно, где делать надрез.

В тишине подвала раздался странный звук. Как будто кто-то наступил на сухую ветку или осколок стекла. Артём мгновенно выключил фонарик. Тьма навалилась тяжелым одеялом. Он замер, перестав дышать, игнорируя протестующий стон в ребрах. Гудение труб стало громче, пульсирующее, как сердце огромного зверя.

Шаги. Осторожные, мягкие. Кто-то крался по коридору, стараясь не шуметь. Артём нащупал на полу тяжелый кусок арматуры. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. В голове мелькнула мысль о Данииле. «Даня ждет». Неужели они привели его сюда? Или это ловушка, чтобы закончить всё здесь, в этом бетонном склепе?

Слабый отблеск света скользнул по щели под дверью. Кто-то стоял снаружи. Артём поднялся, стараясь не скрипеть табуреткой. Он чувствовал, как по спине течет холодная струйка пота. Каждый мускул был напряжен до предела.

— Артём... — голос был едва слышным, надтреснутым. — Я знаю, что ты там. Не бей.

Это был не Громов и не Кабан. Голос принадлежал старику. Артём помедлил секунду, затем рывком открыл дверь, заноса арматуру для удара.

В свете керосиновой лампы, которую он держал в дрожащей руке, стоял Козлов. Старый механик выглядел ужасно: осунувшееся лицо, глаза, полные слез, и грязная фуфайка, накинутая на плечи.

— Они забрали его, Артём... — прошептал Козлов, оседая на пол. — Я пытался помешать, но Крылов... он лично его увез. Сказал, что пацан пойдет по твоим стопам, если ты не замолчишь.

Артём опустил арматуру. Весь мир сузился до этой маленькой коморки, до запаха керосина и горячих труб. Теперь у него были имена, цифры и факты. Но у них был Даниил. И Крылов, который перестал прятаться за маской закона, став открытым палачом.

— Где они, Козлов? Куда он его повез?

Старик поднял глаза, и в них Артём увидел не только страх, но и искру той самой старой, пацанской правды, которую нельзя было вытравить даже годами безнадёги.

— На седьмой причал. Там, где известь. Крылов сказал, что «инвентаризация» должна быть закончена к рассвету.

Артём посмотрел на часы. До рассвета оставалось два часа. Два часа, чтобы проехать через весь город, мимо патрулей Крылова, и вырвать племянника из рук системы, которая решила, что она бессмертна. Он спрятал блокнот во внутренний карман.

— Иди домой, Козлов. Закройся и не выходи. Что бы ты ни услышал в порту — не выходи.

Он рванулся к выходу, игнорируя боль, которая теперь казалась чем-то посторонним, мелким. Зареченск ждал своего рассвета, но для Артёма Волкова солнце сегодня должно было взойти только после того, как он погасит огни в кабинете подполковника Крылова.

Снаружи ветер завыл с новой силой, швыряя в лицо ледяную пыль. Артём бежал к старой «девятке» Козлова, стоявшей в тени деревьев. Город спал, но в его чреве уже начал ворочаться пожар, который невозможно было потушить протоколами или деньгами. Инвентаризация гнили закончилась. Пора было переходить к дезинфекции.

Глава 18: Архив, который не сгорел

Подъездная вонь была густой, почти осязаемой. Она не просто била в нос, она липла к одежде, как кухонный жир к холодным тарелкам. Артем стоял перед дверью квартиры номер сорок восемь, чувствуя, как пульсирует в такт сердцу раненое плечо. Кожа под бинтом, который он кое-как намотал в подвале у Соловьева, зудела. Повязка пропиталась сукровицей, и теперь край куртки неприятно цеплял засохшую корку.

Он не звонил. Просто нажал на ручку — открыто. В Зареченске те, кто по-настоящему боится, редко запираются: они знают, что замок лишь создает иллюзию, которая рассыпается от первого же удара берца.

В прихожей пахло старой бумагой, дешевым растворимым кофе и чем-то кислым — так пахнет жилье одинокого мужчины, который перестал замечать быт. Роман Зайцев сидел на кухне. Свет единственной лампочки над столом был желтым и болезненным, как белок глаза у заядлого желтушника. Журналист выглядел плохо. Тонкая шея, торчащая из воротника несвежей рубашки, казалась слишком слабой, чтобы держать голову. Его пальцы, желтые от никотина, непрерывно теребили край газетной вырезки.

— Ты долго шел, Волков, — не поднимая глаз, сказал Зайцев. Голос у него был сухой, ломкий, как пересохший пергамент. — Я думал, Кабан тебя вчера в бетон закатает. Весь город гудит, что ты устроил на заводе бойню.

Артем прошел на кухню, отодвинул ногой стопку старых журналов и сел напротив. Стул под ним жалобно скрипнул, словно умоляя о пощаде. На столе, среди крошек и пятен от чая, лежала папка. Потертая, со следами пальцев по краям.

— Город всегда гудит, когда кто-то хлопает дверью громче обычного, — Артем достал сигарету, но прикуривать не стал, просто мял фильтр, чувствуя вкус табачной пыли на губах. — Ты звал меня не для того, чтобы обсуждать мои манеры, Роман.

Зайцев наконец поднял взгляд. Его глаза, обведенные темными кругами бессонницы, лихорадочно блеснули. В них не было страха в привычном понимании — это был азарт обреченного человека, которому уже нечего терять, кроме своих призраков.

— Громов не просто бандит, Артем. Бандиты — это Кабан и его шестерки. Громов — это раковая опухоль. Он пророс в этот город так глубоко, что теперь непонятно, где заканчивается мэрия и начинается его общак. Ты ведь нашел блокнот? — он подался вперед, и Артем почувствовал запах его несвежего дыхания, смешанного с мятой.

Артем не ответил. Он смотрел на Зайцева, пытаясь понять, что движет этим человеком. Журналист в провинциальном городке — это обычно либо услуга, либо труп. Зайцев не был похож на первого, но очень активно стремился стать вторым.

— У меня есть то, чего нет в твоём блокноте, — Зайцев потянул папку к себе, но не открыл. — У меня есть цифры. Реальные поставки через терминал «Северный». Десять лет назад, когда твой друг... погиб, Громов провернул схему с госкомрезервом. Известь, Артем. Тонны извести, которые списали как некондицию, но которые растворились в фундаментах новых складов.

Артем почувствовал, как в желудке ворочается холодный склизкий ком. Воспоминания о той ночи в порту, о криках и запахе гари, который он пытался отмыть десять лет, снова начали проступать через пелену настоящего.

— Зачем тебе это? — тихо спросил Артем. — Ты ведь понимаешь, что как только ты это опубликуешь, твой жизненный цикл сократится до минут.

Зайцев вдруг криво усмехнулся. В этой улыбке было столько горечи, что Артему на секунду стало не по себе.

— У меня была дочь, Волков. Света. Ей было семь, когда Громов решил, что старая детская площадка в «Северном» — отличное место для его новой автомойки. Стройка не была огорожена. Плита сорвалась.

В кухне повисла тишина, тяжелая, как могильная плита. Слышно было только, как на лестничной клетке кто-то громко ругается, и как капает кран в раковине — методично, безжалостно, отсчитывая секунды чужих жизней.

— Экспертиза сказала — несчастный случай, — продолжал Зайцев, его голос теперь был ровным, почти бесцветным. — Крылов лично приносил мне бумаги. Соболезновал. Дал денег на похороны. Я эти деньги не взял, Артем. Я их сжег прямо у него в кабинете. С тех пор я собираю всё. Каждую бумажку, каждый чих этого города, в котором есть запах громовских денег.

Он открыл папку. Внутри были не только документы. Там были фотографии. Смазанные кадры ночных встреч, снимки каких-то контейнеров, лица людей в форме, которые Артем узнавал с трудом.

— Нам нужно объединиться, — Зайцев ткнул пальцем в один из снимков. — У тебя — сила и доступ к «пацанским» делам. У меня — архив и связи в области. Громов сейчас нервничает. После твоего возвращения он начал совершать ошибки. Он пытается зачистить хвосты слишком быстро.

Артем взял одну из фотографий. На ней был запечатлен старый архивный корпус администрации. Тот самый, в который он пытался проникнуть.

— В этом здании, — Зайцев указал на фото, — на цокольном этаже есть сейфовая комната. Там хранятся оригиналы тендеров десятилетней давности. Те самые, которые Крылов якобы «потерял» при пожаре. Они не сгорели, Артем. Они там. И там есть подпись не только Громова.

Артем чувствовал, как пазл начинает складываться, но картинка, которая получалась, была слишком уродливой даже для него.

— Если я пойду туда, это будет война, Роман. Не та, где стреляют из-за угла, а настоящая зачистка. Громов поднимет всех — и полицию, и своих бойцов.

— Она уже идет, эта война, — Зайцев встал и подошел к окну. Он отодвинул серую штору, открывая вид на темный двор. — Ты думаешь, ты просто вернулся домой? Ты — триггер. Ты — то, чего Громов боится больше всего. Свидетель, который не сдох.

Артем подошел к окну и встал рядом. Внизу, в свете тусклого фонаря, стояла черная «Лада» с тонированными стеклами. Двигатель работал, из выхлопной трубы шел густой пар.

— Это за тобой? — спросил Артем.

— За нами, — просто ответил Зайцев. — Они пасут меня третьи сутки. Ждали, когда ты придешь. Крылов не дурак, он понимает, что мы будем искать друг друга.

В этот момент дверь в подъезд внизу хлопнула. Артем инстинктивно пригнулся, уводя Зайцева от окна.

— У тебя есть черный ход?

— Через чердак, — Зайцев лихорадочно начал собирать бумаги в папку. — Там выход на крышу соседнего дома, лестница ведет в проходной двор. Но они наверняка перекрыли выезды.

— Нам не нужно выезжать, — Артем перехватил руку журналиста, когда тот едва не выронил папку. — Нам нужно в архив. Прямо сейчас. Пока Громов думает, что мы будем отсиживаться и обсуждать стратегию. Лучшая оборона — это когда ты бьешь первым в самое больное место.

Они вышли в коридор. Артем проверил нож за поясом и рукоять пистолета, который он забрал у одного из бойцов Кабана. Холодный металл немного успокаивал, но внутри всё равно всё дрожало от напряжения. Это была не трусость — это была реакция организма на предчувствие большой крови.

Подъем на чердак был мучительным. Лестница скрипела под весом Артема, а Зайцев дышал тяжело, с хрипом, словно у него в легких застрял кусок наждачной бумаги. Пыль, накопленная десятилетиями, забивала нос, вызывая желание чихнуть, которое приходилось подавлять, кусая губы.

На крыше дул резкий, пронизывающий ветер. Он пах хвоей из ближнего леса и гарью от котельных. Город сверху казался игрушечным, искусственным — россыпь желтых огней на черном бархате ночи. Но Артем знал, что под этой оберткой — гниль, которая пожирает Зареченск изнутри.

Они перелезли через парапет и пошли по скользкому шиферу. Зайцев споткнулся, папка едва не выскользнула из его рук, но Артем вовремя подхватил его под локоть.

— Смотри под ноги, интеллигент, — прошептал Артем. — Твои бумаги нам еще пригодятся.

— Волков... — Зайцев остановился, переводя дух. — Если мы не дойдем... Пообещай, что доведешь это до конца. Ради тех, кто не смог.

Артем посмотрел на него. В темноте лицо Зайцева казалось белой маской с провалами вместо глаз. В этот момент Артем понял, что этот человек уже мертв внутри. Он просто доигрывает свою партию, надеясь утащить Громова с собой в могилу.

— Я здесь не для того, чтобы обещать, Роман. Я здесь для того, чтобы забрать свое. И свое я заберу, даже если придется выжечь этот город до основания.

Они спустились по пожарной лестнице в узкий колодец двора. Здесь было тихо, только где-то вдалеке выла сигнализация. Артем первым выглянул из-за угла. Пусто. Черная «Лада» осталась с другой стороны дома, карауля пустую квартиру.

— Нам нужна машина, — сказал Артем.

— За углом мой старый «Москвич», — Зайцев вытащил ключи. — Он выглядит как кусок металлолома, но мотор я перебрал сам. Его не будут проверять на первом же посту.

Когда они садились в машину, Артем в последний раз оглянулся на дом Зайцева. Ему показалось, что в окне четвертого этажа мелькнул чей-то силуэт. Громов не просто следил. Он вел их. Как охотник ведет дичь к месту, где уже расставлены капканы.

«Москвич» завелся с натужным кашлем, выбрасывая в воздух облако сизого дыма. Они медленно выехали из двора, стараясь не привлекать внимания. Зайцев вцепился в руль так, что побелели костяшки пальцев.

— Ты знаешь, что в архиве есть ночной сторож? — спросил Зайцев, когда они проезжали мимо закрытого кинотеатра. — Старик, Петрович. Он пьет безбожно, но Громов ему приплачивает.

— Петрович не проблема, — Артем смотрел в зеркало заднего вида. — Проблема в том, что в блоке «Б», где лежат нужные нам документы, установлена новая сигнализация. Крылов об этом обмолвился на допросе. Хвастался «инновациями».

Зайцев кивнул, не отрывая взгляда от дороги.

— У меня есть код. Один из айтишников в администрации — мой должник. Я помог ему вытащить брата из истории с наркотиками. Он дал мне мастер-ключ. Но он работает только при наличии физического доступа к серверу.

Они подъезжали к центру. Здание администрации возвышалось над площадью как массивный каменный идол. В окнах было темно, только на крыльце горели два фонаря, заливая гранитные ступени мертвенно-белым светом.

Артем чувствовал, как внутри него нарастает холодная уверенность. Это было то самое чувство, которое помогало ему выживать на зоне, когда всё вокруг летело к чертям. Мир сузился до цели. Блокнот в кармане, Зайцев рядом, и гнилой архив впереди, который должен был стать либо их триумфом, либо их эшафотом.

— Останови здесь, — скомандовал Артем за два квартала до площади. — Дальше пешком через сквер. Там есть мертвая зона у камер.

Зайцев заглушил мотор. Машина вздрогнула и затихла. В наступившей тишине их дыхание казалось слишком громким.

— Артем... — Зайцев посмотрел на него в упор. — То, что в блокноте... Там есть упоминание о моем отце? Он работал в порту в ту смену.

Артем на мгновение замер. Он помнил имя. Алексей Зайцев. Диспетчер. Человек, который «пропустил» тот самый груз с известью.

— Мы найдем всё, Роман, — уклонился от прямого ответа Артем. — Просто держись рядом и не лезь на рожон.

Они вышли из машины и растворились в тенях сквера. Город затаил дыхание, готовясь к тому, что должно было произойти.

Глава 19: Исповедь палача

Дверь храма захлебнулась протяжным, маслянистым стоном. В Зареченске даже святые места пахли не только ладаном, но и старой, неветриваемой гарью — этот город пропитал своими метастазами даже церковный притвор. Артем шагнул внутрь, и тяжелый, влажный воздух навалился на него, как мокрое сукно. После острого, как бритва, уличного ветра здесь было слишком душно. Плечо, пробитое пулей и наспех заштопанное в подвале, отозвалось пульсирующей, злой негодой. Грязь под ногтями, засохшая кровь на манжете куртки и липкий страх, который он безуспешно пытался выплюнуть последние три часа — всё это казалось здесь вопиюще неуместным.

Он остановился у самого входа, привалившись к щербатой стене. Кожа под бинтом зудела. Ему казалось, что он слышит, как в его собственном теле ворочается эта свинцовая память. В глубине храма, в золотистом мареве догорающих свечей, маячил силуэт. Отец Андрей — в миру просто Солома, парень, который когда-то умел открывать «мерседесы» заточенной монетой быстрее, чем хозяева — ключами. Теперь Солома носил черное, и его руки, когда-то привыкшие к холоду стали, перебирали четки с такой методичностью, будто считали секунды до конца света.

— Ты опоздал на исповедь, Тема, — голос Андрея пророкотал под сводами, вибрируя в пустоте. — Лет на десять примерно.

— Я не каяться пришел, Андрей. Мне нужны ответы, а не эпитимьи.

Артем медленно пошел к нему, волоча ногу. Каждый шаг отдавался в затылке тупым молотом. Он видел, как Андрей замер, не оборачиваясь. Спина священника была прямой, как натянутая струна, и в этой напряженности Артем узнал старого друга. Того, кто никогда не бросал нож первым, но всегда бил последним.

Они встретились взглядами возле иконы Николая Чудотворца. Лик святого был темным, почти черным, и в колеблющемся свете лампы казалось, что глаза на дереве следят за каждым движением Артема с нескрываемым отвращением. Андрей изменился. Под глазами залегли глубокие тени, кожа на скулах натянулась, обнажая костяк. Он больше не пах табаком и дешевым пивом «Клинское». Теперь от него веяло воском, прелой бумагой и тем специфическим холодом, который исходит от людей, похоронивших в себе всё человеческое.

— Зачем ты притащил сюда этот блокнот? — Андрей кивнул на выпирающий карман Артема. — Думаешь, стены храма защитят тебя от того, что там написано? Бумага не горит, Тема. Но она отлично тлеет, отравляя всё вокруг.

— Откуда ты знаешь про блокнот? — Артем почувствовал, как на загривке зашевелились волоски. — Я никому...

— В этом городе секреты живут меньше, чем бездомные котята в мороз, — Андрей наконец повернулся к нему полностью. Его руки, скрытые широкими рукавами рясы, были сжаты в кулаки. — Когда Громов узнал, что ты вернулся, он прислал ко мне Кабана. Витя просил «благословения» на твое устранение. Представляешь? Пришел в дом Божий, чтобы получить разрешение на убийство брата по крови.

Артем криво усмехнулся, чувствуя, как трескается запекшаяся губа.

— И что? Благословил?

— Я сказал ему, что Бог не дает разрешений на самоликвидацию. А убивать тебя сейчас — это то же самое, что прыгать в бетономешалку. Ты ведь уже мертв, Тема. Просто еще не упал.

Слова падали между ними, как тяжелые булыжники. Артем вытащил блокнот и положил его на аналой, прямо рядом с Евангелием. Потертая кожа обложки выглядела как кусок сырого мяса на белом полотне. Андрей не прикоснулся к нему, но Артем заметил, как дрогнули его веки.

— Лёха оставил это Даниилу, — тихо сказал Артем. — Моему племяннику. Пацан полез в архив, Андрей. Его подпись в журнале «сектора-94». Зачем? Что Громов ему пообещал за эту вылазку?

Андрей молчал долго, глядя на танцующее пламя свечи. Муха, невеста как выжившая в этой сырости, билась о стекло лампы, издавая сухой, противный звук.

— Громов не обещал, Тема. Громов показал. Он показал Дане ту часть правды, которую мы с тобой закопали под плитами арматурного завода десять лет назад. Ты ведь помнишь ту ночь? Грязь, дождь, запах паленой резины... И то, как Лёха кричал, когда известь коснулась его открытых ран?

Артем закрыл глаза. Видение накатило, как удушливая волна. Он снова почувствовал вкус той воды — горькой, металлической. Снова услышал скрежет лопат. Он думал, что Лёха умер сразу. Он хотел в это верить все эти годы, пока считал дни за решеткой. Но голос Андрея, спокойный и безжалостный, разрывал эту иллюзию.

— Он был жив, когда мы закрывали люк, Тема. И ты это знал. И Громов знал. Мы все стояли там и ждали, пока он замолчит. Потому что страх был сильнее дружбы. Сильнее кодекса. Даня узнал это из документов в архиве. Громов сохранил аудиозапись того вечера. Знаешь, у него тогда был один из тех первых японских диктофонов... На нем записано наше молчание. И то, как ты сказал: «Засыпай».

— Ложь! — Артем рванулся вперед, хватая священника за грудки. Ряса смялась в его кулаках. — Я не говорил этого! Я пытался его вытащить!

— Пытался? — Андрей не сопротивлялся, его взгляд был пустым и прозрачным, как лед на луже. — Или просто хотел, чтобы всё это поскорее закончилось? Чтобы не было свидетелей твоего позора? Громов купил твоего племянника этой записью. Теперь Даня считает, что он — сын предателя. И что единственная честная сила в этом городе — это Громов, который хотя бы не скрывает, что он дьявол.

Артем разжал руки. Силы окончательно покидали его. Он опустился на колени прямо на холодный каменный пол. Камни были ледяными, и этот холод прошивал его насквозь, до самых костей. Все эти годы он строил внутри себя храм собственного искупления, кирпичик за кирпичиком, веря в свою невиновность. А теперь этот храм рухнул, оставив после себя только кучу мусора и едкую пыль.

— Где пацан? — прошептал он, глядя в пол.

— Громов увез его на седьмой причал. Туда, где всё началось. Он хочет завершить круг, Тема. Он хочет, чтобы ты пришел туда и увидел, как Даня делает тот же выбор, что и мы когда-то. Известь уже завезли.

Артем поднял голову. В его глазах больше не было боли. Там застыла та самая дистиллированная ярость, о которой он думал в квартире Зайцева. Это был предел. Точка невозврата, за которой человеческие законы и церковные заповеди превращались в бессмысленный шум.

Он встал, не опираясь на руки. Плечо больше не болело — оно онемело, как и всё остальное. Он взял блокнот с аналая и спрятал его обратно.

— Спасибо за правду, Андрей. Можешь не благословлять.

— Я буду молиться за твою душу, — тихо сказал священник вслед уходящему Артему.

— Не трать время, — бросил Артем у самой двери, не оборачиваясь. — У моей души слишком большой долг. Бог такие кредиты не рефинансирует.

Дверь храма снова простонала, выпуская его в липкую тьму Зареченска. Ветер бил в лицо, принося запах соли и гнили со стороны порта. Где-то там, среди ржавых кранов и заброшенных складов, его ждал племянник. И его собственное прошлое, которое так и не научилось умирать окончательно.

Глава 20: Сделка с пулей

Воздух снаружи храма больше не казался свежим. Он был колючим, пропитанным при- вокзальной гарью и запахом дешевого соляра, который в Зареченске заменял парфюм половине мужского населения. Артем стоял на крыльце, чувствуя, как внутри него что-то окончательно оборвалось — с сухим, безвозвратным треском, какой бывает, когда на морозе лопается пере- тянутая струна. Слова Андрея про «засыпай» не просто жалили — они растворяли остатки его образа «честного грешника», оставляя на поверхности только разъеденную кислотой правду.

Внедорожник Громова рванул с места так резко, что из-под шипованных колес посы- палась ледяная крошка, вперемешку с грязью и хвоей. Красные стоп-сигналы вспыхнули на мгновение, как два глаза разъяренного зверя, и растворились в густом, сером тумане, который сползал с порта. Артем рванулся было следом, но плечо отозвалось такой вспышкой боли, что в глазах на секунду потемнело. Он осел на обледенелую ступеньку, хватая ртом воздух, который казался густым и безвкусным, как вата.

Дрожащими пальцами он вытащил блокнот. Кожаная обложка была влажной от его соб- ственного пота. Он открыл страницу, которую раньше боялся изучать слишком пристально. Шифр Лёхи теперь казался прозрачным, как стекло. «Завуч + Хозяин = Порт-склад 7». Под «Завучем» всегда шел Крылов. Но рядом с суммами взяток стояли другие пометки: «50% доли», «ООО Ресурс-Заречье», «Бенефициар — О.П.К.».

Артем почувствовал, как к горлу подкатывает кислая тошнота. Десять лет назад они думали, что Крылов — просто жадный мент, который прикрывает Громова за долю малую. Блокнот кричал об обратном. Это не Громов купил Крылова. Это они вместе создали эту систему, где полиция и криминал были не врагами, а двумя руками одного туловища. Правая рука била, левая — выписывала протокол о «несчастном случае».

Он поднялся, пошатываясь. Старая «девятка» Козлова ждала его за углом, уткнувшись бампером в сугроб. Мотор завелся с натужным воем, салон наполнился запахом старой обивки и бензина. Артем вдавил педаль в пол, не обращая внимания на дребезг рассыпающейся под- вески. Ему нужно было в управление. Прямо в пасть к Крылову. Потому что только там сейчас мог быть Даниил.

Город за окном мелькал серыми пятнами. Зареченск в три часа ночи выглядел как деко- рация к фильму, который забыли снять с проката. Окна хрущевек смотрели на него пустыми, черными глазницами. Где-то в глубине дворов выла собака — методично, тоскливо, предве- щая беду, которая уже наступила. Артем въехал на площадь перед управлением, не пытаясь прятаться. Он припарковался прямо под знаком «Стоянка запрещена», заглушил мотор и на секунду прижался лбом к холодному рулю.

В вестибюле дежурки пахло хлоркой и несвежими носками. Дежурный, майор с лицом цвета вареной колбасы, даже не поднял головы от кроссворда.

— К Крылову. Лично, — Артем бросил на стойку свое удостоверение личности, которое чудом сохранилось после всех передраг.

— Подполковник занят. Инвентаризация у него, — буркнул майор, но, встретившись взглядом с Артемом, осекся. В глазах Волкова было что-то такое, отчего у бывшего мента холодок пробежал по хребту. — Второй этаж, в конце коридора. Но я тебя не пускал, понял?

Артем шел по коридору, и звук его шагов казался ему оглушительным. Стены, выкра- шенные в казенный зеленый цвет, будто сдавливали его. Он дошел до массивной двери с таб- личкой «Подполковник Крылов О. П.». Из-за двери не доносилось ни звука. Он толкнул ее без стука.

Кабинет Крылова был островком циничного благополучия посреди этого общего гние- ния. Кожаные кресла, запах дорогого табака, на стене — портрет президента, который, каза-

лось, смотрел мимо всего этого вертепа. Крылов сидел за столом, подсвеченный лишь настольной лампой с зеленым абажуром. Его лицо в этом свете казалось мертвенным, восковым. На столе перед ним лежали вещи Даниила: мобильный телефон, дешевые часы и складной нож.

— А, Волков. Заходи, — Крылов даже не удивился. Он аккуратно, кончиком указательного пальца, пододвинул нож пацана к краю стола. — Мы тебя заждались. Даня твой сейчас в «обезьяннике» оформляется. Сопротивление при задержании, попытка кражи... Ну, ты сам знаешь, как мы это умеем.

— Где он, Олег? — Артем подошел к столу, упираясь ладонями в полированное дерево. Его пальцы оставляли влажные, мутные следы. — Мы оба знаем, что он здесь ни при чем. Ты взял его, чтобы достать меня.

Крылов откинулся в кресле, его губы растянулись в подобии улыбки. Это была улыбка человека, который точно знает, что у него в руках все козыри, а у противника — только дыра в кармане.

— Ты всегда был слишком прямолинейным, Тема. В этом твоя беда. Ты думаешь, это Громов — твой главный враг? Сережа — просто исполнительный директор. А я — совет директоров. И сейчас этот совет решил, что ты стал слишком шумным.

Крылов вытащил из ящика стола папку. Ту самую, которую Артем надеялся найти в архиве.

— Твой племянник — молодец. Почти дотянулся до нее. Если бы мои ребята не взяли его на выходе, у тебя бы сейчас были очень серьезные аргументы. Но теперь аргументы у меня.

Он открыл папку и выложил на стол протокол допроса десятилетней давности. Тот самый, где стояла подпись Артема под признанием в убийстве Лёхи.

— Знаешь, что самое смешное? — Крылов подался вперед, понизив голос до шепота. — Твое признание настоящее. Ты ведь тогда действительно верил, что это ты его убил. Твоя вина была такой вкусной, Волков... Я ею кормился все эти годы. Но сейчас у нас новая сделка.

Артем чувствовал, как в кабинете становится невыносимо жарко. Воздух будто загустел, превратившись в сироп, который трудно проталкивать в легкие. Он смотрел на Крылова и видел не человека, а слизняка в погонах, который десятилетиями высасывал жизнь из этого города.

— Какая сделка? — голос Артема прозвучал сухо, как треск ломающихся веток.

— Ты отдаешь мне блокнот. Прямо сейчас. Весь, без остатка. А я отпускаю Даню. Мы оформим его как свидетеля, выпишем штраф за хулиганство и отправим домой к мамке. Он парень молодой, ему еще жить да жить. Зачем ему сидеть за твои старые косяки?

— А я? — спросил Артем, уже зная ответ.

— А ты уедешь. Навсегда. У Громова есть домик на севере, тихий такой, в лесах. Поживешь там под присмотром Кабана. Будешь мемуары писать о том, как «пацанское слово» превращается в пшик, когда на кону жизнь близкого человека. Если откажешься... — Крылов включил монитор на столе.

На экране была камера предварительного заключения. Тесная, залитая тусклым светом. В углу, на грязных нарах, сидел Даниил. Он выглядел сломленным. Рубашка разорвана, на лице — багровая ссадина. К двери камеры подошли трое. Крепкие ребята в штатском, но с той характерной ментовской выправкой, которую не скроешь под курткой. Один из них вытащил из кармана резиновую перчатку.

— У них приказ, Артем, — буднично сказал Крылов. — Если через пять минут я не нажму кнопку «отбой», Даня случайно упадет с верхних нар. Головой об угол. Ты ведь знаешь, у нас в изоляторах полы скользкие, инвентаризацию давно не проводили.

Артем сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Гнев больше не был огнем, он превратился в холодный, тяжелый свинец, который заполнил всё его существо. Он посмотрел на монитор, потом на Крылова. В этот момент он понял, что никакой сделки не будет. Крылов

не отпустит их. Как только он получит блокнот, они оба станут лишними свидетелями в его идеально выстроенной схеме.

— У тебя нет пяти минут, Олег, — Артем медленно выпрямился. Он больше не чувствовал боли в плече. Он вообще ничего не чувствовал, кроме ледяной ясности. — Потому что ты забыл об одной детали. Блокнот — это не просто записи. Это ключ. И я его уже повернул.

Крылов нахмурился, его рука инстинктивно потянулась к телефону.

— О чем ты?

— Зайцев, — коротко бросил Артем. — Пока ты пас меня у храма, журналист уже отправил копии первых двадцати страниц в область. В управление собственной безопасности. С твоими счетами, Олег. С твоей «инвентаризацией». Сейчас они сверяют подписи.

Лицо Крылова начало медленно менять цвет. Из воскового оно стало пепельным. Его уверенность начала осыпаться, как штукатурка со старой стены.

— Ты блефуешь, Волков. Зайцев — трус. Он не рискнет...

— Он уже рискнул десять лет назад, когда потерял дочь на стройке твоего друга Громова, — Артем подался вперед, глядя прямо в расширенные зрачки подполковника. — Ему больше нечего терять. А тебе — есть. Твоя империя из пепла и крови начинает рассыпаться. Нажми кнопку, Олег. Отпусти пацана. Может, это зачтется тебе, когда ты будешь сидеть в той же камере, где сейчас сидит он.

Крылов молчал. Тишина в кабинете стала такой плотной, что казалось, ее можно резать ножом. В коридоре слышались торопливые шаги. Дверь распахнулась, и на пороге появился майор из дежурки, его лицо было белым, как мел.

— Олег Петрович... Там это... Из главка приехали. Спецназ внизу. Требуют открыть оружейку для проверки...

Крылов медленно перевел взгляд с майора на Артема. В его глазах вспыхнула такая ненависть, какая бывает только у загнанного в угол зверя. Он нажал кнопку на пульте, но не «отбой».

— Кабан! — крикнул он в селектор. — Кончай их всех! Завод, седьмой причал! Живо!

Артем рванулся через стол, опрокидывая лампу. Кабинет погрузился во тьму, которую разрезали только всполохи сирен с улицы. Он успел схватить нож Даниила со стола, прежде чем Крылов выхватил табельное из кобуры.

Глава 21: Подвал с секретами

Темнота в кабинете Крылова не была пустой; она была плотной, едкой, пропитанной запахом пороховой гари и пота человека, который только что едва не лишился жизни. Пуля, выпущенная подполковником, оставила после себя лишь звон в ушах и рваную рану на обшивке кожаного кресла. Артем чувствовал, как пульсирует жила на виске. Его пальцы, сжимавшие нож Даниила, подрагивали не от страха, а от избытка адреналина, который заставлял сердце колотиться о ребра, словно пойманную в силос птицу.

Крылов хрипел под ним. Подполковник, этот вершитель судеб Зареченска, сейчас напоминал просто мешок с костями, обтянутый дорогой форменной шерстью. Артем надавил сильнее, чувствуя холодное лезвие у самого кадыка врага.

— Где ключи от цоколя, Олег? — голос Артема был тихим, лишенным всяких эмоций, кроме сухой, выжженной решимости. — Ты нажал не ту кнопку. Теперь это не сделка. Теперь это инвентаризация твоих грехов.

Крылов что-то забулькал, пытаясь высвободиться, но Артем прижал его коленкой к полу, выбивая остатки воздуха. Снаружи, в коридорах управления, уже нарастал хаос. Крики, топот кованых сапог, резкие команды — «московские» начали зачистку. Это был его единственный шанс. Если он сейчас не найдет то, за чем пришел, завтра всё это здание будет опечатано, а документы — «случайно» уничтожены при обыске.

Он нащупал на поясе Крылова связку ключей. Тяжелое кольцо, холодный металл. Артем резко поднялся, напоследок ткнув подполковника рукоятью ножа в висок — не для убийства, а чтобы тот замолчал на ближайшие десять минут. Крылов обмяк.

Выход из кабинета через основной коридор был равносителен самоубийству. Артем метнулся к окну, но тут же передумал. Вместо этого он нырнул в узкую дверь за шкафом — технический лаз, о котором ему когда-то рассказывал старый Козлов, подрабатывавший здесь электриком в начале нулевых.

Лестница вниз была крутой и склизкой. Здесь пахло не администрацией, а настоящим, нутряным городом: сыростью, гнилыми овощами из буфета и застоявшейся мочой. Фонарик на телефоне выхватывал из темноты облупившуюся краску и пучки свисающих проводов, похожих на нервы вскрытого трупа. Плечо ныло, бинт промок, и Артем чувствовал, как теплая кровь ползет вниз по ребрам, щекоча кожу и вызывая тошнотворную слабость.

Цокольный этаж встретил его тишиной, которая была страшнее криков наверху. Здесь, под толщей бетона и гранита, звук сирен превращался в едва уловимую вибрацию, которую чувствуешь не ушами, а зубами. Артем шел по коридору, где лампы дневного света мигали в предсмертной агонии, издавая сухое, трескучее жужжание.

Дверь архива была массивной, обшитой железом. «Сектор-1994». Это название в блокноте Лёхи было обведено трижды. Артем вставил ключ. Механизм сопротивлялся, заржавев от времени и равнодушия, но после резкого рывка замок сдался с металлическим всхлипом.

Внутри пахло пылью — старой, костяной пылью, которая оседает на бумаге десятилетиями. Это был запах застывшего времени. Артем провел лучом света по стеллажам. Тысячи папок. Тысячи жизней, упакованных в серый картон и перевязанных грубой бечевкой. Здесь, в этом склепе бюрократии, Зареченск хранил всё, что хотел забыть.

Он нашел нужный ряд. Полки здесь прогибались под тяжестью дел. Артем лихорадочно перебирал корешки: «Ликвидация ГП-3», «Приватизация речного порта», «Уголовные дела (архив) — 1994». Вот оно. Тяжелая коробка, заклеенная пожелтевшим скотчем.

Когда он сорвал ленту, в лицо ударило облако мелкой взвеси. Артем закашлялся, прикрывая рот рукавом. Внутри лежали папки с грифами, которые никогда не должны были уви-

деть свет. Он вытащил первую. «Дело №44-Б. Подозреваемый: Волков А. В.». Его собственное прошлое, задокументированное чужой, равнодушной рукой.

Артем открыл папку. Его взгляд метался по строчкам, выхватывая куски текста, которые жгли глаза больше, чем пороховой дым. «...признательные показания получены в ходе предварительного допроса... вещественные доказательства (нож) уничтожены по распоряжению следователя Крылова О. П. в связи с утратой ценности...».

— Твари... — прошептал он. — Вы даже не пытались играть по правилам.

Но самое страшное было глубже. Под протоколами лежала тонкая тетрадь в клетку — личный дневник Лёхи, который «пропал» во время обыска десять лет назад. Лёха не просто вел записи, он фиксировал каждый шаг Громова. На последней странице, написанной неровным, прыгающим почерком, была запись от 12 сентября 1994 года. Той самой ночи.

«Серёга сказал, что Волков — слабое звено. Что он не пойдет на мокрую. Крылов предложил вариант с инсценировкой. Если Тема поверит, что убил меня, он уйдет в тень и не будет мешать портовой сделке. Я соглашаюсь, потому что боюсь за Маринку. Они обещали, что если я подыграю, Тёму просто вышлют из города...»

Артем почувствовал, как мир вокруг него начинает медленно вращаться. Стены архива, стеллажи, папки — всё это стало зыбким, нереальным. Десять лет он считал себя убийцей друга. Десять лет он гнил в колонии, неся на плечах груз чужой подлости. А Лёха... Лёха был жив той ночью. Он добровольно лег в ту яму, веря, что спасает Артема и сестру.

Громов не просто предал их. Он устроил спектакль, в котором Артем был главным актером, а Лёха — жертвенным агнцем, которого зарезали по-настоящему уже после того, как занавес опустился.

Он рылся дальше, разрывая папки, рассыпая листы по грязному полу. Имена, даты, суммы. Это была не просто коррупция. Это была кровеносная система города, где каждая капля прибыли была замешана на крови. Крылов и Громов были архитекторами этого ада, а он, Артем, был лишь одним из камней в фундаменте.

Внезапно его внимание привлек небольшой конверт, приклеенный к внутренней стороне коробки. На нем не было надписей, только пятно от кофе. Артем вскрыл его. Внутри была фотография. Старая, поляроидная, уже начавшая выцветать по краям.

На снимке были трое. Молодой Громов, Крылов еще в капитанских погонах и... третий человек, чье лицо было аккуратно выжжено сигаретой. Но Артем узнал руки. Эти руки, с характерным шрамом на большом пальце, он видел сегодня. В церкви.

— Солома... — выдохнул Артем. — Андрей, ты-то как там оказался?

Холод в животе превратился в ледяной ком. Значит, «исповедь» в храме была лишь очередным актом пьесы. Андрей не просто знал — он был частью заговора с самого начала. Священник, хранитель тайн, который направлял Артема по нужному следу, чтобы тот столкнулся лбом с Громовым и Крыловым, пока сам Соловьев оставался в тени.

Артем схватил фотографию и папку с дневником Лёхи. Плечо снова прострелило острой болью, но он лишь стиснул зубы. Сейчас он чувствовал такую ясность, какой не было никогда в жизни. Он знал, куда идти. Седьмой причал был не просто местом встречи. Это был алтарь, на котором Громов собирался принести в жертву последнее, что осталось у Артема — его племянника.

Он уже развернулся к выходу, когда услышал тихий звук за спиной. Это не был топот берцев или крики спецназа. Это был шорох подошв по бетонному полу. Очень осторожный, почти кошачий.

— Ты нашел то, что искал, Артем? — голос доносился из глубины стеллажей, там, где свет фонарика не достигал углов.

Артем замер, медленно опуская руку к ножу.

— Выходи, Кабан. Я знаю твой запах. Ты пахнешь дешевым одеколоном и страхом своего хозяина.

Из тени вышел Виктор Кабанов. В руках у него был пистолет с глушителем, направленный точно в грудь Артема. Лицо боевика было неподвижным, как маска, но в глазах светилось странное, почти сочувственное выражение.

— Крылов — дурак, — сказал Кабан, не опуская оружия. — Он думал, что контролирует Громова. Но Громов давно играет в свою игру. А я... я просто делаю свою работу. Ты не должен был сюда приходить, Артем. В этом городе правда стоит слишком дорого.

— И сколько стоит твоя правда, Витя? — Артем медленно смешался в сторону, пытаясь уйти с линии огня. — На один патрон хватит? Или Громов пообещал тебе место Крылова?

— Громов пообещал мне покой, — Кабан взвел курок. — А покой в Зареченске — это когда свидетели молчат навсегда. Отдай документы, и, может быть, я выстрелю так, что ты не почувствуешь.

Артем усмехнулся. В этой усмешке было всё его презрение к этому проклятому городу и к людям, которые его населяли.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Кабан? Ты думаешь, что если у тебя есть пушка, ты здесь хозяин. Но в этом архиве — вся твоя жизнь. Твои расписки, твои косяки, твои предательства. Ты — такая же страница в этой коробке, как и я. И Громов сожжет тебя завтра, чтобы не осталось пепла.

Кабан на мгновение замешкался. Этой секунды Артему хватило. Он швырнул тяжелую папку с делами прямо в лицо боевику. Бумаги разлетелись веером, создавая на мгновение белую завесу. Выстрел глухо хлопнул, пуля ушла в потолок, выбив крошку бетона.

Артем кинулся вперед, сокращая дистанцию. Он не был моложе Кабана, и его рана давала о себе знать, но за ним стояли десять лет тюрьмы и жажда искупления, которая была сильнее любой пули. Они сцепились в тесном проходе между стеллажами. Запах старой бумаги смешался с запахом пота и оружейного масла.

Кабан пытался вывернуть руку с пистолетом, но Артем перехватил его запястье, ломая сустав. Послышался сухой хруст. Боевик взвыл, но не выпустил оружия. Они рухнули на пол, сбивая одну из полок. Десятки дел 1994 года посыпались на них, засыпая бумажным градом, словно история сама пыталась похоронить их под собой.

Артем нанес удар локтем в челюсть Кабана, чувствуя, как крошатся чужие зубы. Боевик ответил ударом колена в раненое плечо. Мир взорвался красными искрами. Артем застонал, теряя хватку, и Кабан перекатился, пытаясь направить ствол ему в голову.

В этот момент в коридоре грохнула дверь.

— Работает ОМОН! Всем лежать на полу! Руки за голову!

Свет мощных прожекторов залил архив, превращая его в белое ничто. Кабан замер, глядя на Артема. В его глазах отразилось осознание конца. Он на секунду опустил пистолет, и этой секунды Артему хватило, чтобы откатиться в сторону и нырнуть за массивный сейф.

— Огонь на поражение! — скомандовал кто-то в коридоре.

Затрещали автоматы. Кабан, вставший в полный рост, принял на себя первую очередь. Его тело задергалось в безумном танце, выбивая пыль из старой одежды. Он упал прямо на те самые папки, которые Артем так жаждал найти. Кровь Кабана начала медленно пропитывать признательные показания десятилетней давности, смывая чернила и ложь.

Артем, прижавшись к холодному металлу сейфа, слышал, как спецназовцы входят в зал. У него не было шансов выбраться через дверь. Но за сейфом, в тени, он увидел то, что искал — вентиляционную решетку, ведущую в систему городских коммуникаций.

Он запихнул дневник Лёхи и фотографию под куртку, чувствуя, как бумага греет его холодное тело. Это была его единственная улика. Его билет в один конец.

Глава 22: Голос на старой кассете

Артем стоял перед воротами школы №4, и железо прутьев, тронутое рыжей, лишайниковой ржавчиной, жгло пальцы даже сквозь кожу перчаток. Школа не изменилась — она просто усохла, съежилась, как старое яблоко, оставленное на зиму в пустом погребе. Кирпич, когда-то красный и гордый, теперь напоминал воспаленные десны курильщика: серый, в пятнах высолов, крошащийся от малейшего прикосновения ветра. Зареченск умел так делать со всем живым и каменным — высасывать цвет, оставляя лишь костяк, обтянутый пылью.

Воздух здесь был другим. Тяжелым от близости угольных складов и какой-то древней, застоявшейся тоски. Артем сплюнул на обледенелый асфальт. В животе копошилось нечто склизкое, холодное — не страх, нет, скорее физиологическое отвращение к самому себе, вернувшегося в точку, где его когда-то учили быть «человеком». Оказалось, уроки были прогуляны зря. Улица преподавала свою биологию: выживает не самый умный, а тот, кто умеет вовремя перегрызть горло.

Он вошел в вестибюль. Запах хлорки, перемешанный с ароматом залежалого тряпья и дешевой мастики, ударил в ноздри, как удар под дых. Этот запах не выветрился за десять лет. Он впитался в поры стен, в трещины на полу, где когда-то Артем бегал в сменке, разбрасывая брызги растаявшего снега. Вахтерша, существо неопределенного возраста и пола, замурованное в три слоя шерстяных кофт, даже не подняла взгляда от кроссворда. Ее пальцы, похожие на очищенные сосиски, судорожно сжимали огрызок карандаша.

— К Фроловой. Она ждет, — Артем не спрашивал, он констатировал. Его голос в пустом холле прозвучал чужеродно, как скрежет металла по стеклу.

Вахтерша махнула рукой в сторону лестницы. Артем пошел вверх, чувствуя, как каждая ступенька отзывается в коленях тупой, ноющей болью. Стены, выкрашенные в казенный зеленый цвет — «цвет тошноты», как называл его когда-то Лёха — казались влажными. Кое-где краска вздулась пузырями, обнажая серую плоть штукатурки. На втором этаже было тише, чем в могиле. За дверями кабинетов не слышалось ни детского смеха, ни скрипа мела. Школа умирала вместе с городом, медленно и безропотно.

Галина Петровна Фролова сидела в бывшей учительской, которая теперь больше походила на склад макулатуры. Повсюду — на столах, подоконниках, прямо на полу — громоздились папки, перевязанные грубой бечевкой. Сама Галина Петровна казалась частью этого бумажного хаоса. Ее лицо, изрезанное глубокими морщинами, напоминало карту местности, по которой проехал танк. Глаза, выцветшие, как старые фотографии, смотрели на Артема без удивления, но с какой-то горькой, выдержанной в темноте пронительностью.

— Пришел всё-таки, Волков, — голос ее был сухим, как шелест страниц. — Я думала, ты либо сгинеешь в своих краях, либо ума наберешься не возвращаться.

Артем прошел к столу, отодвинул стопку тетрадей и сел на край. Стул под ним жалобно скрипнул.

— Ума у меня никогда не было, Галина Петровна. Вы же сами в журнале писали: «Склонен к деструктивному поведению».

— Я много чего писала, Артем. Но ты единственный, кто это поведение превратил в искусство саморазрушения, — она вытащила из ящика стола пачку «Примы», щелкнула дешевой зажигалкой. Дым, едкий и дешевый, заполнил пространство между ними. — Помнишь Лёху? Конечно, помнишь. Такое не забывается, даже если очень хочется. Он ведь не просто так ко мне пришел тогда, перед тем... перед тем вечером.

Артем почувствовал, как пальцы на здоровой руке непроизвольно сжались в кулак.

— Он оставил блокнот Даниилу. Племяннику моему. А вы сказали, что у вас есть что-то еще.

Фролова затянулась так сильно, что огонек сигареты едва не коснулся ее пальцев. Она долго не выпускала дым, словно пыталась им согреться изнутри.

— Журналы. Сектор-94. Громов тогда думал, что всё купил. Но он забыл, что я старая перечница, и у меня есть привычка делать дубликаты всего, что проходит через архив. Особенно того, что касается моих мальчиков.

Она поднялась, тяжело опираясь на край стола, и подошла к сейфу, стоявшему в углу. Сейф был довоенный, массивный, с облупившейся краской. Фролова долго возилась с кодом, ее пальцы дрожали, и металл отзывался глухими, утробными щелчками. Наконец, дверца распахнулась. Она достала две толстые папки в сером картоне и небольшую коробочку из-под обуви.

— Вот здесь, — она положила папки перед Артемом. — Твои оценки, прогулы, характеристики. И его. Но главное — вкладыши. Лёха прятал в эти журналы свои черновики. Он знал, что в школу Громов не полезет — считал, что здесь ловить нечего.

Артем открыл первую папку. Между страницами с колонками цифр и фамилиями были вклеены клочки бумаги, исписанные мелким, нервным почерком. Это был не шифр, это был дневник мертвеца. «Серега опять тер с Крыловым в гаражах. Говорят о „пустоте“. Хотят зачистить район под терминал. Тема не знает, и я не скажу. Ему нельзя лезть в это, он сорвется».

Слова жгли. Артем будто слышал голос Лёхи — хриловатый, вечно простуженный, но честный до звона. Он перелистывал страницы, и перед ним разворачивалась механика предательства. Громов не просто подставил его. Он готовил почву месяцами, используя школу как почтовый ящик для своих махинаций, думая, что Фролова — старая дура, которая ничего не видит.

— А это? — Артем кивнул на обувную коробку.

Фролова помедлила. Ее лицо на мгновение исказилось, словно она проглотила что-то невыносимо горькое.

— Это аудиокассета. «Sony», девяностая минута. Лёха принес ее за два часа до того, как... как ты его «убил», Волков. Он сказал: «Галина Петровна, если я не вернусь, отдайте это Теме. Только Теме. И только когда он вернется».

Артем взял коробку. Внутри лежала кассета, потертая, с облезшим пластиком. На наклейке была одна буква — «Г». Громов.

— На чем слушать? — спросил он, чувствуя, как во рту пересохло.

Фролова вытащила из-под кипы бумаг старый кассетник «Весна». Аппарат выглядел как ископаемое животное, но когда она воткнула вилку в розетку, он отозвался негромким, но бодрым гулом трансформатора. Артем вставил кассету. Клавиша «Play» нажалась с тяжелым, механическим лязгом.

Сначала был только шум. Белый, шипящий шум времени, сквозь который пробивались далекие звуки города — гудки машин, чей-то смех. А потом раздался голос. Громов. Но не тот сегодняшний, властный и холодный, а молодой, дерзкий, пропитанный ядовитой уверенностью.

«...Пойми, Крылов, Волков — это балласт. У него кодекс в башке, как у рыцаря недоделанного. Он не даст нам порт закрыть. Нам нужно, чтобы он исчез, но чисто. Без мокрухи со стороны милиции. Пусть сам себя сожрет. Лёха подыграет, я его прижал по сестре...»

Запись прервалась щелчком. Артем сидел, не шевелясь. Каждый звук, каждая интонация Громова впивались в него раскаленными иглами. Он видел, как Галина Петровна отвернулась к окну. Ее плечи мелко подрагивали. Десять лет она хранила этот звук в железном ящике, зная правду и не имея возможности ее крикнуть. В этом городе крик тонет в мазуте.

— Там дальше есть еще, — тихо сказала Фролова, не оборачиваясь. — Ближе к концу. Послушай дома. Или не слушай вовсе, если хочешь сохранить рассудок.

Артем выключил магнитофон. В тишине учительской звук выталкиваемой кассеты показался выстрелом. Он спрятал «Sony» во внутренний карман куртки, туда, где уже лежал блокнот. Тяжесть этих вещей была почти физической. Они тянули его вниз, к земле, к той самой грязи, из которой он пытался вылезти.

— Почему сейчас? — спросил он, глядя в затылок учительницы. — Почему не отдали это полиции тогда? Или Зайцеву?

Галина Петровна медленно повернулась. В ее глазах не было слез, там была только бездонная, выжженная пустота.

— Какой полиции, Артем? Крылову? Который на этой записи обсуждает, как тебя в камеру упаковать? А Зайцев... Его бы убили на следующий день. Я ждала тебя. Потому что только у тебя есть право уничтожить Громова этим звуком. Не посадить. Уничтожить.

Она подошла к нему и положила сухую, холодную ладонь на его раненое плечо. Боль была тупой, пульсирующей, но сейчас она казалась правильной. Осязаемой.

— Уходи, Волков. Уходи через черный ход. У Кабана глаза везде, даже в школьных коридорах. И помни: эта кассета — твоя смерть или твое воскрешение. Третьего Зареченск не предлагает.

Артем кивнул. Он собрал папки с журналами, засунул их в потертую сумку. Он чувствовал себя мародером, грабящим собственное прошлое. На выходе из учительской он обернулся. Фролова снова сидела за столом, доставая очередную сигарету. Она выглядела как монумент обманутым надеждам.

Он спускался по лестнице, и школа казалась ему теперь не зданием, а огромным механизмом по переработке судеб. На стенах мелькали тени — его собственные, Лёхины, тени сотен пацанов, которые так и не выросли. Зареченск не давал шанса на взросление, он сразу предлагал старение или смерть.

На улице стемнело. Фонари горели через один, разливая по снегу лужи ядовито-желтого света. Артем шел к своей «девятке», прижимая сумку к боку. В голове набатом бил голос Громова: «Он сам себя сожрет».

«Нет, Сережа», — подумал Артем, садясь в промерзший салон. — «На этот раз жрать буду я. И меню тебе очень не понравится».

Он завел мотор. Радиола выдала помехи, похожие на предсмертный хрип кассетника Фроловой. Артем выехал с территории школы, не оглядываясь. В зеркале заднего вида темные окна класса биологии смотрели ему вслед, как пустые глазницы черепа. Где-то там, в глубине здания, Галина Петровна Фролова осталась наедине с остатками своего архива и дымом «Примы», дожидаясь финала пьесы, которую она так долго хранила в тишине.

Глава 23: Привокзальный реквием

Сергей Павлович Громов не любил суеты. Суета — это удел тех, кто не уверен в завтрашнем дне, кто дёргается при каждом шорохе и пытается оправдаться перед собственной тенью. Громов был другим. В свои сорок с лишним он обрёл ту тягучую, почти физическую тяжесть, которая превращает человека в центр гравитации. Если он сидел в своём «Мерседесе», то казалось, что не машина везёт его, а пространство искривляется под весом его авторитета.

Он смотрел в окно. Зареченск в два часа ночи выглядел как вскрытый труп на патологоанатомическом столе: бледный под светом ртутных фонарей, с чёрными провалами дворов и сочащейся из всех щелей сыростью. Город вымирал. И Громову это нравилось. Пустота легче поддаётся контролю.

— Кабан, — не оборачиваясь, произнёс Громов. Голос его был тихим, лишённым всяких модуляций, как шелест наждака по сухому дереву. — Петрова много говорит. Она думает, что её «Привокзальное» — это посольство Ватикана, где можно укрывать любого бродячего пса.

Виктор Кабанов, сидевший на переднем сиденье, коротко кивнул. Его затылок, стриженный под «ноль», напоминал булыжник, обтянутый тонкой, вечно потной кожей. Он не спрашивал «почему». Он не спрашивал «зачем». Кабан был инструментом, а инструмент не вступает в дискуссии с мастером.

— Нужно, чтобы там стало светло, Витя. Очень светло. Чтобы на том конце города поняли: в темноте шептаться вредно для здоровья.

Кафе Ирины Михайловны Петровой было той самой точкой, где сходились все нервные окончания привокзального района. Здесь пахло не столько едой, сколько самой жизнью Зареченска: пережаренным на старом масле тестом, дешёвым растворимым кофе «три в одном», мазутом с путей и застарелым перегаром случайных попутчиков. Стены, оклеенные моющимися обоями с изображением каких-то тропических пальм, за десять лет впитали в себя столько тайн, что, если бы их выжали, город бы захлебнулся в грязи.

Ирина Михайловна как раз заканчивала ревизию. Её пальцы, вечно красные от горячей воды и соды, пересчитывали мятые десятки и полтинники. В животе у неё с вечера поселилась тягучая, нудная тревога. Артем заходил вчера. Его глаза — пустые, выжженные, как два заброшенных карьера — не выходили у неё из головы. Он принёс с собой запах большой беды. А беда в этом городе всегда имела одну и ту же фамилию.

Снаружи раздался визг тормозов. Резкий, неприятный, похожий на крик раненой крысы. Ирина Михайловна замерла, прижимая пачку денег к груди. Входная дверь, которую она уже заперла на два оборота, содрогнулась от удара. Дерево треснуло. Стекло, пожелтевшее от табачного дыма, осыпалось внутрь, на грязный линолеум, со звоном, который показался ей оглушительным.

— Открывай, Петрова! Праздновать будем! — крикнул кто-то снаружи. Голос был молодым, наглым, приправленным дешёвым драйвом силы.

Она не успела добежать до телефона. В разбитое окно влетела первая бутылка. Тёмное стекло крутанулось в воздухе, оставляя за собой хвост из горячей тряпки. Удар об пол. Жидкость вспыхнула мгновенно — это был не просто бензин, это была какая-то едкая, липкая смесь, которая сразу вцепилась в занавески, в пластиковые стулья, в облезлые пальмы на стенах.

Артем увидел зарево, когда спускался с моста. Оранжевый пульсирующий купол над вокзалом разрезал серую мглу города. У него внутри всё оборвалось. Это не был просто пожар. Это была подпись Громова под смертным приговором всему, что Артем пытался защитить.

Он вдавил педаль газа так, что старая «девятка» завывала от боли. Руль вибрировал в руках, передавая дрожь мотора прямо в кости. Плечо, перевязанное грязным бинтом, взорва-

лось острой, режущей болью при каждом повороте, но он не замечал этого. В голове крутился один и тот же кадр: Ирина Михайловна, наливающая ему кофе в треснутую кружку и говорящая тихим голосом: «Береги себя, Тёмка. Ты здесь последний, кто еще не забыл, как небо выглядит».

Когда он долетел до площади, кафе уже превратилось в огромный костер. Огонь ревел, пожирая слои старой краски и жира. Жар был такой плотный, что казалось, его можно трогать руками. Вокруг толпились редкие прохожие, таксисты и какие-то тени в спортивных костюмах, которые просто смотрели. В этом городе не звали пожарных, пока огонь не перекидывался на соседние дома. Все знали правила игры.

— Ирина! — Артем выскочил из машины, едва не сорвав дверь с петель.

Его обдало волной раскаленного воздуха. Пахло горелым пластиком и чем-то сладковато-тошнотворным. Он рванулся к входу, но чьи-то крепкие руки перехватили его поперек груди.

— Куда прёшь, дурак? Сгорит всё к чертям! — это был Козлов. Механик выглядел постаревшим на сто лет, его лицо в свете пожара казалось высеченным из чёрного антрацита. — Там уже нет никого, Тёма. Я видел, как она через задний двор выбежала. Успела.

Артем обмяк в руках друга. Он смотрел, как рушится крыша. Шифер лопался с сухим треском, похожим на пистолетные выстрелы. Искры летели в черное небо, превращаясь в холодные звезды, которые гасли, не долетая до земли.

Где-то в тени, за границей света, стоял черный «Мерседес». Громов не уехал. Он хотел видеть. Он хотел, чтобы Артем видел его. Сергей Павлович приоткрыл окно, и дым пожара затянуло в салон. Он вдохнул этот запах — запах победы, запах страха, запах очищения. Для него это было искусство. Деструктивное, кровавое, но единственно верное в мире, где слово «честь» давно стало синонимом слова «смерть».

Артем почувствовал этот взгляд. Он повернул голову. Глаза Громова светились в темноте, как у волка, загнавшего добычу на край обрыва. В этом взгляде не было ненависти. Было только бесконечное, ледяное превосходство. Сергей Павлович медленно поднял руку, приложил два пальца к виску в шутливом салюте и закрыл окно. Машина бесшумно тронулась с места, растворяясь в тумане.

— Он её не убил, Тёма, — прошептал Козлов, всё еще удерживая Артема за плечо. — Он её выгнал. Лишил всего. Это хуже. У неё в этом кафе вся жизнь была. Фотографии сына, письма... Всё там.

Артем не ответил. Он смотрел на догорающие руины. В кармане куртки жгли кожу блокнот Лёхи и кассета Фроловой. Это были его патроны. Но Громов только что выстрелил первым, и этот выстрел разнес в щепки последний мирный уголок в его душе. Теперь не осталось места для переговоров. Не осталось места для сомнений.

К утру от кафе остался только черный остов. Дым лениво вился над кучами пепла, похожий на дух покойного, который не может покинуть место казни. Ирина Михайловна сидела на бетонном бордюре через дорогу. На ней была чужая куртка, брошенная на ночную сорочку. Лицо её было серым от копоти, а глаза — сухими. Она больше не плакала. Она просто смотрела на то место, где вчера еще стояла её жизнь.

Артем подошел и сел рядом. Он чувствовал, как от него пахнет гарью. Его руки были в черной пыли, а в голове царила странная, звенящая пустота.

— Они забрали всё, Тёмка, — голос её был едва слышен. — Даже икону, что от матери осталась. Сгорела. Как же так? За что?

— За меня, Ирина Михайловна. За то, что я вернулся, — Артем не смотрел на неё. Он смотрел на свои ботинки. — Громов метит территорию. Он хочет, чтобы вокруг меня была только выжженная земля.

Она медленно повернула к нему голову. Её рука, дрожащая и слабая, коснулась его щеки.

— Тогда жги его тоже, сынок. Жги дотла. Чтобы даже пепла не осталось. Потому что если ты этого не сделаешь, он сожрёт нас всех по одному.

Артем поднялся. Он чувствовал, как внутри него что-то окончательно застыло. Это не было злобой. Это была функция. Механизм, который приводится в действие, когда точка невозврата пройдена.

Он пошел к машине. Город просыпался. Люди шли на вокзал, перешагивая через обломки вчерашней трагедии. Жизнь продолжалась, равнодушная и циничная. Но Артем знал: сегодня Зареченск изменился. Тень Громова стала слишком длинной, и теперь её можно было укоротить только одним способом — перерезать горло тому, кто её отбрасывает.

Он сел в салон, достал кассету и вставил её в магнитоу. Голос Громова заполнил пространство: «...Крылов, ты же понимаешь, в этом деле нет друзей. Есть только те, кто еще не успел тебя предать».

Артем нажал на газ. Впереди был завод, впереди был архив, впереди была смерть. Но теперь он шел к ней не как жертва, а как палач, которому больше нечего терять.

Глава 24: Завод, где время умерло

Дым не просто висел в воздухе — он жил. Он прорастал в лёгкие липкими грибковыми нитями, оседал на зубах привкусом палёного пластика и дешёвого маргарина, на котором Ирина Михайловна жарила свои знаменитые, пахнущие домом и бедой беляши. Артем стоял у края пепелища, и его шатало. Не от усталости — от осознания того, насколько легко город слизывает человеческие судьбы, словно гной с незаживающей раны.

Привокзальное кафе «У Ирины» больше не существовало. Остался только обугленный скелет, обтянутый серыми лоскутами шифера. Артем чувствовал, как от жара лопаются кожа на щеках, но не отступал. Внутри, за заваленной балкой, он слышал хрип. Это не был человеческий голос — так звучит надежда, когда ей наступают на горло кованым сапогом.

— Ирина! — выдохнул он, и это имя вырвалось вместе со сгустком черной мокроты.

Он шагнул в пролом, туда, где раньше стояла касса. Пол под ногами пружинил, угрожая обрушиться в подвал, забитый старыми ящиками и несбывшимися мечтами. Потолок плёлся искрами. Артем видел её: Ирина Михайловна лежала в углу, прижав к животу жестяную коробку из-под печенья. Её лицо было серым, словно его уже присыпали кладбищенской пылью, а глаза смотрели в пустоту, где Громов только что выключил свет.

Он подхватил её под мышки. Она была пугающе лёгкой — мешок костей и обгоревшего тряпья. Плечо Артема, пробитое пулей накануне, взорвалось пульсирующей белизной. Боль не была врагом; она была единственным, что подтверждало его существование в этом мире, превратившемся в крематорий. Он тащил её через завалы, чувствуя, как огонь лижет его затылок, как город смеётся ему в спину свистом ветра в разбитых окнах вокзала.

Выбравшись наружу, он уложил её на подмёрзшую грязь. Снег вокруг мгновенно почернел, впитывая копоть. Ирина Михайловна кашляла — сухо, надсадно, выплёвывая куски собственной жизни. Её пальцы мёртвой хваткой вцепились в жестяную коробку.

— Спасла... — прохрипела она, и в её глазах на мгновение вспыхнул безумный, первобытный огонь. — Там... Тёмка... там письма. Лёшкины письма. Которые он не успел...

Артем замер. Его рука, покрытая волдырями и грязью, непроизвольно потянулась к внутреннему карману куртки, где лежал зашифрованный блокнот. Пазл начал складываться с таким оглушительным скрежетом, что у него заложило уши. Громов сжёг кафе не из-за мести. Он искал продолжение блокнота. Он искал архив, который Лёха, этот святой дурак, рассовал по самым пыльным углам Зареченска.

— Тише, Ирина Михайловна. Молчи, — Артем оглянулся. Из тумана, густого и липкого, как кисель в школьной столовой, медленно выплывали фигуры. Таксисты, случайные бродяги, тени в спортивных костюмах. Город-вуайерист смотрел, как догорает его совесть.

Он поднял её на руки и пошёл к своей «девятке». Машина стояла в стороне, похожая на ржавое корыто, в котором когда-то утопили его юность. Козлов уже ждал у открытой двери. Его лицо, изрезанное морщинами-траншеями, было неподвижным.

— К Сидорову её? — коротко спросил механик, заводя мотор, который кашлял не хуже Петровой.

— Нет. В церковь, к Соловьёву. Громов туда не сунется. Пока.

Пока машина ползла по разбитым артериям Зареченска, Артем смотрел в окно. Город через стекло казался искажённым, больным. Фонари горели тусклым желтушным светом, выхватывая из темноты облупившиеся фасады сталинок, которые стояли здесь, как гнилые зубы в челюсти покойника. Каждая трещина на стене, каждый заколоченный подвал казались ему теперь частью заговора.

Он достал блокнот. Бумага была влажной от его пота, пахла старым подвалом и кровью. Лёха писал мелко, экономя место, словно знал, что времени у него меньше, чем страниц. Артем открыл главу, помеченную датой — 14 сентября 2014 года. Ночь, когда всё рухнуло.

«Сергея сказал, что у него есть выход на порт. Крылов даст коридор. Но им нужен козел отпущения. Тема слишком правильный, он не поймет маневра. Придется разыграть карту „свой-чужой“. Если я не выйду из этой ямы, значит, яма была глубже, чем мы рыли...»

Артем почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Десять лет он считал, что это была случайная стычка, пьяная драка, закончившаяся трагедией. А это была шахматная партия, где его использовали как пешку, которую не жалко разменять ради контроля над фарватером.

— Приехали, — Козлов притормозил у ворот храма.

Церковь в Зареченске была странным местом. Построенная на месте старого склада, она сохранила индустриальные черты: массивные стены, узкие окна, больше похожие на бойницы. Андрей Соловьёв, бывший их общий знакомый, а теперь священник с глазами, в которых застыла вечная осень, вышел навстречу. Он не спрашивал, что случилось. Он просто принял Ирину Михайловну из рук Артема, как принимают крест — смиренно и тяжело.

— Ты ввязался в то, что не сможешь закончить один, Артем, — тихо сказал Соловьёв, когда они остались на крыльце. Снег падал на его рясу, не тая. — Громов — это не человек. Это система. Ты пытаешься воевать с гравитацией.

— Гравитация тоже ломается, если подпрыгнуть достаточно высоко, — огрызнулся Артем. — Где Даниил?

— Сбежал час назад. Сказал, что у него «терки» на северных окраинах. Твой племянник слишком похож на тебя в юности. Он ищет смерти, думая, что ищет справедливость.

Артем ударил кулаком по деревянному столбу. Боль в руке отрезвила. Он знал, где эти «терки». Заброшенный арматурный завод — место, где время остановилось в 1991-м и с тех пор только разлагалось.

— Козлов, гони к заводу, — Артем прыгнул в машину. — Быстрее, мать твою!

Они летели через промзону. Трубы заводов торчали в небе, как указательные пальцы мертвецов, обвиняющие небеса в равнодушии. Здесь не было людей — только бродячие псы и запах ржавого железа.

Артем снова открыл блокнот. На последней странице, которую он раньше не замечал, была вклеена фотография. Совсем свежая для того времени. Лёха, смеющийся, с разбитой губой, и Артем — еще без шрамов, с глазами, в которых горел свет. На обороте карандашом: «Тема, если ты читаешь это, значит, я всё-таки проиграл. Не ищи виноватых среди чужих. Все виноваты свои».

— Все виноваты свои... — прошептал Артем.

Перед глазами всплыло лицо Громова. Того, старого Сереги, который делил с ними последнюю сигарету в подъезде. Как человек превращается в монстра? Медленно, по капле выдавливая из себя человеческое, заменяя его холодным расчетом прибыли? Или монстр всегда сидел там, внутри, просто ждал своего часа, подкармливаемый амбициями и страхом нищеты?

Завод показался впереди черным монолитом. Окна-глазницы выбиты, из проломов в стенах растут чахлые березы. У ворот стояло несколько машин. Артем узнал «БМВ» Жукова — лидера «Северных», щенка, который возомнил себя волком под крылом Громова.

— Козлов, стой здесь. Если через двадцать минут не выйду — уезжай. К Елене. Отдай ей блокнот. Пусть передаст журналисту. Хоть кто-то должен узнать, что этот город — одна большая братская могила.

Артем пошел к главному цеху. Под ногами хрустело битое стекло и стреляные гильзы — вечные артефакты зареченской археологии. Внутри пахло сыростью и старой смазкой. Сверху, через дыры в крыше, падал лунный свет, расчерчивая пространство на зоны жизни и смерти.

Он услышал голоса в глубине, у плавильных печей, которые давно остыли, превратившись в памятники ушедшей эпохе.

— ...ты понимаешь, Даня, что дядя твой — покойник? — голос Жукова, тонкий, дребезжащий от плохо скрываемого возбуждения. — Он вернулся, чтобы испортить всем малину. Громов не любит тех, кто воскресает без разрешения.

Артем зашел со спины, бесшумно, как тень. Десять лет в «тени» научили его ходить так, чтобы даже крысы не замечали. Он видел Даниила. Парня привязали к старой арматурной балке. Лицо в крови, но глаза — чистые, злые. Волковская порода. Она не ломается, она только твердеет под ударами.

Жуков стоял перед ним, поигрывая ножом. За его спиной — трое амбалов, типичный расходный материал Громова. Без лиц, без имен, просто функции насилия.

— Отпусти пацана, Дима, — сказал Артем, выходя на свет. — Он здесь ни при чем. Это наши с Серёгой долги.

Жуков вздрогнул, резко развернулся. Его банда засуетилась, выхватывая стволы.

— О, явился! Камбэк бывшего пацана! — Жуков оскалился, но в глазах мелькнула тень страха. Артем для них был легендой из учебника истории, который ожил и пришел забирать долги. — А Громов сказал, что ты умный. Сказал, что ты побежишь к вокзалу, поджав хвост.

— Громов много чего говорит. Но он забыл одну дещь, — Артем медленно шел вперед, не поднимая рук. — Я уже был в аду. Десять лет. Там скучно, Дима. Там учат ценить момент.

Один из бандитов вскинул пистолет. Артем не дрогнул. Он знал эту психологию: они боятся не его силы, а его равнодушия к собственной жизни. Человек, которому нечего терять — самый опасный хищник в этих бетонных джунглях.

— Стреляй, если уверен, — тихо произнес Артем. — Но помни: Громов вас не спасет. Он спишет вас как производственный брак. Вы для него — просто цифры в блокноте, который сейчас у меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.